ISSN 1995-0667 (Print)
ISSN 2500-2473 (Online)

Т. 20. № 1-2. 2026

ИЗВЕСТИЯ

ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

СЕРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Известия ДГПУ

DAGESTAN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

JOURNAL

Social and Humanitarian Sciences

T. 20. № 1-2. 2026
Vol. 20. No. 1-2. 2026

Министерство просвещения Российской Федерации
Дагестанский государственный педагогический университет
им. Р. Гамзатова
Ежеквартальный научный журнал

ISSN 1995-0667 (Print)
ISSN 2500-2473 (Online)

Известия Дагестанского государственного педагогического университета серия «Общественные и гуманитарные науки»

Т. 20. № 1-2. 2026

Научные специальности журнала: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки); 5.6.3. Археология (исторические науки); 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки); 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.3. Теория литературы (филологические науки); 5.9.4. Фольклористика (филологические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Учредитель журнала: *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова». Издается по решению ученого совета ДГПУ с 2007 г. Периодичность – 4 номера в год.*

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-65762 от 20 мая 2016 года.

Редакционный совет журнала:

Дибиров Ибрагим Ашрапудинович – главный редактор, д-р филол. наук, проф. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Асваров Нариман Асварович, к. ист. н., доц., ректор ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Акамов Абусупьян Татарханович, д-р филол. наук, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Амирханов Хизри Амирханович, д-р ист. наук, проф., заведующий отделом археологии каменного века, Институт археологии РАН, академик РАН, Москва, Россия;
Атаев Загир Вагитович, канд. геогр. наук, проф., директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Барамидзе Цира Ревазовна, д-р филол. наук, проф., директор, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия;
Мамедов Рамазан Салам оглы, д-р филол. наук, проф., проректор по науке и инновациям, Сумгаитский государственный университет, Сумгаит, Азербайджан;
Лободанов Александр Павлович, д-р филол. наук, проф., декан факультета искусств, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Улаков Махти Зейтунович, д-р филол. наук, проф., заместитель председателя по научной работе, Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия.

Редакционная коллегия серии «Общественные и гуманитарные науки»:

Дибиров Ибрагим Ашрапудинович – председатель, д-р филол. наук, проф. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Абдурахманова Пасигат Джалиловна, д-р филол. наук, проф., зав. каф. иностранных языков и методики их преподавания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Акбиев Арсен Солтанмурадович, д-р ист. наук, проф. каф. всеобщей истории, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Алисултанов Алисултан Султанмурадович, д-р филол. наук, проф. каф. английского языка, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Баранникова Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, проф. каф. Английского языка, ДГПУ, Махачкала, Россия;
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, д-р ист. наук, проф., зав. отделом археологии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Гарунова Нина Нурмагомедовна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории России XX-XXI вв. ДГУ, Махачкала, Россия;
Гасанов Магомед Раджабович, д-р ист. наук, проф. каф. истории, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Гимбатова Мадина Багавутдиновна, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Гмыря Людмила Борисовна, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Джахиева Эльмира Гаджиабдуллаевна, д-р ист. наук, проф. каф. всеобщей истории, ДГУ, Махачкала, Россия;
Кадимов Руслан Гаджимурадович, д-р филол. наук, проф., декан филологического факультета, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Казиева Альмира Магометовна, д-р филол. наук, проф., директор, Северокавказский НИИ филологии ПГУ, Пятигорск, Россия;
Крючков Игорь Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия;
Кукуева Асият Абдуллаевна, канд. филол. наук, доц., зав. каф. литературы, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Магомедов Магомед Ибрагимович, д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова; главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Магомедханов Магомедхан Магомедович, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Мусаева Салихат Ибрагимовна, д-р ист. наук, проф. каф. востоковедения, ДГУ, Махачкала, Россия;
Мутиева Оксана Саидовна, д-р ист. наук, доцент кафедры Отечественной истории, ДГУ, Махачкала, Россия;
Рамазанова Зоя Бутаевна, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Сефербеков Руслан Ибрагимович, д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела этнографии, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия;
Суздальцева Ирина Анатольевна, к. ист. н., доц., каф. всеобщей истории, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Сфиева Диана Касумовна, к. техн. наук, начальник редакционно-издательского отдела, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Темирханова Гюльнара Бейбалаевна, д-р филол., проф. каф. литературы, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Халидова Рашидат Шахрудиновна, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Халипаева Империят Арсланбековна, д-р филол. наук, заслуженный деятель науки РФ, проф. каф. романо-германских и восточных языков и методики преподавания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия;
Чеерчиев Мугума Чеерчиевич, д-р филол. наук, проф. каф. общего языкознания, ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия.

Номер журнала поступил в печать 26.06.2026 г.
Дата выхода в свет 01.07.2026 г.

© Авторы статей, 2026
© Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, 2026

По вопросам размещения рекламы и публикации статей обращаться в редакцию:
367003 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57. Редакционно-издательский отдел ДГПУ им. Р. Гамзатова.
Тел.: (8722) 561275; www.dgpu.net; e-mail: dgpurio@yandex.ru

The Ministry of Education of the Russian Federation
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University

ISSN 1995-0667 (Print)
ISSN 2500-2473 (Online)

Scientific quarterly journal

Dagestan State Pedagogical University
J O U R N A L
Social and Humanitarian Sciences

Vol. 20. No. 1-2. 2026

Scientific specializations of the journal:
5.6.1. National History (Historical Science); 5.6.2. General History (Historical Science); 5.6.3. Archaeology (Historical Science); 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy (Historical Science); 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography (Historical Science); 5.9.1. Russian Literature and Literatures of the Russian Federation Peoples (Philological Science); 5.9.3. Theory of Literature (Philological Science); 5.9.4. Folklore Studies (Philological Science); 5.9.5. Russian Language. Languages of Russian Peoples (Philological Science); 5.9.6. Languages of the Foreign Countries Peoples (Indicating a Specific Language or Group of Languages) (Philological Science); 5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Science).

The journal is founded by: *"Gamzatov Dagestan State Pedagogical University" Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Published by the decision of Gamzatov DSPU Academic Council since 2007. Periodicity - 4 issues a year.*

Registered by Federal Service on Supervision in the sphere of Communication and Mass Media.
Registration certificate ПИ №ФС77-65762 dated May 20, 2016.

Editorial Board

Ibragim A. Dibirov – Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Nariman A. Asvarov, Ph.D. (History), Associate Professor, Rector of Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Abusupyan T. Akamov, Dr. Sci. (Philology), Director, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Khizri A. Amirkhanov, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology, RAS, Academician, RAS, Moscow, Russia;
Zagir V. Atayev, Ph.D. (Geography), Professor, Director of the Research Institute of Biogeography and Landscape Ecology, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Tsira R. Baramidze, Dr. Sci. (Philology), Professor, Director, Institute of Caucasian Studies, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia;
Ramazan S. Mamedov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Vice-Rector for Science and Innovation, Sumgait State University, Sumgait, Azerbaijan;
Aleksandr P. Lobodanov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Dean of the Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Makhti Z. Ulakov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Deputy Chairman for Research, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia.

Editorial Council

Ibragim A. Dibirov – Chairman, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Pasigat Dzh. Abdurakhmanova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Methods of Their Teaching, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Arsen S. Akbiev, Dr. Sci. (History), Professor, Department of General History, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Alisultan S. Alisultanov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of English Language, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Tatyana B. Barannikova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of English Language, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Murtazali S. Gadzhiev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Archaeology, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Nina N. Garunova, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian History of the 20th-21st Centuries, DSU, Makhachkala, Russia;
Magomed R. Gasanov, Dr. Sci. (History), Professor, Department of History, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Madina B. Gimbatova, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Lyudmila B. Gmyrya, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Archaeology, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Elmira G. Dzhakhieva, Dr. Sci. (History), Professor, Department of General History, DSU, Makhachkala, Russia;
Ruslan G. Kadimov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Dean of the Faculty of Philology, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Almira M. Kazieva, Dr. Sci. (Philology), Professor, Director, North Caucasus Research Institute of Philology, PSU, Pyatigorsk, Russia;
Igor V. Kryuchkov, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia;
Asiyat A. Kukueva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Literature, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Magomed I. Magomedov, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU; Chief Researcher, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Dr. Sci. (History), Head of the Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Salikhat I. Musaeva, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Oriental Studies, DSU, Makhachkala, Russia;
Oksana S. Mutieva, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Department of National History, DSU, Makhachkala, Russia;
Zoya B. Ramazanova, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Ethnography, Institute of History, Archeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Ruslan I. Seferbekov, Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Department of Ethnography, Institute of History, Archaeology and Ethnography, DFRC RAS, Makhachkala, Russia;
Irina A. Suzdaltseva, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of General History, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Diana K. Sfieva, Ph.D. (Engineering), Head of Editorial and Publishing Department, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Gulnara B. Temirkhanova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Literature, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Rashidat Sh. Khalidova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Teaching Russian Language and Literature, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Imperiyat A. Khalipaeva, Dr. Sci. (Philology), Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Department of Romano-Germanic and Oriental Languages and Teaching Methods, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;
Muguma Ch. Cherchiev, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Gamzatov DSPU, Makhachkala, Russia;

Journal accepted for publication 26.06.2026
Published 01.07.2026

© Authors of the articles, 2026
© Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, 2026

Concerning the advertising and publication issues, you should address to our editorial office:
57, Yaragskogo Str., Makhachkala, 367003, Editorial and Publishing Department, Gamzatov DSPU.
Phone: (8722) 561275; www.dgpu.net; e-mail: dgpurio@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Магомедов Ю. А. ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ, МУЗЕЕФИКАЦИИ, ПОПУЛЯРИЗАЦИИ 5

Суздальцева И. А. ПУТИ УПРОЧЕНИЯ ПОЗИЦИЙ РОССИИ НА КАВКАЗЕ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II 13

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Кукуева А. А. ДВА «ПРОРОКА»: ДИАЛОГ ПОЭТОВ И КУЛЬТУРНЫЙ КОД РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 22

Сулейманова М. С. ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ МУСЫ МАГОМЕДОВА, ПОСВЯЩЕННЫЙ ФАЗУ АЛИЕВОЙ: ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ПОЭТИКА 29

Шабаева Л. А. ОБРАЗ ЙЫРЧИ КАЗАКА В ПОЭМЕ АБДУРАХМАНА КАЗИЕВА «ЗЕРКАЛО КУМЫКСКОЙ РАВНИНЫ» 35

Эмирова Л. А. МИФ О «СТРОИТЕЛЕ ЧУДОТВОРНОМ» В «МЕДНОМ ВСАДНИКЕ» А. С. ПУШКИНА И «ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ» Н. А. НЕКРАСОВА 40

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Алипулатова Н. С., Сеферов З. Р. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА В АСПЕКТЕ ЭТНОМАРКИРОВАННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ 49

Бабаев В. А. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ 55

Габибуллаева П. М. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ СОЮЗОВ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ 64

Злобин А. А. ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ТЕКСТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ДУХОВНАЯ ПАМЯТЬ* В ПОЭМЕ А. А. АХМАТОВОЙ «РЕКВИЕМ» 71

Ильясов М. В., Адилов А. Г. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЦУРАИНСКОМ ГОВОРЕ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА 79

Исрафилов Н. Р. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ 85

Сахневич С. В. ВЕ И МЕТАГЛАГОЛ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО АКТА 91

ИНФОРМАЦИЯ. ХРОНИКА. ЮБИЛЕИ

Мугутдинова Н. Ш. В ДАГЕСТАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. Р. ГАМЗАТОВА ПРОШЛА ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ДНЮ ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ 100

Султанбеков Р. М. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДОВ КАВКАЗА И ЮГА РОССИИ», ПОСВЯЩЕННАЯ ГОДУ ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ 105

Шабаева Л. А. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. М. СУЛТАНМУРАДОВА «ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА КУМЫКОВ: ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ» (МАХАЧКАЛА: ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2025. 273 С.) 115

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 118

CONTENTS

HISTORY AND ARCHEOLOGY

Magomedov Yu. A. ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN: CURRENT ISSUES OF PRESERVATION, MUSEUMIFICATION AND POPULARIZATION 5

Suzdaltseva I. A. STRENGTHENING RUSSIA'S POSITION IN THE CAUCASUS DURING THE REIGN OF CATHERINE THE GREAT 13

LITERATURE STUDIES

Kukueva A. A. TWO "PROPHETS": A DIALOGUE OF POETS AND THE CULTURAL CODE OF RUSSIAN LITERATURE 22

Suleymanova M. S. POETRY CYCLE BY MUSA MAGOMEDOV DEDICATED TO FAZU ALIYEVA: GENRE ORIGINALITY AND POETICS 29

Shabaeva L. A. THE IMAGE OF YIRCHI KAZAK IN ABDURAKHMAN KAZIEV'S POEM "MIRROR OF THE KUMYK PLAIN" 35

Emirova L. A. MYTH OF THE "MIRACLE-WORKING BUILDER" IN A. S. PUSHKIN'S "THE BRONZE HORSEMAN" AND N. A. NEKRASOV'S "THE RAILWAY" 40

LINGUISTICS

Alipulatova N. S., Seferov Z. R. STYLISTIC SYNTAGMATICS IN THE ASPECT OF ETHNOMARKED LINGUISTIC-CULTURAL PERSONALITY 49

Babaev V. A. STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF ADVERBIAL SUBORDINATE CLAUSES IN THE LEZGIN LANGUAGE 55

Gabibullayeva P. M. STRUCTURAL-SEMANTIC AND FUNCTIONAL ASPECTS OF CONJUNCTIONS IN THE DARGIN LANGUAGE 64

Zlobin A. A. LEXICAL AND TEXTUAL REPRESENTATION OF *SPIRITUAL MEMORY* CONCEPT IN A. A. AKHMATOVA'S POEM "REQUIEM" 71

Ilyasov M. V., Adilov A. G. LEXICAL FEATURES OF NOUN FORMATION IN THE TSURAIN DIALECT OF THE DARGIN LANGUAGE 79

Israfilov N. R. GRAMMATICAL FORMS OF THE VERB IN THE AGUL LANGUAGE 85

Sakhnevich S. V. BE AND META-VERB: AN EMPIRICAL VERIFICATION OF THE GRAMMATICAL MODEL OF THE SPEECH ACT 91

INFORMATION. CHRONICLE. ANNIVERSARIES

Mugutdinova N. Sh. THE ALL-RUSSIAN CONFERENCE DEDICATED TO THE DAY OF UNITY OF THE PEOPLES IN RUSSIA WAS HELD AT GAMZATOV DAGESTAN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY 100

Sultanbekov R. M. INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "CURRENT PROBLEMS OF THE HISTORY OF THE PEOPLES IN THE CAUCASUS AND SOUTHERN RUSSIA", DEDICATED TO THE YEAR OF UNITY OF THE PEOPLES IN RUSSIA 105

Shabaeva L. A. REVIEW FOR A. M. SULTANMURADOV'S BOOK "FOLKLORE AND LITERATURE OF THE KUMYKS: RESEARCH, PAPERS" (MAKHACHKALA: ILLA DFRS RAS, 2025:273) 115

RULES FOR THE AUTHORS 118

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

История и археология / History and Archeology
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 93/94:902
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-5-12
EDN: EZWWRD

Памятники археологии в Республике Дагестан: актуальные вопросы сохранения, музеефикации, популяризации

© 2026 Магомедов Ю. А.✉
Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Махачкала, Россия, yusup_103@mail.ru✉

РЕЗЮМЕ. Цель. Проанализировать состояние объектов культурного наследия Республики Дагестан, а именно памятников археологии и их значения как объектов притяжения внутреннего туризма; выявить наиболее важные проблемы сохранения, музеефикации, популяризации имеющихся памятников археологии в Республике. **Результаты.** В статье рассмотрены актуальные вопросы сохранения, музеефикации, популяризации памятников археологии в Республике Дагестан на современном этапе, указаны перспективы объектов археологического наследия как объектов притяжения туристов. Названы музеефицированные объекты археологии в Дагестане (Дербенте) и объекты возможной музеефикации. **Выводы.** Сохранение и популяризация памятников археологии Республики Дагестан могут способствовать формированию и реализации воспитательной, краеведческой, образовательной работы как среди подрастающего поколения, так и среди населения региона в целом. Музеефикация значимых объектов культурного наследия позволит преобразовать их в интересные и привлекательные точки туристических маршрутов.

Ключевые слова: объект культурного наследия, Дагестан, археология, краеведение, музеефикация.

Формат цитирования: Магомедов Ю. А. Памятники археологии в Республике Дагестан: актуальные вопросы сохранения, музеефикации, популяризации // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 5-12. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-5-12. EDN: EZWWRD

Archaeological Sites in the Republic of Dagestan: Current Issues of Preservation, Museumification and Popularization

© 2026**Yusup A. Magomedov**✉
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russia, yusup_103@mail.ru✉

ABSTRACT. Aim. To analyze the current state of cultural heritage sites in the Republic of Dagestan, specifically archaeological sites and their significance as domestic tourism attractions; to identify the most pressing issues of preservation, museification and popularization of existing archaeological sites in the Republic. **Results.** The paper examines current issues of preservation, museification and popularization of archaeological sites in the Republic of Dagestan and identifies the prospects for archaeological heritage sites as tourist attractions. Archaeological sites in Dagestan (Derbent) that have been converted into museums and potential sites for museumification are identified. **Conclusions.** The preservation and popularization of archaeological sites in the Republic of Dagestan can contribute to the development and implementation of educational, local history and other activities, both among the younger generation and among the region's population as a whole. The museification of significant cultural heritage sites will transform them into interesting and attractive tourist destinations.

Keywords: cultural heritage site, Dagestan, archaeology, local history, museification.

For citation: Magomedov YuA. Archaeological Sites in the Republic of Dagestan: Current Issues of Preservation, Museumification and Popularization. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):5-12. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-5-12. EDN: EZWWRD

Введение

Интерес к Республике Дагестан, ее истории, культуре переживает на современном этапе развития нашей страны своеобразный ренессанс, за последние пять лет желающих увидеть дагестанские памятники природы и культуры стало гораздо больше. Ограничения по передвижению во всем мире, связанные с пандемией Covid-19, привели к снижению числа туристов из России на «внешних» направлениях и росту на внутрироссийских туристических направлениях. Хоть и на внутреннем туризме пандемия также сказалась отрицательно, но восстановление его произошло быстрее. Помимо пандемии, рост числа желающих отдохнуть в своей стране связан и с запретом на выезд за границу для сотрудников силовых органов, налоговых должников, проблемами с вывозом детей у разведенных родителей, а также с популяризацией внутреннего туризма со стороны государственных органов власти, появлением программы по возмещению части расходов на поездки внутри России. Эти и другие факторы привели к появлению новых точек и возрождению «старых» на «туристической карте» страны. Республики Северного Кавказа, в том числе и Дагестан, долгие годы постсоветского периода имели низкий уровень притяжения туристов ввиду отрицательного реноме в глазах среднестатистического гражданина страны – сказалась как негативная инфоповестка (теракты, экстремизм, события 1998 и 1999 гг.), в какой-то мере предвзятое отношение средств массовой информации к региону, разрушение имевшейся инфраструктуры отдыха в республике и отсутствие необходимых бытовых условий для приема туристов (гостиницы, базы отдыха, гостевые дома, транспортной логистики и т. д.). Однако последние несколько лет показали привлекательность Дагестана для соотечественников.

География поездок самая широкая, в том числе места уникальных природных ландшафтов, таких как Сулакский каньон, который стал одной из визитных карточек республики (и послужил своеобразным толчком к росту туризма в республике на

современном этапе, так как снимки каньона с квадрокоптера привлекли в регион многих россиян) наряду с Дербентской крепостью.

Жители республики Дагестан на современном этапе развития страны с удовольствием путешествуют по региону. Благодаря такому досугу, многие лучше понимают уникальность и самобытность Дагестана. Исследователь Ф. А. Гаджалова справедливо отмечает, что «рост внутреннего туризма играет положительную роль в развитии самосознания жителей Дагестана, в укреплении патриотического воспитания молодежи» [1, с. 147]

Материал и методы исследования

Материалом для статьи послужили данные об объектах культурного наследия Республики Дагестан, а именно о памятниках археологии, которые представлены Агентством по охране культурного наследия Республики Дагестан; а также ценные сведения об открытых археологических памятниках, представленных в статьях таких дагестанских ученых-археологов, как М. С. Гаджиева, Л. Б. Гмыря, А. К. Абиева, А. Л. Будайчиева и др. Ценными для нас явились работы отечественных специалистов Ф. А. Гаджаловой, Т. Г. Гребенниковой, М. Е. Каулен, Т. Паршиковой, раскрывающих особенности работы по музеефикации объектов культурного наследия в России.

При написании статьи применялись различные методы, в том числе типологический, хронологический, системного анализа.

Результаты и их обсуждение

Ранее отмечалось, что «преобразования историко-культурных и природных объектов в объекты музейного показа и культурно-познавательного туризма – это новый этап в развитии территорий» [1, с. 24]. В рамках развития туристической отрасли в Дагестане важно и дальше разрабатывать маршруты, составлять туристические карты с указанием исторических мест, центров народных промыслов, включать эти места в число объектов туристического показа. Туристические фирмы и органы власти постоянно расширяют свои маршруты, организуют новые – это и новые природные объекты, и рукотворные, старые сёла и объекты культурного наследия. Новым для Дагестана является такое явление, как музеефикация памятников археологии и включение их в новые туристические маршруты. Дагестан богат такими памятниками, всего по данным профильного ведомства нашей республики – Агентства по охране культурного наследия РД («Дагнаследие») «объектов культурного наследия насчитывается 8666, из них памятников истории – 2170, памятников археологии – 2138, памятников архитектуры – 3609, памятников искусства – 728, достопримечательных мест – 21» [2].

Археологические памятники наряду с другими являются в большинстве своем объектами культурного наследия, что «накладывает» отпечаток на особенности требований по их сохранности.

В одном из отчетов «Дагнаследия» отмечается, что «полномочия по государственной охране ОКН, расположенных на территории Республики Дагестан, осуществляет Агентство по охране культурного наследия Республики Дагестан, за исключением 66 ОКН – объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в г. Дербенте, в отношении которых полномочия реализуются Министерством культуры РФ» [2].

В Дагестане достаточно много разнообразных памятников, о которых знают как в самой республике, так за ее пределами: Дербентская цитадель, остатки стены «Даг-бары», старейшая Джума-мечеть в Дербенте, крепости в с. Ахты, Кала-Корейш, Гунибе, Хунзахе, Куяде, Верхнечирюртовский могильник, стоянки древнего человека в Акушинском районе (Айникаб, Мухкай), башни в с. Гоор и

с. Кубачи, Эски-Юртовское городище, Анадинский замок, Геметюбинские курганы, курганные группы «Эгиз-Тюбеляр» и «Тамаза-Тюбе», Гашшиминские курганы, Паласасыртский могильник IV-VII вв.

Наиболее значимым историческим памятником в Дагестане является крепость Нарын-кала в Дербенте, и именно ему принадлежит «пальма первенства» в республике в деле музеефикации археологических памятников. Наиболее «беззащитными» перед посягательствами недобросовестных застройщиков, «чёрных копателей», которых в республике становится год от года всё больше, являются памятники археологии. Поэтому значение музеефикации и создание необходимых условий по их охране повышается. Данная проблема не является сугубо республиканской или государственной, с ней сталкиваются историки и органы государственной власти во всех странах мира. Ещё в 1990 г. Ассамблеей Международного союза по памятникам и достопримечательным местам была принята «Хартия», в которой отмечено, что «демонстрация археологического наследия широкой публике является важным средством ознакомления с истоками и эволюцией современного общества», и самым лучшим способом для понимания необходимости сохранять это наследие [3].

Музеефикация – это достаточно новое, но очень важное направление работы музеев и ведомств по охране памятников, а также собственно специалистов: археологов, историков, искусствоведов. Их работа заключается в преобразовании историко-культурных и природных памятников в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности [4, с. 363]. Памятник археологии в процессе данной деятельности становится экспонатом почти под открытым небом. Такие «открытые» зоны археологических раскопок важны не только для науки, но и для формирования интереса к научному знанию, к истории страны у широкой общественности.

Исследователь Т. С. Паршикова отмечает в своей статье: «Музеефикация археологических памятников является неотъемлемым этапом для их последующей интеграции в социокультурную и туристско-рекреационную сферы. Это сложный процесс, включающий в себя подготовку исследований, полевое изучение, восстановление, консервацию и реставрацию, информационное и туристическое сопровождение и др.» [5].

Одним из интересных и значимых примеров музеефикации археологических объектов в России можно назвать собственно музей археологии Москвы, экспозиция которого включает в себя старинные устои Воскресенского моста XVII-XVIII вв. и реконструкцию археологических раскопок (реальный раскоп под опорой Воскресенского моста) с инструментами и дневниками археологов, расположенный на глубине 7 м на месте археологических раскопок 1993-1996 гг. А также одни из самых известных объектов – музеефикация археологических шурфов в виде «окон» на Ивановской площади Московского Кремля (фундаменты и цокольные части двух церквей и трапезной Чудова монастыря; подвального помещения Малого Николаевского дворца), открытые учёными Института археологии Российской академии наук весной 2016 г.

Практика создания «археологических окон» – одна из современных технологий презентации культурного наследия, она получила широкое распространение во многих исторических городах Европы и Азии.

В 2014 г. в Дербенте на средства Благотворительного фонда «Пери» члены новостроечной экспедиции отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук провели изыс-

кательные археологические работы на участке, где по сведениям находилась землянка императора Российской империи Петра I. По их итогу были обнаружены остатки «домика», в котором он проживал несколько дней в августе 1722 г. [6]. После проведенных работ объект был законсервирован, землянка накрыта стеклянным куполом, создан музейный комплекс, который ежедневно посещают туристы и школьники. Здесь они могут рассмотреть фундамент жилища и находки археологов.

Другой интересный опыт музеефикации в Дербенте – это объект «Хрустальный мост» у Северной крепостной стены. Историческую ценность представляет не сам мост, а «окно», через которое он перекинут. Это закрытое стеклом место археологических раскопок, памятник был выявлен в 2014 г. Археологи Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН исследовали находку и дали заключение, что это «монументальный мусульманский культовый комплекс, связанный с системой водоснабжения. Комплекс включал каменные стелы с мусульманскими религиозными текстами на арабском языке, площадку-платформу от культового здания, каменные и керамические водоводы, водоотстойники, крупные бассейны-резервуары» [7]. Комплекс законсервирован, накрыт стеклом, над ним построен «хрустальный» мост. Сегодня это новая туристическая достопримечательность по ул. Н. К. Крупской в старейшем «городе-музее».

Дербент – это город, изобилующий археологическими памятниками, поэтому исследования здесь ведутся более полувека, в нескольких километрах к югу от «южной столицы» Дагестана находится памятник на Паласа-сырте и у р. Рубас. «Паласа-сыртский курганный могильник – один из крупнейших на Северном Кавказе некрополей эпохи Великого переселения народов. Он расположен в 30 км к югу от Дербента. По данным съемок из космоса, здесь сохранилось свыше двух тысяч курганов» [8]. Известный дагестанский археолог Л. Б. Гмыря в научной статье подчеркивает: «На Паласа-сыртском курганном могильнике IV-V вв. в период с 1880 по 2014 г. раскопано 175 курганов, содержавших 181 погребение. Захоронения производились в погребальных сооружениях различных типов, а погребальный инвентарь включал в основном керамические сосуды, предметы убора костюма женщин и мужчин, некоторые типы оружия (мечи, кинжалы) и орудий труда, металлические литые зеркала, стержневые привески и др.» [9]. Музеефикация одного из курганных могильников возможна «в разрезе» могла бы представлять интерес как для местных жителей, так и для туристов. В то же время можно не музеефицировать такой памятник, а установить хотя бы информационный стенд у одного или нескольких курганов, или экран, на который выводилась бы проекция памятника или его 3-D модель с необходимой для ознакомления информацией.

Другой интересный памятник в этом же регионе – Рубасский архитектурный комплекс (гидроузел). Это уникальный памятник монументальной архитектуры раннего средневековья. Руководитель раскопок доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН Л. Б. Гмыря. Данный ценный объект был открыт в 2014 г., он находится в низовьях р. Рубас. Исследователь подчеркивала: «По технологии сооружения Рубасская фортификация близка объектам Дербентского заградительного комплекса сер. VI в., однако её конструкция и планировка не имеют аналогов в мировой практике возведения оборонительных сооружений, и он ещё до конца не изучен» [10]. По результатам новых археологических исследований, ученый-археолог приходит к выводу, что данный объект мог быть сложнейшим гидротехническим сооружением (гидро-

узел) для своего времени (не имеющим аналогов на Кавказе), что также не может не вызывать интерес как у специалистов, так и у широкой общественности [11].

Следует ускорить исследование памятника и провести на нем реставрационные работы с установкой защитного навеса, как это принято в мировой практике. Социальная польза исследований данного объекта состоит в полном изучении и сохранении памятника, также его хорошая сохранность дает возможность провести музеефикацию и включить его в туристический маршрут федерального значения.

Совместная работа специалистов и ученых разного профиля, связанная с актуализацией и музеефикацией, приводит в конечном итоге к популяризации истории региона, возникновению и развитию интереса у широких слоев общества страны и республики к далекому прошлому, проявлению чувства гордости за свою малую и большую Родину. Эта работа поспособствует разработке новых туристических маршрутов и увеличению потока внутреннего и внешнего туризма. Исследователь Т. Г. Гребенникова справедливо пишет о том, что «проектирование и апробация таких маршрутов может выступать как форма использования памятников наследия, предваряющая окончательную музеефикацию. Эти меры позволят изучить туристский интерес к конкретным памятникам наследия, состав аудитории, выявить формы показа объектов» [12, с. 38]. Ценной и значимой в данном направлении представляется опыт Дербентского музея-заповедника, который постепенно «расширяет» зону охвата туризмом как внутри города (построение новых пеших маршрутов и включение в них новых объектов, вновь открытых и отреставрированных), так и за его пределами. Например, маршрут вдоль «Дагестанской великой стены» – «Дагбары», которая до недавнего времени была заброшенной и вызывала интерес только у узких специалистов и энтузиастов-краеведов. Сегодня вслед за ними после определенной работы «идёт» обычный турист.

Заключение

Подобные мероприятия могут помочь в деле популяризации объектов культурного наследия в целом и объектов археологии в частности. К сожалению, в Республике Дагестан такие памятники не являются основными в большинстве туристических направлений и маршрутов. О них могут не знать или не могут представить достойно. Важна системная деятельность в этом направлении, необходимо системно музеефицировать наиболее интересные и ценные памятники, причем многие из них могут стать «брендами» той или иной местности – села или района.

Как отмечали в докладе на конференции, посвященной краеведческой работе в г. Дербенте: «Преобразования историко-культурных и природных объектов в объекты музейного показа и культурно-познавательного туризма – это новый этап в развитии территорий. В наши дни многие объекты культурного наследия становятся объектами туристического притяжения, вызывая необходимость знания местным населением истории памятников. Поэтому актуализация сведений об объектах культурного наследия, полная и правильная информация имеет огромное значение, так как памятники часто обрастают мифами, фальсификациями, не имеющими ничего общего с подлинной историей» [1, с. 23-24]. Достаточно новым и пока еще не получившим массового распространения, однако являющимся перспективным считаем направление по музеефикации памятников археологии, что позволит привлечь любителей истории, краеведов, молодежь к изучению истории родного края. Все это может помочь в деле сохранения, популяризации культуры (памятников различных эпох) в Дагестане и Российской Федерации.

Список литературы

1. Магомедов Ю. А. Объекты культурного наследия Дагестана – важный аспект краеведческой работы // Краеведческие исследования. Проблемы и методы презентации локальной истории: сборник материалов Региональной научно-практической конференции (Дербент, 25 апреля 2024 г.). Махачкала: Алеф, 2024. С. 20-24.

2. Работа Агентства по охране культурного наследия Республики Дагестан в 2021 г. URL: http://dagnasledie.ru/teksty-ofitsialnykh-vystupleniy-i-zayavleniy-rukovoditeley-agentstva (дата обращения: 25.08.2023).

3. Хартия по охране и управлению археологическим наследием от 10 октября 1990 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/901756984 (дата обращения: 25.08.2023).

4. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурных и природных объектов // Музейное дело России. М.: ВК, 2005. С. 363-426

5. Паршикова Т. С. Опыт музеефикации археологических памятников Алтайского края: проблемы и перспективы // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5(97). С. 213-217. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-38

6. Гаджиев М. С., Абиев А. К., Будайчиев А. Л., Абдуллаев А. М., Шаушев К. Б. Исследования выявленного объекта культурного наследия «Домик Петра I» в Дербенте // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3(43). С. 165-182.

7. Гаджиев М. С., Абиев А. К., Будайчиев А. Л., Абдуллаев А. М., Шаушев К. Б. Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X – нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3(43). С. 183-195.

8. Гмыря Л. Б. Паласа-сыртский курганный могильник IV-V веков: итоги, проблемы и перспективы исследований // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 2(67). С. 71-86.

9. Магомедов Ю. А., Гмыря Л. Б. Специфика керамических комплексов обособленных курганных групп № 1-5 Паласа-сыртского могильника IV-V вв. // История, археология и этнография Кавказа. 2015. Т. 11. №1. С. 106-136.

10. Гмыря Л. Б., Саидов В. А., Магомедов Ю. А. Рубасская фортификация на Восточном Кавказе – 5 лет исследований (2014, 2016-2018, 2020 гг.) //

References

1. Magomedov YuA. Cultural heritage objects of Dagestan – an important aspect of local History work. *Local History Research. Problems and Methods of Presenting Local History: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference (Derbent, April 25, 2024).* Makhachkala: Alef, 2024:20-24. (In Russ)

2. Work of the Agency for the Protection of Cultural Heritage of the Republic of Dagestan in 2021. URL: http://dagnasledie.ru/teksty-ofitsialnykh-vystupleniy-i-zayavleniy-rukovoditeley-agentstva (accessed 08/25/2023). (In Russ)

3. Charter for the Protection and Management of Archaeological Heritage of October 10, 1990. URL: https://docs.cntd.ru/document/901756984 (accessed 25.08.2023). (In Russ)

4. Kaulen ME. Museification of historical, cultural and natural objects. *Museum Affairs of Russia.* Moscow: VK, 2005:363-426. (In Russ)

5. Parshikova TS. Experience of museification of archaeological monuments of the Altai Territory: problems and prospects. *Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2017(5(97):213-217. (In Russ). DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-38

6. Gadzhiev MS, Abiev AK, Budaichiev AL, Abdullaev AM, et al. Research of the identified cultural heritage site “House of Peter I” in Derbent. *Vestnik Instituta Istorii, Arheologii i Etnografii*. 2015(3(43):165-182. (In Russ)

7. Gadzhiev MS, Abiev AK, Budaichiev AL, Abdullaev AM, et al. Discovery and study of the Muslim cult complex X – early XIII century in Derbent (preliminary message). *Vestnik Instituta Istorii, Arheologii i Etnografii*. 2015(3(43):183-195. (In Russ)

8. Gmyrya LB. Palasa-Syrt burial mound cemetery of the 4-5th centuries: results, problems and research prospects. *Bulletin Russian Foundation for the Humanities*. 2012(2(67):71-86. (In Russ)

9. Magomedov YuA, Gmyrya LB. Specific features of ceramic complexes of isolated burial mound groups No. 1-5 of the Palasa-Syrt burial ground of the 4-5th centuries. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus.* 2015;11(1):106-136. (In Russ)

10. Gmyrya LB, Saidov VA, Magomedov YuA. Rubas fortification in the Eastern Caucasus – 5 years of research (2014, 2016-2018, 2020). *Voprosy*

Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11(80). С. 2965-2975.

11. Гмыря Л. Б. Проблемы интерпретации раннесредневекового комплекса инженерных сооружений на Р. Рубас (восточный Кавказ): оборонительный объект или гидроузел? // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 4. С. 1056-1073.

12. Гребенникова Т. Г. Музеефикация археологических памятников: проблемы и организационно-методические подходы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций. Барнаул: Концепт, 2013. С. 37-39.

Nacional'nyh i Federativnyh Otnoshenij. 2021;11(11(80):2965-2975. (In Russ)

11. Gmyrya LB. Problems of interpretation of the early medieval complex of engineering structures on the Rubas River (Eastern Caucasus): defensive object or hydraulic structure? *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus.* 2023;19(4):1056-1073. (In Russ)

12. Grebennikova TG. Museification of archaeological monuments: problems and organizational and methodological approaches. *Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory: Proceedings of the XVIII and XIX Regional Scientific and Practical Conferences.* Barnaul: Concept, 2013:37-39. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Магомедов Юсуп Абдусаламович, младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала, Россия, yusup_103@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2957-8848

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Yusup A. Magomedov, Junior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, yusup_103@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2957-8848

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2025
Одобрена после рецензирования 16.12.2025
Принята к публикации 29.01.2026

The article was submitted 09.12.2025
Approved after reviewing 16.12.2025
Accepted for publication 29.01.2026

История и археология / History and Archeology
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 94
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-13-21
EDN: FAFFFC

Пути упрочения позиций России на Кавказе в годы правления Екатерины II

© 2026 **Суздальцева И. А.**✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, s.iren.a2010@mail.ru✉

РЕЗЮМЕ. Целью статьи является изучение основных направлений кавказской политики Екатерины II, которая стремилась к укреплению российских позиций в регионе путем обеспечения безопасности южных рубежей, расширения влияния в Закавказье и создания условий для хозяйственного освоения территорий. Для этого на Кавказе возобновилось строительство военных крепостей. **Методологической** основой исследования стали принципы научности и историзма, хронологический подход изучения событий и ретроспективный анализ событий второй половины XVIII в. **Результаты.** Правительство Екатерины II возобновило строительство военных крепостей, вокруг которых росли города, способствовало увеличению числа военного и казачьего населения, которое должно было стать оплотом центральной власти в регионе. Представители российской администрации на Кавказе привлекали на службу горцев, вели пропаганду христианства среди местного населения. В целях социально-экономического развития региона правительство России склоняло на свою сторону грузин и армян, поощряло переселение государственных крестьян из внутренних губерний страны и предпринимало шаги к началу немецкой колонизации Северного Кавказа. В 1796 г. России пришлось вооруженным путем защищать свое влияние и престиж на Кавказе в противостоянии с Персией. **Выводы.** Правительство Екатерины II предпринимало меры военно-стратегического и административного характера для укрепления безопасности южных границ и расширения влияния России на Кавказе. Поощрение переселений из внутренних губерний России и миссионерская деятельность укрепляли социальную опору власти и создавали условия для хозяйственного освоения края. Одновременно все эти меры способствовали упрочению российских позиций на Кавказе и более глубокому включению региона в состав империи.

Ключевые слова: Моздок, Кургоко Кончокин, армяне и грузины, казачьи войска, Терская линия, Кавказская губерния, переселение крестьян, немецкая колонизация, пропаганда православия, Персидский поход 1796 г.

Формат цитирования: Суздальцева И. А. Пути упрочения позиций России на Кавказе в годы правления Екатерины II // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 13-21. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-13-21. EDN: FAFFFC

Strengthening Russia's Position in the Caucasus During the Reign of Catherine the Great

© 2026 Irina A. Suzdaltseva ✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, s.iren.a2010@mail.ru ✉

ABSTRACT. The **aim** of the paper is to examine the main directions of Catherine the Great's Caucasus policy, which sought to strengthen Russia's position in the region by securing its southern borders, expanding its influence in Transcaucasia and creating conditions for economic development. To this end, the construction of military fortresses in the Caucasus was resumed. The methodological basis of the research is based on the principles of scientific approach and historicism, a chronological approach to studying events and a retrospective analysis of events from the second half of the 18th century. **Results.** The government of Catherine the Great resumed the construction of military fortresses, around which cities grew, and contributed to the growth of the military and Cossack population, which was intended to become a stronghold of central power in the region. Russian administration officials in the Caucasus recruited highlanders and promoted Christianity among the local population. To promote the socioeconomic development of the region, the Russian government wooed Georgians and Armenians, encouraged the resettlement of state peasants from the country's interior provinces, and took steps to initiate German colonization of the North Caucasus. In 1796, Russia was forced to defend its influence and prestige in the Caucasus by force of arms in a confrontation with Persia. **Conclusions.** The government of Catherine the Great took military-strategic and administrative measures to strengthen the security of its southern borders and expand Russia's influence in the Caucasus. Encouraging resettlement from Russia's interior provinces and missionary activity strengthened the government's social base and created conditions for the economic development of the region. At the same time, all these measures contributed to the strengthening of Russia's position in the Caucasus and the region's deeper integration into the empire.

Keywords: Mozdok, Kurgoko Konchokin, Armenians and Georgians, Cossack troops, Terek line, Caucasian province, resettlement of peasants, German colonization, propaganda of Orthodoxy, Persian campaign of 1796.

For citation: Suzdaltseva IA. Strengthening Russia's Position in the Caucasus During the Reign of Catherine the Great. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):13-21. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-13-21. EDN: FAFFFC

Введение

Первая энергичная попытка России утвердиться на Кавказе была предпринята Петром I в первой четверти XVIII в. Великий реформатор задумал проложить вдоль западного берега Каспийского моря, через персидские владения, торговый путь в Индию. В ходе Персидского (Каспийского) похода 1722-1723 гг. в состав Российской империи были включены Дагестан, Апшеронский полуостров, Ширванское ханство, Баку с прилегающей областью, а также ряд приморских провинций Северной Персии: Гилян, Мазандеран и Астрабад. Для укрепления влияния России на присоединенных территориях началось строительство военных крепостей и организация переселенческих мероприятий, в ходе которых на Северном Кавказе увеличилось число выходцев из внутренних губерний страны, Армении и Грузии [1, с. 14]. Однако преемники Петра I не смогли удержать под властью России завоеванные земли. Кавказская политика России активизировалась лишь в царствование Екатерины II.

Материал и методы исследования

В ходе исследования были использованы документальные материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД) и опубликованные источники, которые вошли в со-

став ряда сборников: «Русско-осетинские отношения в XVIII в. (Сборник документов в 2 т. Т. 1. 1741-1762 гг.)» и «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы (в 2 т. Т. 1)». Автор опиралась на исследования дореволюционных, советских и современных авторов. Выявлению основных путей укрепления позиций России на Кавказе во второй половине XVIII в. способствовали принципы научности и историзма. Ретроспективный метод и хронологический подход в исследовании помогли поэтапному и последовательному рассмотрению событий, связанных с политикой Екатерины II.

Результаты и их обсуждение

В годы правления Екатерины II правительство России возобновило строительство крепостей и городов на Северном Кавказе. Отправной точкой для возобновления российской активности на Северном Кавказе стало основание в 1763 г. крепости – г. Моздока. В 1762 г. один из малокабардинских князей Кургоко Кончокин обратился к Сенату с просьбой разрешить ему с частью своих подвластных людей (около 40 дворов) поселиться на левом берегу р. Терек между урочищами Мекен и Мездог и обещал склонить к переселению других осетин и горцев. Проявляя преданность России, в 1759 г. он вместе с семьей принял «святое крещение» в г. Кизляре и стал именоваться Андрей Иванович. В 1762 г. К. Кончокин входил в состав делегации от Кабарды, которая ездила в Санкт-Петербург «для отдатия всенижайшего поклона государю Петру III», и стал свидетелем государственного переворота, приведшего на престол Екатерину II. За это императрица наградила его золотой медалью, присвоила чин полковника с жалованием в 500 руб. в год и титул князя Канчокина-Черкасского [2, с. 458]. Сенат поручил более детально рассмотреть вопрос о переселении К. Кончокина с узденями (представители свободного сословия, находившиеся на службе князя) на равнину и принять по нему окончательное решение. Коллегия иностранных дел сочла нужным удовлетворить просьбу князя и отвести под поселение место в любом из указанных им урочищ, но с условием, что оно будет удобно и для строительства военной крепости. Постройку селения и небольшого временного форпоста возложили на инженера-полковника Петра Ивановича Гака, который ранее служил в г. Кизляре и зарекомендовал себя как умелый военачальник-фортификатор. Получив все необходимые предписания, К. Кончокин и П. И. Гак весной 1763 г. выехали на Терек и выбрали место в урочище Мездогу (по-адыгейски «большой лес»), где было устроено поселение. В том же году российское правительство заложило здесь укрепление Моздок, затем получившее статус города. Его строительство велось скрытно и поспешно, чтобы заблаговременно не обеспокоить турецкого султана и крымского хана.

Основу гарнизона нового военного укрепления составили солдатский батальон, переведенный из Астрахани, и Моздокская горская казачья команда. Она была сформирована в 1765 г. под командованием Андрея Ивановича (Кургоко) Кончокина из числа крещеных осетин и кабардинцев, в том числе беглых холопов, и насчитывала более 100 человек [3, с. 62]. Члены команды выполняли посреднические функции, выступали в качестве переводчиков, сопровождали почту и грузы, участвовали в охране крепости [4, с. 55].

В последующем в Моздок начали прибывать многие кабардинцы и осетины, искавшие убежища от притеснения своих феодалов и разорительных набегов крымских ханов. Российское правительство поощряло их при переселении принимать крещение: из доходов Кизлярского края узденям выплачивалось по 10 руб., а простым людям – по 5 руб. Благодаря этой мере число крещеных переселенцев в Моздоке быстро росло. Кроме того, после

принятия христианства и российского подданства они освобождались от феодальной зависимости.

В июле 1763 г. право селиться в Моздоке получили кизлярские армяне, основавшие здесь свою колонию. Вслед за ними сюда переехали многие кизлярские грузины [5, с. 109-110]. В результате основное население города составили кабардинцы и осетины, армяне, грузины и греки, которые поселились слободами (кварталами): Грузинская, Армянская, Осетинская, Кабардинская и т. д. Со временем Моздок превратился в сильную крепость, находящуюся в подчинении кизлярского коменданта. В последующем Россия продолжала принимать меры для дальнейшего упрочения своих позиций в регионе и строить крепости на линии Моздок – Азов.

Еще одной важной мерой упрочения позиций России на Северном Кавказе стало увеличение числа казачьих войск. Для укрепления Терской линии на левобережье от Моздока до Червленной были поселены 517 семей волжских казаков, которые являлись выходцами с Верхнего Дона. В соответствии с решением правительства от 1765 г., к началу 70-х гг. XVIII в. были основаны станицы Галюгаевская, Ищерская, Наурская, Мекенская, Калиновская [6, с. 93-96]. Обосновавшиеся в них казаки составили Моздокский полк. В дальнейшем в каждую станицу было дополнительно направлено по 50 семей донских казаков. В 1770 г. 100 семей донцов на окраине Моздока основали станицу Луговскую [7, с. 50]. С основанием крепости Моздок и ряда казачьих станиц было завершено создание Терской кордонной линии – первой укрепленной российской линии на Северном Кавказе.

После победы России в войне с Османской империей 1768-1774 гг. и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 10 июля 1774 г. изменилась геополитическая ситуация на Северном Кавказе, что способствовало вхождению Кабарды и Осетии в состав Российской империи. Одновременно укреплялись отношения с владетелями Дагестана.

Важной частью политики укрепления российских позиций на Северном Кавказе стало образование Кавказской губернии (1775 г.) и Кавказского наместничества (1785 г.). Путем административных реформ правительство пыталось интегрировать обширный регион в состав Российской империи.

Русское государство стремилось укрепить свои позиции на Тереке и с этой целью поощряло переселение в этот регион крестьян из России. Этот период характеризуется ростом численности русских переселенцев за счет отставных офицеров, военнослужащих, гражданских чиновников и казаков, которым безвозмездно или на льготных условиях предоставлялись значительные земельные наделы. Крупными земельными собственниками были А. В. Чернышов, А. В. Воронцов и др. Русские дворяне получили в Дагестане более 25 тыс. десятин земли. Только в 1781-1784 гг. на Северный Кавказ было перевезено около 70 тыс. человек из внутренних губерний России. Поскольку для освоения территорий требовалось намного больше крестьян, правительство разрешило переселяться на Северный Кавказ «всем, без различия звания». Откликнулось сразу же 23 тыс. человек. К концу XVIII в. часть этих крестьян создала более 40 новых крестьянских сел. Одновременно Северный Кавказ (за исключением Дагестанской области) стал местом ссылки раскольников и сектантов [8, с. 174].

Значительный поток русских переселенцев шел в города. К моменту образования Кавказского наместничества в 1786 г. на Северном Кавказе было 5 городов (Кизляр, Моздок, Ставрополь, Георгиевск, Екатериноград) и 12 населенных пунктов с общим числом жителей 22 156 душ мужского пола.

В условиях интеграции Северного Кавказа в состав Российской империи важной задачей российских властей было распространение христианства и пропаганда православия среди кавказских горцев. Миссионерская деятельность православного духовенства рассматривалась российским правительством как ключевой инструмент установления контроля над горскими народами и как часть общегосударственной политики приобщения «окраин к общерусской гражданственности». Проповедники считались духовными наставниками и представителями государственной власти, которые должны были способствовать приобщению горцев к российским законам, смягчению нравов и установлению порядка на Северном Кавказе.

В XVIII в. работа по распространению христианства и пропаганды православия среди кавказских горцев была возложена на Кизлярский монастырь и Осетинскую духовную комиссию, которая весной 1745 г. начала работу в Дигории [9, с. 12]. По инициативе религиозных организаций в Кизляре организовали работу русской школы, в которую принимали детей осетин, кабардинцев, черкесов и других горцев для обучения грамоте и началам христианской религии [10, с. 22]. В 1765 г. Осетинская духовная комиссия, в которой преобладали грузинские священники, была переведена в Моздок. По сведениям Е. Х. Нескидаевой, в 1771-1792 гг. миссионеры приобщили к христианской вере 6 657 человек [9, с. 12]. Деятельность Осетинской духовной комиссии способствовала распространению элементов русской культуры и грамотности, содействовала освобождению (выкупу) христиан из турецко-крымского, персидского и горского плена. Наибольших успехов миссионеры добились в Осетии, где удалось привлечь к работе местных священников и добиться определённого распространения православия. Однако в целом их работу не признают вполне успешной, так как мусульмане Северного Кавказа неохотно принимали христианство. Некоторые из них, чтобы лишний раз получить подарки, принимали христианство по 2-3 раза, а затем уходили в горы.

Во второй половине XVIII в. правительство России продолжало политику по привлечению в край переселенцев из стран Закавказья. Грузия и Армения на протяжении многих веков являлись объектом захватнических планов соперничавших между собой Турции и Персии. Вплоть до XIX в. нередким явлением были набеги на территорию Закавказья, которые сопровождались пленением людей и обращением в неволю мирных жителей. П. И. Ковалевский отмечал, что в конце XVIII в. «базары в Ахалцихе, Эндери и Анапе были переполнены грузинскими невольниками» [11, с. 47].

Кизляр и Дербент стали надежным пристанищем для грузин и армян, бежавших из горского плена. Кизлярский комендант имел специальные денежные средства для выкупа рабов-христиан [12, л. 27]. В результате, по мнению специалистов, община Кизляра постоянно пополнялась за счет грузин и армян, бежавших из горского плена [13, с. 11]. В многочисленных рапортах, представленных коменданту Кизляра от имени командиров Каргинского, Червленного, Новогладковского форпостов говорится о сотнях грузин, бежавших из горского плена и готовых остаться на жительство в Кизляре или вернуться на Родину [14, л. 8, 10, 23, 53, 72, 78, 83, 85]. Община Кизляра постоянно пополнялась за счет грузин и армян, бежавших из горского плена. Российская сторона постоянно заявляла о невозможности возвращать невольников, поскольку «грузины и армяне в христианском государстве должны иметь убежище» [15, с. 110, 115, 122, 236, 239].

Важную роль в укреплении позиций России на Кавказе сыграл Георгиевский трактат, заключенный 24 июля 1783 г. По

этому договору Картли-Кахетинское царство переходило под покровительство России, здесь назначался русский посланник или резидент. Трактат оговаривал общие интересы России и Грузии на международной арене в мирное время и на случай вступления в войну одной из сторон. Жители Кахетии и Картли могли беспрепятственно приезжать в Россию, селиться и свободно торговать, обладая теми же правами, что и русское купечество [16, с. 228].

Екатерина II начала немецкую колонизацию Северного Кавказа. Уже в первый год своего правления она обнародовала манифест, приглашавший иностранцев селиться в Россию. Всем им были обещаны земельные участки для ведения хозяйства, полная свобода совести, самоуправление, свой суд, освобождение от воинской повинности и от всех податей в течение 30 лет. Неимущим переселенцам предлагались пособия, съестные припасы до первого урожая или «кормовые деньги». Наиболее желательным признавалось привлечение целых общин, которые устраивались бы особыми колониями, для которых за казенный счет возводились церкви и школы. Российское правительство надеялось с помощью колонистов заселить пустующие земли, получить в их лице опытных хозяев и создать сословие, которое стало бы его социальной опорой [17, с. 176]. Заманчивые предложения русского правительства привлекли тысячи семей из разных частей Германии. Вначале большинство немцев селилось в окрестностях Санкт-Петербурга и в Лифляндской губернии, а затем в Поволжье и на Юге России. Северный Кавказ был открыт для колонистов в конце XVIII в.: в 1778 г. здесь было разрешено селиться немцам из Саратовской губернии. Большинство колонистов составляли переселенцы из внутренних губерний России.

В 80-х гг. XVIII в. в Персии к власти пришел Ага-Магомет-хан Каджар. Он потребовал от дагестанских владетелей признания его власти и отправки к нему аманатов в знак покорности. Дагестанские горцы решили оказать противодействие и, объединившись в союз, обратились к главнокомандующему войсками генералу И. В. Гудовичу. Генерал подтвердил готовность оказать помощь союзникам. В 1795 г. Ага-Магомет-хан с 50-тысячной армией вторгся в Закавказье. Он разбил армию на 3 части: одну послал в Ереванское ханство, вторую – в Муганскую степь для покорения ханств Шемахинского и Нухинского, а с третьей двинулся в Карабах, чтобы завладеть Шушой. Осада Шуши закончилась неудачей, но иранские войска угнали в плен немало жителей. В конце июля они вторглись в Ереванское ханство, осадили Ереван и через короткое время приняли изъявление покорности со стороны ереванского хана, который прекратил сопротивление и выдал заложников. Ценой большого выкупа удалось спасти от разорения Эчмиадзин и соседние армянские села. В сентябре Ага-Магомет-хан вступил с войском в грузинскую столицу. Город был разграблен, а жители – перебиты или уведены в плен. Нашествие Ага-Магомет-хана грозило подорвать влияние России на Кавказе и нанести ущерб её престижу на всем Востоке. Поэтому российское правительство решило немедленно предпринять поход в Закавказье. В указе Екатерины II в качестве одной из основных целей похода провозглашалось «восстановление Грузии и Армении».

Главнокомандующим 35-тысячной русской армии на Кавказе был назначен генерал-аншеф Валерьян Александрович Зубов. В апреле 1796 г. русские войска двинулись к Дербенту, и овладели городом 10 мая.

В Персидском походе русских войск 1796 г. по поручению императорского двора участвовал архиепископ Армянской Апостольской Церкви Иосиф Аргутинский – общественно-политический деятель, сторонник союза армянского народа и Церкви с Россией. Он помогал советами

и предложениями главнокомандующему В. А. Зубову, а также призывал местных армян содействовать русской армии. Аналогичное послание И. Аргутинский направил армянскому населению Закавказья. Тем временем русская армия продвигалась вперед, не встречая серьезного сопротивления. В Закавказье русские войска беспрепятственно вошли в Кубу, Баку и Шемаху. Азербайджанское население, подобно армянам и грузинам, видело в них своих избавителей. Грузинский посол передал В. А. Зубову письмо ереванских армян, в котором они просили избавить их от чужеземного ига. Получив подкрепление, В. А. Зубов в октябре отправил специальный отряд для занятия Ганджи. Ему на помощь пришли крестьяне окрестных армянских деревень, которые на телегах перевели провиант для русской армии до р. Куры. Вскоре русские войска без сопротивления заняли Гянджу [18, с. 260-273]. Однако смерть Екатерины II в ноябре 1796 г. привела к прекращению похода. Павел I считал Персидский поход несвоевременным и в декабре принял решение вернуть войска из Закавказья.

Заключение

Таким образом, правительство Екатерины II предприняло ряд мер военно-стратегического и административного характера для укрепления безопасности южных границ, административного включения Кавказа в состав империи и расширения влияния России в регионе, создания условий для хозяйственного освоения края. В частности, при Екатерине II было возобновлено строительство российских городов-крепостей на линии Моздок – Азов и завершилось формирование Терской кордонной линии, увеличена численность российских войск и казачьего населения станиц. Правительство Екатерины II искало пути увеличения численности гражданского населения края, поэтому администрация поощряла переселение крестьян из России, привлекала переселенцев из стран Закавказья (армян и грузин), наделяла землей офицеров, рядовых и гражданских чиновников, ушедших в отставку, чтобы они оставались на постоянное жительство по последнему месту службы. Важным средством усиления влияния России на Кавказе считалась пропаганда христианства среди кавказских горцев и борьба с пленением мирных жителей в результате горских набегов на соседние народы Закавказья. Миссионерскую работу выполняли Кизлярский монастырь и Осетинская духовная комиссия, которую в 1765 г. перевели в Моздок. Местная администрация препятствовала работорговле на Кавказе: освобождала христиан из горского плена и не возвращала прежним владельцам представителей местных народов, если они обратились за помощью и приняли православие. Так, Кизлярский комендант имел специальные денежные средства для выкупа рабов-христиан. При Екатерине II территории Северного Кавказа впервые были открыты для иностранной колонизации. После русско-турецкой войны, в 1774 г. в состав Российской империи вошли Кабарда и Осетия, что создало условия для создания в 1775 г. Кавказской губернии. По Георгиевскому трактату 1783 г. под покровительство России перешло Картли-Кахетинское царство. Это изменило геополитическую ситуацию на Северном Кавказе в пользу России и вызвало беспокойство восточных соседей. Персидский хан Ага-Магомет Каджар, пришедший к власти в 80-х гг. XVIII в., решил вернуть былое влияние и в 1795 г. начал военные действия в Закавказье. Это вызвало противодействие России, которая организовала Персидский поход под руководством В. А. Зубова. В целом, в годы правления Екатерины II Россия использовала различные методы упрочения своих позиций на Кавказе.

Список литературы

1. Суздальцева И. А. Основание, социальная организация и население российского города-крепости Святой Крест (20-30-е гг. XVIII в.) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 2. С. 14-19.

2. Русско-осетинские отношения в XVIII в. // Сборник документов в 2-х томах. Т. 1. 1741-1762 гг. Орджоникидзе: Ир, 1976. 514 с.

3. Великая Н. Н. Этнический состав населения города Моздока (вторая половина XVIII – первая половина XIX века) // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа: материалы X Конгресса этнографов и антропологов России. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. С. 60-70.

4. Голованова С. А. Северокавказские народы в среде кавказского линейного казачества (XVIII–XIX вв.). // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008. С. 52-64.

5. Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1986. 244 с.

6. Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества XVI-XVIII вв. СПб.: Кольна, 1996. 264 с.

7. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов н/Д, 2001. 278 с.

8. Суздальцева И. А. Особенности формирования и социально-экономической адаптации русского населения Дагестана в XVIII - начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-2 (65). С. 174-176.

9. Нескидаева Е. Х. Конфессиональная политика России в горских обществах Центрального Кавказа: середина XVIII – начало XX в.: автореферат дисс. … канд. ист. наук. Владикавказ, 2011. 22 с.

10. Суздальцева И. А. Грузинская диаспора Дагестана в XVIII – начале XX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2005. № 3(3). С. 20-26.

11. Ковалевский П. И. Кавказ. Т. II. СПб.: Типография М. И. Акинфиева, 1915. 270 с.

References

1. Suzdaltseva IA. Foundation, social organization and population of the Russian fortress town of Holy Cross (1720-30s). *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2016.;10(2):14-19. (In Russ)

2. Russian-Ossetian relations in the 18th century. Collection of documents: in 2 vols. Vol. 1. 1741-1762. Ordzhonikidze: Ir, 1976:514. (In Russ)

3. Velikaya NN. Ethnic composition of the population of Mozdok (second half of the 18th – first half of the 19th century*). The City in t*he Ethnocultural Space of the Caucasus Peoples: *Proceedings of the 10th Congress of Ethnographers and Anthropologists in Russia.* Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 2014:60-70. (In Russ)

4. Golovanova SA. North Caucasian peoples among the Caucasian Linear Cossacks (18-19th centuries). *Cossacks and the Peoples of Russia: Paths of Cooperation and Service to Russia: Proceedings of the Correspondence Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: Kuban State University, 2008:52-64. (In Russ)

5. Vasiliev DS. Essays on the history of the lower reaches of the Terek. Pre-Soviet Period. Makhachkala: Dagestan Book Publ., 1986:244. (In Russ)

6. Kozlov SA. The Caucasus in the fates of the Cossacks of the 16-18th centuries. St. Petersburg: Kolna, 1996:264. (In Russ)

7. Velikaya NN. Cossacks of the Eastern Ciscaucasia in the 18-19th centuries. Rostov-on-Don, 2001:278. (In Russ)

8. Suzdaltseva IA. Features of the formation and socio-economic adaptation of the Russian population in Dagestan in the 18 - early 20th centuries. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 2016(3-2 (65):174-176. (In Russ)

9. Neskidaeva EKh. Confessional policy of Russia in the mountain societies of the Central Caucasus: mid-18th – early 20th centuries: Author's abstract of Ph.D. (History). Vladikavkaz, 2011:22. (In Russ)

10. Suzdaltseva IA. Georgian diaspora of Dagestan in the 18th – early 20th centuries. *Vestnik Instituta Istorii, Arheologii i Etnografii.* 2005(3(3):20-26.

11. Kovalevsky PI. The Caucasus. Vol. 2. St. Petersburg: M. I. Akinfiev Publ., 1915:270. (In Russ)

12. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 339. Оп. 1. Д. 125.

13. Аганезова Д. В. Армянская диаспора нижнего Терека (XVIII-XIX вв.): автореферат дисс. … кандидата исторических наук. Махачкала, 1999. 16 с.

14. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 1. Д. 451.

15. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 478 с.

16. Гасанов М. Р. Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски и этюды). Махачкала: ДГПУ, 2004. 604 с.

17. Малиновский Л. В. Община немецких колонистов в России и ее региональные особенности в XIX-XX веке. // История СССР. 1990. № 2. С. 175-182.

18. История армянского народа. Ч. 1. / под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна. Ереван: Айпетрат, 1951. 290 с.

12. Central State Archives of the Republic of Dagestan (CSA RD). F. 339. List 1. Case 125. (In Russ)

13. Aganezova DV. Armenian Diaspora of the Lower Terek (18th-19th Centuries): Author's abstract of Ph.D. (History). Makhachkala, 1999:16. (In Russ)

14. Central State Archives of the Republic of Dagestan (CSA RD). F. 379. List 1. Case 451. (In Russ)

15. Kabardino-Russian relations in the 16-18th centuries: documents and materials: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 1957:478. (In Russ)

16. Gasanov MR. Dagestan in the history of the Caucasus and Russia (problems, searches and studies). Makhachkala: DSPU, 2004:604. (In Russ)

17. Malinovsky LV. The community of German colonists in Russia and its regional characteristics in the 19-20th centuries. *History of the USSR*. 1990(2):175-182. (In Russ)

18. Arakelyan BN, Ioannisyan AR. History of the Armenian people. Part 1. Yerevan: Aipetrat, 1951:290. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Суздальцева Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, s.iren.a2010@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Irina A. Suzdaltseva, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of General History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, s.iren.a2010@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026
Одобрена после рецензирования 26.05.2026
Принята к публикации 01.06.2026

The article was submitted 12.05.2026
Approved after reviewing 26.05.2026
Accepted for publication 01.06.2026

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Литературоведение / Literature studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 82-1
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-22-28
EDN: GFYPAD

Два «Пророка»: диалог поэтов и культурный код русской литературы

© 2026Кукуева А. А.✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, zhazigalka@yandex.ru✉

РЕЗЮМЕ. Цель статьи – на основании сопоставительного анализа двух стихотворений с одинаковым названием «Пророк», созданных А. С. Пушкиным (1826) и М. Ю. Лермонтовым (1841), рассмотреть единство темы божественной природы поэтического служения, мифологизированного образа поэта-пророка, нашедших отражение в авторской концепции поэта и поэзии в культурно-историческом, ментальном и духовном аспектах. **Методы**. Главными методами в исследовании указанной проблемы являются историко-культурный, сравнительный, мифопоэтический. **Результаты.** Особое внимание уделяется библейским источникам текста: у Пушкина – Книга пророка Исаии (призвание и преображение), у Лермонтова – Книга пророка Иеремии (гонимый пророк). Выявляются ключевые мотивы: «духовная жажда», «пустыня» как место встречи с Богом и как убежище от людей, символика преображения (отверзение очей, замена сердца на «угль, пылающий огнем»). **Выводы.** Доказывается, что стихотворения представляют не противоположные, а взаимодополняющие грани единой темы: Пушкин задаёт онтологическую высоту служения, Лермонтов показывает его экзистенциальную цену. В статье также привлекается теория пассионарности Л. Н. Гумилёва для объяснения феномена «творческого взрыва» в русской поэзии XIX в.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, «Пророк», тема поэта и поэзии, библейский подтекст, книга Исаии, книга Иеремии, Коран, лирический герой, преображение, пустыня, русская литература XIX в.

Формат цитирования: Кукуева А. А. Два «Пророка»: диалог поэтов и культурный код русской литературы // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 22-28. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-22-28. EDN: GFYPAD

Two “Prophets”: A Dialogue of Poets and the Cultural Code of Russian Literature

© 2026**Asiyat A. Kukueva**✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, zhazigalka@yandex.ru✉

ABSTRACT. The **aim** of the paper is to examine, through a comparative analysis of two poems with the same title, “The Prophet”, created by A. S. Pushkin (1826) and M. Yu. Lermontov (1841), the unity of the theme of the divine nature of poetic service and the mythologized image of the poet-prophet, reflected in the author's conception of the poet and poetry in their cultural, historical, mental and spiritual aspects. **Methods.** The primary methods used in researching this problem are historical, cultural, comparative and mythopoetic. **Results.** Particular attention is given to the biblical sources of the text: Pushkin uses the Book of Isaiah (calling and transformation), while Lermontov uses the Book of Jeremiah (the persecuted prophet). Key motifs are identified: “spiritual thirst”, “the desert” as a place of encounter with God and as a refuge from people and the symbolism of transformation (the opening of the eyes, the replacement of the heart with a “coal burning with fire”). **Conclusions.** It is argued that the poems represent not opposing, but complementary facets of a single theme: Pushkin defines the ontological heights of service, while Lermontov reveals its existential price. The paper also draws on L. N. Gumilyov's theory of passionarity to explain the phenomenon of the “creative explosion” in 19th-century Russian poetry. **Keywords:** A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, “The Prophet”, theme of the poet and poetry, biblical subtext, Book of Isaiah, Book of Jeremiah, Koran, lyrical hero, transfiguration, desert, Russian literature of the 19th century.

For citation: Kukueva AA. Two “Prophets”: A Dialogue of Poets and the Cultural Code of Russian Literature. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):22-28. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-22-28. EDN: GFYPAD

Введение

Тема поэта и поэзии занимает центральное место в русской литературе, являясь не просто одной из многих, но и магистральным сюжетом, определяющим самосознание национальной словесности. Как справедливо отмечает Л. В. Гайворонская, «в русской литературе XIX века формируется универсальный «характерологический текст» поэта с устойчивыми тематическими и мотивными комплексами: социальная и культурная роль поэта, ситуация творческого вдохновения, саморефлексия темы «поэта и поэзии» в культуре» [1]. В разные эпохи актуализируются различные начала этого феномена, но неизменным остается одно: фигура автора становится главным действующим лицом литературного процесса.

Выбор временных координат не случаен. Один поэт рождается раньше, другой – позже, но в пространстве культуры искусство сближается, преодолевая хронологические рамки. У поэтов мы всегда находим не просто параллели, а напряженный диалог, подчас перерастающий в спор. Мы имеем дело не с механическим заимствованием, а с феноменом, который И. С. Юхнова определяет как «поэтика диалога»: сложную систему коммуникативных стратегий, где речевое поведение становится предметом изображения и ключом к пониманию мировоззрения автора [2].

Стихотворение А. С. Пушкина «Пророк» (1826) стало камертоном русской поэзии, задав высоту, к которой будут прислушиваться все последующие поколения. История его создания связана с трагическими событиями – казнью декабристов, близких друзей поэта. Однако Пушкин поднимается над политической злободневностью, создавая произведение, обращенное к вечным вопросам бытия.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили два программных стихотворения русской

классической поэзии: «Пророк» А. С. Пушкина (1826) и одноимённое стихотворение М. Ю. Лермонтова (1841). В качестве дополнительного текстового корпуса привлекались библейские книги (Книга пророка Исаии, гл. 6; Книга пророка Иеремии), а также отдельные суры и хадисы Корана (в частности, 94 сура «Аш-Шарх» и предания о «раскрытии груди» пророка Мухаммеда), что позволило расширить традиционную для отечественного литературоведения библейскую перспективу за счёт привлечения исламской религиозно-мистической традиции.

В работе использован комплексный междисциплинарный подход, включающий методы историко-литературного, сравнительно-типологического и мифопоэтического анализа.

Результаты и их обсуждение

Исследователи единодушно указывают на источник пушкинского вдохновения: шестую главу Книги пророка Исаии, где описывается призвание пророка и очищение его уст горящим углем. Однако, как отмечает В. Винников, Пушкин не следует букве, а творит «по мотивам», создавая оригинальный художественный миф. «Ветхозаветный сюжет переплавляется в универсальную модель поэтического служения» [3].

Стихотворение строится как классическая линейная композиция: экспозиция (странствие по пустыне) – завязка (встреча с Серафимом) – развитие действия (преображение) – кульминация (состояние «трупа») – развязка (глас Бога). Обилие глаголов создает необычайную динамику, передавая энергию божественного вмешательства. Отметим ключевые этапы преображения:

| Этап преображения | Символический смысл |

| Отверзение очей | Способность видеть сокровенное |

| Отверзение ушей | Способность слышать голос мироздания |

| Замена языка на «жало мудрыя змеи» | Обретение мудрости, отказ от празднословия |

| Замена сердца на «угль, пылающий огнем» | Обретение божественной любви-страсти |

Пушкин создает модель идеального поэта, который должен отречься от мирских чувств: любви, страха, жалости – во имя высшей правды. Но это отречение не есть умерщвление, а преображение: «угль, пылающий огнем» символизирует не холодную отвлеченность, а страстную любовь к истине. Финал стихотворения – «глаголом жги сердца людей» – задает программу действия: слово поэта должно не просто информировать, но преображать, воспламенять души и будить их к действию.

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Пророк» (1841) написано через полтора десятилетия после пушкинского и является прямым продолжением-ответом. Как отмечает О. В. Зырянов, по своей субъектно-образной организации лермонтовский «Пророк» приближается к драматизированной сцене или образцу «ролевой» лирики [4]. Это уже не мистерия преображения, а суровая драма жизни.

Исследователи указывают на другой ветхозаветный источник: Книгу пророка Иеремии, который подвергался гонениям от собственного народа. Акцент смещается: если Пушкин показывает момент посвящения, то Лермонтов – трагическую судьбу пророка в миру. В. Винников подчеркивает, что Лермонтов следовал и букве, и духу библейской традиции, наполненной эпизодами гонений.

Стихотворение строится как исповедь от первого лица и условно делится на три части:

1. Изгнание – пророк, наделенный даром, изгнан из общества («С тех пор как вечный судия / Мне дал всеведенье пророка…»);

2. Скитание в пустыне – жизнь среди природы, где он находит больше понима-

ния, чем среди людей («И звезды слушают меня, / Лучами радостно играя»);

3. Возвращение в мир – столкновение с презрением и насмешками.

Особенно значим финал: пророка показывают детям как образец неподобающего поведения («Смотрите: вот пример для вас! / Он горд был, не ужился с нами…»). Этот трагический аккорд отсутствовал в пушкинской версии, ибо пророк был явлен только в начале своего пути.

Сопоставление двух «Пророков» позволяет увидеть глубинный диалог, который ведут поэты через эпохи и поколения, он усложняется и наполняется новым философским смыслом. Исследователи предлагают несколько ключевых линий сравнения:

| Параметр сравнения | Пушкин | Лермонтов |

| Настроение | Пафосное, возвышенное | Трагическое, меланхолическое |

| Центральный образ | Шестикрылый серафим | Одинокий пророк |

| Взаимоотношение с миром | Избранничество | Гонение |

| Финал| Призыв Бога | Насмешка толпы |

| Ключевая лексика | Старославянизмы, архаика | Современная лексика + архаизмы |

Однако за этими формальными различиями стоит более глубокое различие: мировоззренческое. Пушкин творит миф о поэте, Лермонтов – развенчивает иллюзии. Пушкинский пророк преображается и получает божественную санкцию; лермонтовский пророк, уже обладая даром, сталкивается с глухотой и враждебностью мира.

В. Винников в полемике с В. Яровым отстаивает право Лермонтова на такую трактовку: «пророк Иеремия также подвергался гонениям, и это не отменяет его божественной миссии» [3]. Более того, именно через страдание и непризнание раскрывается подлинная природа пророческого служения.

Обратимся к гипотезе, высказанной в исходном тексте, – о «прорыве через накопление» и «теории пассионарности» Л. Н. Гумилева. Эта аналогия представляется глубоко продуктивной для понимания феномена русской поэзии. Пассионарность – это избыток биохимической энергии, порождающий способность к сверхнапряжению и выплеску в совершенных творениях.

В истории культуры пассионарные вспышки проявляются как периоды необычайного творческого подъема. Россия XIX в. пережила именно такой пассионарный взрыв, и Пушкин стал его эпицентром. Как точно выразился Ап. Григорьев, «Пушкин – наше всё». Он аккумулировал энергию, накопленную предшествующей культурой (Державин, Жуковский, античность, Ренессанс), и выплеснул ее в формах национального самосознания. Пушкин не судит, не морализирует. Его знаменитое «Поэт! оставь герою сердце…» – это манифест художественной объективности. Как дается это автору? Как дар свыше. Пушкин выступает не просто талантливым стихотворцем, но органом национального самосознания, «вечной голограммой русского духа».

Лермонтов представляет следующий этап: рефлексию над судьбой поэта в мире, где пассионарный всплеск уже сталкивается с инерцией среды. Его пророк – это пассионарий, отвергнутый толпой. Если Пушкин показывает рождение гения, то Лермонтов – его трагическую судьбу.

В нашей статье указывается на необходимость рассматривать это явление (пророческое назначение поэта и поэзии) в контексте диалога культур. Действительно, перед нами не просто литературный факт, но модель национальной рефлексии. Русская литература познает себя через художественный текст, и два «Пророка» – ключевые узлы этого самопознания.

А. В. Флоря в своем лингвоэстетическом анализе подчеркивает значение биб-

лейских образов и старославянских элементов, создающих высокий стиль обоих произведений. Однако у каждого поэта этот высокий стиль работает по-своему [5]. У Пушкина архаика создает эффект сакральности, причастности вечности; у Лермонтова она становится знаком разрыва между высоким призванием и низкой действительностью.

О. В. Зырянов предлагает рассматривать «феномен двух «Пророков» через понятие «лирической ситуации» – модели текстопорождения, которая обусловливает «самовоспроизводимость кластера» [4]. Пушкин создает прецедентный текст, который порождает целый «рецептивный цикл», и лермонтовский «Пророк» в этом смысле – наиболее значимое звено этого цикла.

Что нужно для того, чтобы стать настоящим поэтом-пророком? Ответ, который дают оба стихотворения, суров: надо отказаться от всего земного, личного, временного. Надо пострадать. Надо отдать все лучшее, что дано природой, чтобы это служило людям.

Пушкинский герой проходит через мучительное преображение, теряя свои человеческие органы и обретая новые, способные вместить божественную истину. Лермонтовский герой, уже обладая этим даром, платит за него одиночеством, гонением и отвержением.

Литература в этом контексте выступает как область сознания. В стихотворениях о Пророке мы имеем дело с металитературой – литературой, осмысляющей собственную природу. Поэт становится объектом исследования, его служение – предметом рефлексии. «Важнейшая отличительная черта пророческой темы – усиление евангельских мотивов и перенос художественного внимания на телесно-духовное преображение поэта-пророка» [6].

Многие комментаторы Пушкина поясняют, что в основу стихотворения легли отдельные мотивы шестой главы Книги пророка Исаии, хотя автор далеко уходит от библейского сюжета. Это сродни манипуляции средневекового алхимика, преобразующего с помощью философского камня неблагородные металлы в золото, так и поэт соединяет обычные слова и являет миру нечто необычайно прекрасное.

Интересно наблюдение доктора филологических наук С. Абдурахманова: стихотворение «Пророк» начинается со слов: «*Духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачился*». «Здесь важное значение имеет слово «пустыня». В первое время пророк Мухаммед, вконец разочаровавшись во всех своих близких людях, часто один уходил в пустыню Хира, что недалеко от Мекки. Пушкин напоминает об этом. А что бы вы сказали по поводу вот этих строк:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул.

В Библии данный мотив отсутствует. Там есть мотив, предшествовавший этому, «*И жало мудрыя змеи / В уста замершие мои / Вложил десницею кровавой*». В шестой главе книги пророка Исаии говорится: «Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника и коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен».

А этого мотива, без сомнения, нет. Если бы было – пушкинисты давно нашли. Теперь обратимся к Корану. Сура Аш-Шарх гласит: «Эй, Мухаммед! Разве мы не открыли тебе мир? – далее продолжается мотив очищения от греха. – Мы освободили тебя от тяжёлого груза. Подняли твою славу» [7].

В основе пушкинского стихотворения лежит библейская/кораническая легенда о Моисее/Мухаммеде, водящем народ по пустыне/ушедшим в пустыню, чтобы спасти от рабства. Пророк нужен, чтобы вывести людей из духовного плена. Один из сподвижников пророка Абу Хурайра счи-

тает, что это произошло, когда Мухамеду исполнилось сорок лет. Но как бы там ни было, в любом варианте хадисов чётко говорится о том, что архангел вскрыл грудь Мухаммеда и очистил его сердце.

Можно ли предположить, что Пушкин взял этот мотив после прочтения Корана? Чтобы ответить на этот вопрос, думается, следует сослаться на предания о словах и действиях пророка Мухаммеда – на хадисы и тщательное их изучение.

Лермонтовский герой уже обладает этим всеведением, унаследованным от пушкинского Пророка, но люди еще не готовы его принять.

Заключение

Подводя итоги, можно утверждать, что два «Пророка» представляют не противоположные, а взаимодополняющие грани единой темы. Пушкин задает онтологическую высоту поэтического служения, Лермонтов показывает его экзистенциальную цену. Пушкинский герой проходит путь от томления в пустыне к обретению дара; лермонтовский – от обладания даром к трагическому одиночеству.

Как точно заметил Ираклий Андроников, «если бы Лермонтов прожил столько, сколько Пушкин, то еще неизвестно, кто бы был первым поэтом на Руси». Это высказывание подчеркивает масштаб лермонтовского дарования, но не умаляет пушкинского первенства. Они образуют тот «космос русской поэзии», где каждый занимает свое незаменимое место.

Современному обществу не хватает такого Пророка, способного отказаться от всего личного, чтобы служить людям, готового пострадать за истину. Этим и обусловлен исследовательский интерес к данным стихотворениям, в которых рассматривается не только художественное совершенство, но и нравственный урок, обращенный к каждому из нас.

Оба поэта, каждый по-своему, воплощают национальный идеал художника-пророка, для которого истина выше личного благополучия. Как точно замечает В. Винников, «оба великих поэта заслуживают уважения и изучения независимо от различий в их восприятии мира и божественной миссии художника» [3]. Пушкин остается «солнцем русской поэзии», Лермонтов – ее совестью.

Поэт в России – больше, чем поэт. Он – характерологический текст, в котором нация познает себя. И два «Пророка» останутся вечными спутниками этого самопознания, напоминая о высокой цене слова и великой ответственности художника.

Список литературы

1. Гайворонская Н. В. Генезис характера «поэт» в русской литературе XVIII в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 73-82.

2. Юхнова И. С. Поэтика диалога и проблемы общения в прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Нижний Новгород, 2011. 41 с.

3. Винников В. Снова «несть пророка во Отечестве своём»? // Литературная Россия. 2025. № 27.

4. Зырянов О. В. Еще раз о лермонтовском «Пророке» (к проблеме кластерного подхода к лирическому интертексту). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-

References

1. Gaivoronskaya NV. The genesis of the character “poet” in Russian literature of the 18th century. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriia: Russkaia Filologiya.* 2012(5):73-82. (In Russ)

2. Yukhnova IS. Poetics of dialogue and problems of communication in the prose of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov: Author's abstract of Dr. Sci. (Philology). Nizhny Novgorod, 2011:41. (In Russ)

3. Vinnikov V. Again “there is no prophet in one’s own Fatherland”? *Literaturnaya Rossiya.* 2025:27. (In Russ)

4. Zyryanov OV. Once again about Lermontov’s “Prophet” (to the problem of the cluster approach to lyrical intertext). URL:

lermontovskom-proroke-k-probleme-klasternogo-podhoda-k-liricheskomu-intertekstu?ysclid=mmabzg717g185823370 (дата обращения: 04.03.2026)

5. Флоря А. В. Высокий стиль стихотворения «Пророк» М. Ю. Лермонтова // Русская словесность. 2024. № 3. С. 16-21.

6. Королёва С. Б. Пророческая тема в стихотворении Пушкина «Пророк»: диалог с традицией и эпохой // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 206-225.

7. Абдурахманов С. Читал я сладостный Коран. URL: https://lgz.ru/article/chital-ya-sladostnyy-koran/?ysclid=mmacc5ix5u224956219 (дата обращения: 03.03.2026).

https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-lermontovskom-proroke-k-probleme-klasternogo-podhoda-k-liricheskomu-intertekstu?ysclid=mmabzg717g185823370 (accessed 03.04.2026). (In Russ)

5. Florya AV. High style of the poem “Prophet” by M. Yu. Lermontov. *Russkaya Slovesnost*. 2024(3):16-21. (In Russ)

6. Koroleva SB. Prophetic theme in Pushkin’s poem The Prophet: dialogue with tradition and era. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*. 2019(61):206-225. (In Russ)

7. Abdurakhmanov S. I read the sweet Koran. URL: https://lgz.ru/article/chital-ya-sladostnyy-koran/?ysclid=mmacc5ix5u224956219 (accessed 03.03.2026). (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Кукуева Асият Абдуллаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, zhazigalka@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Asiyat A. Kukueva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, zhazigalka@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2026
Одобрена после рецензирования 01.04.2026
Принята к публикации 17.06.2026

The article was submitted 24.03.2026
Approved after reviewing 01.04.2026
Accepted for publication 17.06.2026

Литературоведение / Literature studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 82.09
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-29-34
EDN: GGTMTN

Поэтический цикл Мусы Магомедова, посвященный Фазу Алиевой: жанровое своеобразие и поэтика

© 2026**Сулейманова М. С.**✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, maryam9445@mail.ru✉

РЕЗЮМЕ. Статья представляет собой первое в отечественном литературоведении целостное исследование поэтического цикла Мусы Магомедова, посвященного Фазу Алиевой. **Цель** статьи состоит в выявлении жанрового своеобразия и поэтической структуры лирического цикла Магомедова. **Методы:** структурно-семантический анализ, мифопоэтический подход, компаративный и биографический методы исследования. **Результаты.** На материале стихотворений, не вводившихся ранее в научный оборот, анализируются особенности поэтики, система образов и жанровое своеобразие цикла, выявляется синтез интимно-лирического и философского начал, определяющий художественное новаторство Мусы Магомедова в контексте дагестанской поэзии. **Выводы.** Цикл лирических стихотворений Мусы Магомедова представляет собой уникальный пример поэтической репрезентации творческого и духовного союза двух художников. Цикл стихотворений, посвященный Фазу Алиевой, функционирует как единый метатекст, организованный по принципу «лирического дневника».

Ключевые слова: Муса Магомедов, Фазу Алиева, лирический цикл, поэтика, образ возлюбленной, творческий союз, духовное партнерство.

Формат цитирования: Сулейманова М. С. Поэтический цикл Мусы Магомедова, посвященный Фазу Алиевой: жанровое своеобразие и поэтика // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 29-34. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-29-34. EDN: GGTMTN

Poetry Cycle by Musa Magomedov Dedicated to Fazu Aliyeva: Genre Originality and Poetics

© 2026**Maryam S. Suleymanova**✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, maryam9445@mail.ru✉

ABSTRACT. The paper represents the first comprehensive study of Musa Magomedov's poetry cycle dedicated to Fazu Aliyeva in Russian literary studies. The **aim** of the paper is to identify the genre originality and poetic structure of Magomedov's lyrical cycle. **Methods:** structural-semantic analysis, mythopoetic approach, comparative and biographical research methods. **Results.** Based on the material of poems that have not previously been introduced into scientific circulation, the features of poetics, the system of images

and the genre originality of the cycle are analyzed, the synthesis of intimate-lyrical and philosophical principles is revealed, which determines the artistic innovation of Musa Magomedov in the context of Dagestan poetry. **Conclusions.** The cycle of lyrical poems by Musa Magomedov is a unique example of poetic representation of the creative and spiritual union of two artists. The cycle of poems dedicated to Fazu Aliyeva functions as a single metatext, organized according to the principle of a "lyrical diary".

Keywords: Musa Magomedov, Fazu Aliyeva, lyrical cycle, poetics, image of a beloved, creative union, spiritual partnership.

For citation: Suleymanova MS. Poetry Cycle by Musa Magomedov Dedicated to Fazu Aliyeva: Genre Originality and Poetics. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):29-34. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-29-34. EDN: GGTMTN

Введение

Цикл лирических стихотворений Мусы Магомедова (1916-1996), основоположника аварской советской прозы, посвященный Фазу Алиевой (1932-2016), представляет собой значимый поэтический феномен в истории дагестанской литературы. Несмотря на признание Мусы Магомедова как прозаика, его поэтическое наследие, в особенности интимная лирика, остается неисследованным пластом. Данный цикл, являясь художественным документом духовного и творческого союза двух выдающихся деятелей дагестанской литературы и культуры, требует системного анализа. Цель статьи заключается в целостном анализе уникальной поэтической подборки стихотворений прозаика Мусы Магомедова, выявлении поэтической структуры и художественной антропологии его лирического цикла.

Цикл лирических стихотворений известного аварского прозаика – глубоко интимная и в то же время философская глава в его творчестве. Следует сразу оговорить, что перед нами не просто стихи о любви, а цельное произведение о духовном союзе, творческом партнерстве и общем служении искусству и народу лирического героя и героини. В статье предпринята попытка целостного анализа уникальной поэтической подборки стихотворений прозаика Мусы Магомедова, адресованных Фазу Алиевой – народному поэту Дагестана и любимой супруге писателя.

Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот неизученного пласта творчества Мусы Магомедова и теоретическом осмыслении феномена творческого союза в дагестанской литературе.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил поэтический цикл из 27 стихотворений Мусы Магомедова, посвященный Фазу Алиевой, впервые опубликованный в составе сборника поэтессы «Г1умрудул гьот1одаса пихъил ч1егь» («Корзина с плодами от древа жизни») [1, с. 377-411].

Для достижения цели исследования мы использовали комплекс методов: структурно-семантический анализ для выявления системы мотивов и образов; мифопоэтический подход при исследовании архетипических основ образной системы; компаративный метод для определения литературных традиций; биографический метод с элементами гендерного подхода для анализа репрезентации творческого партнерства.

Результаты и их обсуждение

Стихи Мусы Магомедова, посвященные Фазу Алиевой, нельзя рассматривать как отдельные произведения, скорее, это единый лирический дневник, растянутый во времени, где каждое стихотворение – новая глава в истории их взаимоотношений. Жанрово-композиционное своеобразие цикла определяется также его диархи-

ческой структурой, где каждое стихотворение представляет собой лирический диалог. Цикл функционирует как «единый метатекст, организованный по принципу лирического дневника» [2, с. 45]. Как справедливо отмечает В. Е. Хализев, «лирические произведения нередко объединяются в циклы, в основе которых – биографические события, сходные переживания… В циклах стихотворения, сохраняя самостоятельность, вместе с тем оказываются фрагментом целого, подобно главам романа или пьесы» [3, с. 246]. Данное определение в полной мере применимо к поэтической подборке Мусы Магомедова, посвященной Фазу Алиевой, которая представляет собой именно такое целостное художественное образование, где каждое стихотворение является новой главой в лирическом дневнике их взаимоотношений. В поэзии и самой Фазу Алиевой наблюдается тенденция к циклизации стихотворений: «Ее произведения осмысливаются во всеобъемлющей полноте лишь при рассмотрении их в циклах, обозначенных самой поэтессой» [4, с. 33].

Как отмечает М. Н. Эпштейн, «цикл – это не просто сумма стихотворений, а качественно новое художественное единство, где целое богаче суммы своих частей. Стихотворения в цикле проецируются друг на друга, их смыслы перекликаются и взаимно обогащаются» [5, с. 48]. Данный теоретический посыл позволяет рассматривать стихотворные посвящения Мусы Магомедова Фазу Алиевой не как разрозненную подборку, а как целостный лирический сюжет, где такие сквозные образы-символы, как «свет», «дорога» и «дом» последовательно раскрываются от одного поэтического текста к другому, создавая многогранный образ лирической героини и сложную картину духовного союза.

Остановимся на основных чертах цикла стихотворений-посвящений Мусы Магомедова. Во-первых, следует отметить интимность и исповедальность поэтических текстов. Мы наблюдаем диалог двух близких душ, обращенный вовнутрь, а не вовне. Во-вторых, в них отсутствует пафос: любовь лирического героя лишена показной романтики, она носит глубоко земной характер и в то же время отличается возвышенностью. В-третьих, стихотворения исследуемого цикла отличаются философской глубиной: отношения с Фазу осмысляются им как часть целого миропорядка, как долг перед народом и литературой. В-четвёртых, в них прочитывается культурный контекст: стихотворения Мусы Магомедова о любви демонстрируют сильное влияние дагестанской ментальности, где женщина – хранительница очага. В то же время Фазу Алиева предстаёт еще и как равный партнер, как сильная «горянка» с цельным характером.

Рассмотрим ключевые мотивы и образы в цикле стихотворений Мусы Магомедова, посвящённых Фазу Алиевой. Центральным в них является образ Возлюбленной, который предстает не как абстрактный идеал, а как конкретная, многогранная личность. С одной стороны, лирическая героиня стихотворений Мусы Магомедова является источником света и добра. Она неизменно ассоциируется со светом (чаще всего с солнцем – *бакъ*), теплом и добротой. Это ее внутренняя сущность, которая освещает и согревает жизнь лирического героя:

Хъах1илаб зобалъул канлъи мун йиго,
Канлъуца къалъараб дир рух1ги, жанги,
Жиб-жиб лах1заталда духъе боржуна
[6, с. 380].

Синего неба свет (сияние) – это ты,
Освещённые этим светом моя душа, жизнь
Каждое мгновение к тебе летят (стремятся)
(постр. пер. здесь и далее наш – С. М.).

С другой стороны, Муса Магомедов видит в Фазу Алиевой не только возлюбленную и жену, но и великую поэтессу, свою коллегу. Он обращается к ней и как к источнику вдохновения, и как к человеку,

как к поэту, который понимает самую суть творческого процесса:

Нилъ к1иялго руго цо борхалъуда,

Цоцазул кверги ккун куч1дул рик1к1унел…

[6, с. 387].

Мы с тобой вдвоем на одной высоте,

Взявшись за руки, читаем (слагаем) стихи

(постр. пер.).

Лирическая героиня стихотворного цикла Мусы Магомедова – муза, возлюбленная, жена – выступает хранительницей очага и традиций. Важнейший мотив цикла стихотворений Мусы Магомедова – роль лирической героини в доме. Она служит и тихим причалом его, и надежным тылом, который позволяет автору идти вперед. Так возникает в его лирике классический для кавказской культуры образ мудрой женщины, которая не только покорно следует за своим мужем, но и оберегает его:

Дур сабру, г1акъиллъи чадир г1адинан

Даим т1ад бук1ана дир г1умруялда…

[6, с. 395].

Твое терпение, ум (мудрость), как тент,

Всегда выступали защитой в моей жизни…

(постр. пер.).

Система образов в цикле стихотворений Мусы Магомедова характеризуется бинарными оппозициями:

– «свет/тьма» («свеча», «солнце», «звезда»)

– «путь/причал» («дорога», «тропа» /«дом», «очаг»).

Как видим, образ лирической героини полифункционален и включает архетипические модусы:

1. Муза-вдохновительница;

2. Коллега-соратник;

3. Хранительница традиций.

Мы обратили внимание на следующую особенность любовной лирики Мусы Магомедова: мотив единого пути и одного общего дела на двоих является лейтмотивным в его стихотворениях. Лирический герой демонстрирует, скорее, любовь-дружбу, любовь-соратничество, при этом любовь их – это не статичное состояние, а совместное движение в одном направлении. Они идут по жизни рядом, разделяя общую миссию – служение поэзии и своему народу. Не случайно наиболее частотным в цикле является образ «дороги» (*нух*), «тропы» (*сухъмахъал*), символизирующий жизненный и творческий путь. Поэт осознаёт тяжесть их общего груза – ответственность, творческие муки, общественный долг. Но он благодарен судьбе за то, что ноша эта разделена на них двоих.

Доминантным в цикле стихотворений, посвящённых Фазу Алиевой, является мотив благодарности и тихой любви. В них практически отсутствует юношеская пылкость: ее заменяет глубокая, спокойная и благодарная любовь зрелого мужчины. Лирический герой не требует от возлюбленной пылких ответных чувств, его не терзают сомнения и ревность: без рефлексии, со спокойной уверенностью он благодарит за дарованное ему чувство любви. Поэт ценит каждый миг, проведенный рядом с возлюбленной, проявленную ею заботу. Любовь автора-лирического героя (в данном конкретном случае мы можем считать их идентичными) проявляется не в громких словах, а в молчаливом понимании, во взгляде, в тихой помощи. Перед нами классический образец любви-заботы, любви-причала.

Таким образом, доминантными в цикле стихотворений Мусы Магомедова являются мотивы:

– творческого горения (метафорика света);

– совместного пути (образы дороги и общей ноши);

– духовного родства.

Важной особенностью стихотворений Мусы Магомедова, адресованных Фазу Алиевой, является диалогичность. Многие поэтические тексты исследуемого цикла

построены как прямой диалог с лирической героиней. Он задает ей вопросы, делится сомнениями, просит совета, что подчеркивает не только абсолютное доверие к избраннице, не только важность ее роли как возлюбленной, но и как критика, советчика, как духовной опоры героя.

Рассмотрим некоторые художественные особенности цикла стихотворений Мусы Магомедова, посвящённых Фазу Алиевой. Во-первых, следует отметить простоту поэтического языка без вычурности и высокопарной патетики. Автор не использует сложные метафоры и иные изобразительно-выразительные средства. Главная ценность их – искренность. Поэтический язык цикла стихотворений (или «лирического дневника») Мусы Магомедова характеризуется лаконизмом и семантической емкостью. Отсутствие риторической патетики компенсируется в них глубиной психологизма.

Во-вторых, следует отметить, что стихи Мусы Магомедова часто имеют повествовательный, размеренный ритм, похожий на доверительную беседу. В них отсутствуют резкие всплески и перепады чувств, все течет плавно и мудро, как сама жизнь.

В-третьих, в стихотворениях-посвящениях Мусы Магомедова прочитываются ментальные особенности горцев: автор довольно часто использует образы, понятные в контексте дагестанской культуры. Культурный код реализуется в поэтических текстах прозаика через национальные символы (горы, очаг, аул) и ментальные доминанты (долг, честь, традиция). Все это придает стихотворениям Мусы Магомедова национальный колорит и особую ментальную достоверность.

Заключение

Цикл лирических стихотворений Мусы Магомедова, посвященный Фазу Алиевой, – это глубокая поэтическая летопись зрелой любви, в которой прочитывается не страсть, а осознанный выбор двух сильных личностей: идти по жизненному пути плечом к плечу. Лирический цикл представляет собой уникальный синтез интимного дневника и философской медитации, лирического монолога и диалогического общения, национальной традиции и индивидуального авторского стиля.

Ценность цикла стихотворений Мусы Магомедова о Фазу Алиевой состоит в искренности и простоте выражения чувств, возведенных в высокую степень художественного совершенства. Писатель создает уникальный для русскоязычной и дагестанской национальной поэзии образ любви-союза, любви-творчества, где женщина предстает не только объектом обожания, но и равноправным субъектом, без которого немыслимы ни жизнь, ни творчество поэта. Стихи Мусы Магомедова о Фазу и для Фазу – это гимн верности, взаимному уважению и тихому, но несокрушимому счастью, найденному в единении двух родственных душ.

Данная статья является лишь первой попыткой обзорного исследования стихотворений дагестанского прозаика Мусы Магомедова. Мы считаем перспективными дальнейшие исследования, цель которых состоит в тщательном текстологическом анализе рукописных вариантов, для чего можно обратиться к архивам семьи Магомедовых-Алиевых; сравнительном изучении с другими «посвятительными» циклами; лингвопоэтическом исследовании текстов на родном (аварском) языке; в проведении сопоставительного анализа с поэзией Фазу Алиевой, посвященной мужу, – Мусе Магомедову.

Список литературы

1. Алиева Фазу. Корзина с плодами от древа жизни: Стихи и поэмы // Г1алиева Фазу. Г1умрудул гьот1одаса пихъил ч1егь: Куч1дул ва поэмаби. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2007. 416 с.

2. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.

3. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2009. 432 с.

4. Сулейманова М. С. Лирика Фазу Алиевой. Жанровое своеобразие и особенности поэтики: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2000. 162 с.

5. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной.: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

6. Магомедов М. Стихотворения, посвящённые Фазу Алиевой // В кн.: Алиева Фазу. Корзина с плодами от древа жизни: Стихи и поэмы / Мусаца Фазуде гьарурал куч1дул // В кн.: Г1алиева Фазу. Г1умрудул гьот1одаса пихъил ч1егь: Куч1дул ва поэмаби. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2007. 416 с.

References

1. Aliyeva F. Basket with fruits from the tree of life: Poems. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2007:416. (In Avar)

2. Lotman YuM. Analysis of poetic text. Leningrad: Prosveshchenie, 1972:272. (In Russ)

3. Khalizev VE. Theory of Literature. Moscow: Vysshaya shkola, 2009:432. (In Russ)

4. Suleymanova MS. Lyrics of Fazu Aliyeva. Genre originality and features of poetics: Ph.D. thesis (Philology). Makhachkala, 2000:162. (In Russ)

5. Epstein MN. Nature, the world, the hiding place of the universe.: A system of landscape images in Russian poetry. Moscow: Vysshaya shkola, 1990:303. (In Russ)

6. Magomedov M. Poems dedicated to Fazu Aliyeva. *Basket with fruits from the tree of life: Poems.* Makhachkala: Dagknigoizdat, 2007:416. (In Avar)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Сулейманова Марьям Саидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанской литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, maryam9445@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-7678-1034

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Maryam S. Suleymanova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Dagestan Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, maryam9445@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-7678-1034

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.12.2025
Одобрена после рецензирования 13.05.2026
Принята к публикации 17.06.2026

The article was submitted 14.12.2025
Approved after reviewing 13.05.2026
Accepted for publication 17.06.2026

Литературоведение / Literature studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 82-1
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-35-39
EDN: HJSJXW

Образ Йырчи Казака в поэме Абдурахмана Казиева «Зеркало кумыкской равнины»

© 2026**Шабаева Л. А.**✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, leilatarki@mail.ru✉

РЕЗЮМЕ. Цель. В статье предпринята попытка исследования поэмы А. Казиева «Зеркало кумыкской равнины», в частности образа Йырчи Казака. **Методы.** В статье использованы историко-культурный и хронологический методы. **Результаты.** А. Казиев ведет речь о величии и бессмертии Йырчи Казака, о бессмертии его творений, его духовного наследия, неразрывно связанного с жизнью трудового народа. **Вывод.** В ходе проведенного исследования автор приходит к выводу, что через всю поэму А. Казиева красной нитью проходит мысль о большой роли и непреходящем значении Йырчи Казака как источника неисчерпаемых духовных ценностей народа.

Ключевые слова: нигилизм, наследие прошлого, поэма, бессмертие поэта, источник духовных ценностей.

Формат цитирования: Шабаева Л. А. Образ Йырчи Казака в поэме Абдурахмана Казиева «Зеркало кумыкской равнины» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 35-39. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-35-39. EDN: HJSJXW

The Image of Yirchi Kazak in Abdurakhman Kaziev's Poem “Mirror of the Kumyk Plain”

© 2026**Leyla A. Shabaeva**✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, leilatarki@mail.ru✉

ABSTRACT. Aim. The paper attempts to examine A. Kaziev's poem “Mirror of the Kumyk Plain”, in particular the image of Yirchi Kazak. **Methods.** The article utilizes historical, cultural and chronological methods. **Results.** A. Kaziev discusses the greatness and immortality of Yirchi Kazak, the immortality of his works and spiritual legacy, which is inextricably linked with the lives of working people. **Conclusion.** In the course of this research, the author concludes that the theme of the great role and enduring significance of Yirchi Kazak as a source of inexhaustible spiritual values for the people runs through A. Kaziev's entire poem.

Keywords: nihilism, legacy of the past, poem, immortality of the poet, source of spiritual values.

For citation: Shabaeva LA. The Image of Yirchi Kazak in Abdurakhman Kaziev's Poem “Mirror of the Kumyk Plain”. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):35-39. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-35-39. EDN: HJSJXW

Введение

В контексте кумыкской литературы 1930-х гг., переживавшей бурный рост и обогащение национального, исторического и художественного сознания, фигура Абдурахмана Казиева стоит особняком. Этот выдающийся арабист и энциклопедист в своем поэтическом творчестве оставался хранителем дореволюционных этических и эстетических традиций. Казалось, что идейные и художественные поиски современности были ему чужды, так как его перо обходило стороной острые политические и социальные вопросы того времени.

Он известен не только как поэт и арабист. Он – человек, обладавший «неистощимым упорством, силой и самобытностью мышления» [1, с. 111], невероятной жаждой знаний, талантливый физик-экспериментатор, автор очень талантливых поэтических произведений, а также стихотворений – шарад, палиндромов, историк, фольклорист, знаток народной медицины и, наконец, великолепный знаток арабского, персидского, тюркского языков. Поэзия А. Казиева несет отголосок глубоких национальных истоков, поэзии Йырчи Казака и литератур арабо-мусульманского мира.

При ближайшем рассмотрении поэзия А. Казиева открывается как явление, где новое содержание выражено не прямо, не через лозунги или воспевание трудовых будней (в отличие от большинства поэтов той поры), а исподволь, средствами подлинного искусства. Его новаторство – в самом взгляде на историю (осмысление эпохи Шамиля), в оценке великих предшественников вроде Йырчи Казака, чье наследие обретает новый смысл в годы ломки старых устоев, и в особом, обостренном интересе к этике. Даже обращаясь к привычным темам, А. Казиев наполняет их свежим пониманием морали и народного служения. Вся его лирика проникнута убежденностью в том, что истинное предназначение поэта – быть глашатаем интересов трудового народа [2, с. 295].

Материал и методы исследования

В статье исследуется поэма А. Казиева «Зеркало кумыкской равнины», в частности образ Йырчи Казака. Автором использованы историко-культурный и хронологический методы.

Результаты и их обсуждение

Лиро-эпическая поэма «Зеркало Кумыкской равнины» создавалась А. Казиевым в 1930-е гг. – период тотального отрицания дореволюционного культурного наследия, когда под удар попала и поэзия Йырчи Казака. В условиях, когда критики и собратья по перу стремились объявить классика «устаревшим» и вычеркнуть его из литературного процесса, А. Казиев обращается к осмыслению подлинной роли творчества Йырчи Казака в судьбе народа. Поэма не только не порывает с предшествующей традицией, но, подобно произведению Н. Ханмурзаева «Что перевидел Дагестан», утверждает неразрывную связь современной поэзии с духовным опытом прошлого, отстаивая ее жизненную необходимость. Именно поэтому данное произведение, принадлежащее к числу выдающихся романтико-реалистических творений кумыкской словесности, заслуживает особого исследовательского внимания.

Проживший нелёгкую жизнь Йырчи Казак был убит при загадочных обстоятельствах, а место его захоронения неизвестно. Поэтому автор с помощью символических образов развенчивает облик социального зла, имевшего место в жизни

народа эпохи Йырчи Казака. Здесь выражается глубокое горе поэта по гибели Йырчи Казака.

Поэма глубоко личностна, лирична, эмоциональна, образна. В ней как бы сплетены два образа: Йырчи Казака и самого поэта. Поэт к образу Йырчи Казака проявляет благоговейное отношение, считает его своим кумиром, оставившим недосягаемые образцы поэтического творчества, пронизанные идеями сострадания к простому народу и ненависти по отношению к сильным мира сего.

Сквозной идеей поэмы «Зеркало Кумыкской равнины» выступает утверждение Йырчи Казака как творца вечных художественных ценностей: «Казак был отцом всех великолепных словесных творений» [3, с. 5]. Подобная позиция выглядела диссонансом на фоне тотального нигилизма 1930-х гг., когда литература была поглощена революционной романтикой, переустройством жизни и сознания, воспеванием индустриальных строек и трудовых подвигов. А. Казиев же начинает поэму с, казалось бы, несовременных размышлений о природе прекрасного. Что есть красота в этом мире? Автор перебирает образы цветущих садов, вод Акташа, женских волос, спелого кизила – и через эту эстетику природы подводит читателя к пониманию красоты человеческой. Истинная красота, по А. Казиеву, раскрывается в храбрости личности и в достоинстве целого народа, сумевшего заслужить признание других.

В ряду доблестных мужей минувшего А. Казиев выделяет Йырчи Казака, с болью отмечая трагические обстоятельства его гибели – народ оплакивал поэта, так и не обретя его тела. От этих размышлений автор естественно, без видимой натуги, переходит к теме социального угнетения, к образам сильных мира, веками истязавших народ. Характерно, что к социальным проблемам А. Казиев подходит исподволь, избегая прямой декларативности. Словно исповедуясь перед тенью великого предшественника, поэт перечисляет увиденное им в мире полном зла и несправедливости: «белую шубу богача, свинью, облизывающую собаку, зубы – собаку, кусающую бедняков, ишака, копытами лягающего сирот, прут в руке, сеющий горе народу, воды половодья, уносящие несчастного, цепи – гнет богачей и князей, водяную веревку-змею, пьющую алую кровь». «После тебя жизнь не радовала и нас», – с горечью признается А. Казиев, обращаясь к Йырчи Казаку. Это скорбное признание звучало резким диссонансом на фоне мажорной, фанфарной поэзии 1930-х гг.

Для акцентирования масштаба личности Йырчи Казака А. Казиев прибегает к системе сравнений: он сопоставляет предшественника с необъятным миром, а себя – с ничтожеством на его фоне; Йырчи Казак уподобляется луку, мечущему стрелы, тогда как сам автор – всего лишь одной из выпущенных стрел. Поэта терзает сожаление о том, что он жив, а Йырчи Казак погиб, но утешением служит осознание, что имя и стихи классика продолжают жить в народной памяти, передаваясь из эпохи в эпоху. Эта народная любовь, по мысли А. Казиева, стала возможной благодаря могучему таланту Йырчи Казака и его неразрывной связи с интересами трудового народа. Развивая тему бессмертия духовного наследия, поэт прибегает к контрастному противопоставлению судеб: с одной стороны – мудрый и талантливый Йырчи Казак, с другой – его гонитель шамхал, «человек подлый и слабоумный», сославший поэта в Сибирь и стремившийся уничтожить память о нем. А. Казиев с торжеством констатирует: «нет пиявколикого» шамхала, но есть Йырчи Казак, которого «любят и почитают и стар и млад гор и равнин». Так через антитезу автор ненавязчиво подчеркивает демократизм и классовую направленность творчества великого предшественника.

Далее поэт говорит:

Къазакъ – бизин къаныбыз
Къазакъгъа тюз халкъыбыз
Къазакъ биз оърленеген
Адабият къалкъыбыз…

Сёзлер кёп, мен гючлюсюн,
Гёзлей, тынглай къаламан.
Къазакъ къойгъан урлукъ деп
Ич къойнума саламан.
[4, с. 22].

Казак – это наша кровь.
Он в цене у народа.
Казак – наша литературная крыша (вершина),
На которую мы поднимаемся.
Слов много, но самые сильные
Я долго отыскиваю и, найдя их,
Как семена, оставленные Казаком,
Прячу за пазуху.
Связывая эти слова,
Я творю целые строки.

Вот так просто А. Казиев пишет о тяжелейшем труде истинного, подлинного поэта. Говоря о своей твёрдой решимости жить и умереть, как Казак, далее поэт пишет:

Сонг огъар варис болуп
Йыр язма алгъасайман.
Зулмучуну макътама.
Макъта десе, бёлермен.
Эгер оьлтюре буса,
Къазакъ йимик оьлермен
[4, с. 23].

Став потом его наследником,
Я спешу создавать стихи.
Я не стану хвалить угнетателя,
Если скажут: «Хвали!» – прерву.
Если будут убивать меня,
То я умру, как Казак.
(Подстрочный перевод)

Через всю поэму красной нитью проходит мысль о большой роли и непреходящем значении Йырчи Казака как источника неисчерпаемых духовных ценностей народа. Этот мотив звучит и в строфе, которая как лейтмотив симфонического произведения, многократно повторяется в поэме, идейно и эстетически скрепляя ее отдельные части. Эти строки обращены к Йырчи Казаку и его наследникам:

Къумукъ тюзню гюзгюсю
Кана бетни шавласы.
Йырны къыырагъан йырав
Бугюн сени гьавласын
[4, с. 25].

Зеркало Кумыкской равнины,
Свет теневого склона (горы),
Певец, создающий свои песни,
Пусть сегодня ищет тебя.

Подлинное значение поэтической манеры А. Казиева раскрылось спустя десятилетия – в 1960-е гг., когда даже самые злободневные темы поэты научились осмысливать не прямолинейно, а опосредованно, следуя путем, проложенным автором «Зеркала кумыкской равнины». Показательно, что именно под влиянием А. Казиева А. Аджиев в этот период создал свой знаменитый цикл философских произведений, посвященных Йырчи Казаку.

Заключение

Таким образом, творческая практика А. Казиева убедительно доказывает: даже в 1930-е гг., когда литературы народов СССР, особенно мусульманские, испытывали мощнейшее давление вульгарно-социологических догм, они сумели сохранить верность исконным литературным традициям. Эта приверженность дореволюционному художественному наследию Дагестана и Востока уже тогда стала залогом того, что национальные литературы выстоят и продолжат свое развитие, несмотря на жесткий идеологический прессинг со стороны властей.

Список литературы

1. Назаревич А. Ф. В мире горской народной сказки: Дагестанские тетради. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. 366 с.

2. Абдуллатипов А.-К. Ю., Гусейнов М. А., Шабаева Л. А. История кумыкской литературы. Т. 2. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2018. 551 с.

3. Абдурагьманов А. Зеркало Кумыкской равнины // Къумукъ тюзню гюзгюсю. Буйнакск, 1994. 20 с.

4. Дружба // Дослукъ. Антология дагестанской поэзии на кумыкском языке. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1982. 399 с.

References

1. Nazarevich AF. In the world of mountain folk tales: Dagestan notebooks. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1962:366. (In Russ)

2. Abdullatipov A-KYu, Guseinov MA, Shabaeva LA. History of Kumyk literature. Vol. 2. Makhachkala: ILLA DSC RAS, 2018:551. (In Russ)

3. Abduragmanov A. Mirror of the Kumyk Plain. Buynaksk, 1994:20. (In Kumyk)

4. Friendship. Anthology of Dagestan poetry in the Kumyk language. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1982:399. (In Kumyk)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Шабаева Лейла Абдулкадыровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой дагестанской литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Россия, Махачкала, leilatarki@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Leyla A. Shabaeva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Dagestan Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, leilatarki@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.03.2026
Одобрена после рецензирования 13.05.2026
Принята к публикации 17.06.2026

The article was submitted 18.03.2026
Approved after reviewing 13.05.2026
Accepted for publication 17.06.2026

Литературоведение / Literature studies
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 82.09
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-40-48
EDN: KCDKRX

Миф о «Строителе чудотворном» в «Медном всаднике» А. С. Пушкина и «Железной дороге» Н. А. Некрасова

© 2026Эмирова Л. А.✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, leylla.em@mail.ru✉

РЕЗЮМЕ. Цель. В исследовании ставится вопрос о диалогичности творчества А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова, предпринимается попытка рассмотреть его на примере двух лиро-эпических форм: поэм «Медный всадник» и «Железная дорога». **Методы.** Сравнительно-исторический, типологический. **Результаты.** Отношения А. Пушкина и Н. Некрасова к проблеме взаимодействия власти и «маленького человека» складывались из целого ряда факторов, в том числе исторического и политического характера, и представляют собой сложный феномен, основанный не на прямом подражании, а на полемическом переосмыслении ключевых тем русской литературы. **Выводы.** А. Пушкин в своем «петербургском тексте» решает задачи в рамках идеи развенчания мифа (мифа о царе-творце), в то время как Н. Некрасов, принимая пушкинские темы, устанавливает фундамент для нового мифотворчества (мифа о народе-творце).

Ключевые слова: творчество А. С. Пушкина, темы власти и народа, образ Петра I, поэма «Медный всадник», творчество Н. А. Некрасова, поэма «Железная дорога», миф, мифологизация.

Формат цитирования: Эмирова Л. А. Миф о «Строителе чудотворном» в «Медном всаднике» А. С. Пушкина и «Железной дороге» Н. А. Некрасова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 40-48. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-40-48. EDN: KCDKRX

Myth of the “Miracle-Working Builder” in A. S. Pushkin's “The Bronze Horseman” and N. A. Nekrasov's “The Railway”

© 2026Leyla A. Emirova✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, leylla.em@mail.ru✉

ABSTRACT. Aim. The research examines the dialogic nature of the works of A. S. Pushkin and N. A. Nekrasov, examining this dialogic nature using two lyric-epic forms: “The Bronze Horseman” and “The Railway”. **Methods.** Comparative-historical and typological methods. **Results.** A. Pushkin and N. Nekrasov's approaches to the interaction between power and the “little man” were shaped by a number of factors, including historical and political ones and represent a complex phenomenon, based not on direct imitation, but on a polemical reinterpretation of key themes in Russian literature. **Conclusions.** In his “Petersburg text”, A. Pushkin address-

es the problem within the framework of debunking a myth (the myth of the Tsar-Creator), while N. Nekrasov, adopting Pushkin's themes, lays the foundation for a new myth-making (the myth of the people-creators).

Keywords: A. S. Pushkin's work, themes of power and the people, the image of Peter the Great, the poem "The Bronze Horseman", the work of N. A. Nekrasov, the poem "The Railway", myth, mythologization.

For citation: Emirova LA. Myth of the "Miracle-Working Builder" in A. S. Pushkin's "The Bronze Horseman" and N. A. Nekrasov's "The Railway". *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):40-48. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-40-48. EDN: KCDKRX

Введение

Вопрос о пушкинском влиянии на творчество Н. Некрасова в разных аспектах и с разной степенью интенсивности исследуется давно. Уже в монографии К. И. Чуковского «Мастерство Некрасова» (1955) в главе «Учителя и предшественники» поднимался вопрос о пушкинских и гоголевских началах в поэтике Н. Некрасова. Новые научные публикации обращались к проблемам поэтической преемственности (Н. Н. Мостовская [1], Н. Н. Скатов [2]), творческого диалога (Г. В. Краснов [3], Н. В. Володина [4], Р. Б. Заборова [5], Г. Ю. Филипповский [6]). Особое внимание уделялось вопросу творческих параллелей в рамках крупных поэтических форм (В. А. Кошелев [7], Г. Ю. Филипповский [6], Н. Л. Вершинина [8]). Однако чаще всего исследовательский интерес сводился к онегинским мотивам в поэзии Н. Некрасова, крайне редко выходя за его пределы.

Между тем, отдельного внимания заслуживает вопрос о влиянии поэмы А. Пушкина «Медный всадник» на творчество Н. Некрасова, тем более что произведение представляет ряд весьма актуальных для Н. Некрасова оппозиций: государство – личность, прогресс – жертва, цивилизация – стихия и др. Спустя три десятилетия после появления «петербургской повести» А. Пушкина Н. Некрасов, обращаясь к теме нового грандиозного строительства в поэме «Железная дорога» – прокладки николаевской железной дороги, неминуемо вступает в диалог с пушкинской моделью осмысления градостроительного имперского проекта.

Цель данного исследования – поставить вопрос о диалогичности творчества А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова на основе сопоставления двух поэтических текстов, так или иначе связанных с Петербургом. Для достижения данной цели в работе применяются сравнительно-исторический, типологический методы.

Материалы и методы исследования

Поэмы «Медный всадник» и «Железная дорога» начинаются пространными одическими прологами. Пролог «Медного всадника» написан высоким стилем, с использованием архаизмов, сложных синтаксических конструкций, одических инверсий. Ему противостоит смешанная стилистика «Железной дороги»: романтически приподнятое описание осени («Нет безобразья в природе!») сменяется разговорными, даже публицистическими оборотами.

Описание Петербурга в поэме Пушкина – это гимн торжеству человеческого разума и государственной воли над стихией и историей. Мир выстроен по вертикали: из «тьмы лесов, топей блат» к «пышному, гордому» граду, увенчанному гением Петра. Даже природа («державное теченье» Невы, «оживленные берега») включена в эстетику величия. Временная перспектива направлена от прошлого («было») через героическое настоящее к вечному будущему («красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо, как Россия»). Картина представляется статичной и завершенной как любая мифологическая модель.

В прологе «Железной дороги» представлена картина мира не в монументальном, а в физиологическом и социальном ключе. Доминантой является не вечный град, а временной, конкретный процесс перемещения («быстро лечу я по рельсам чугунным») через осенний русский пейзаж, описанный с натуралистической точностью («лед неокрепший», «и кочи, и моховые болота, и пни...»). Вертикаль истории заменяется горизонталью географического пути, соединяющей, как и историческая, неравные миры.

Оба пролога завершаются сигнальными фразами («Печален будет мой рассказ» – «Думаю думу свою»), предваряющими основную часть тревожными интонациями устного, сказового повествования.

Результаты и их обсуждение

Для русского человека XVIII в. болотистый, туманный ландшафт Финляндии традиционно ассоциировался с «худым» (нечистым, гиблым) местом. Реальные трудности – отсутствие камня и леса на месте застройки (материалы везли за сотни верст), наводнения, эпидемии среди работных людей – объективно делали проект нерациональным с точки зрения традиционного хозяйства. В народном восприятии город был построен не для людей, а для государства. Под влиянием государственной пропаганды (проповеди Феофана Прокоповича, «Ведомости»), формировался официально одобренный нарратив. Сам факт его возникновения в массовом сознании требовал сверхъестественного объяснения. Петербург сравнивался с Римом и Константинополем – городами, возникшими «на пустом месте» волей богов или Бога. Это отмечает Ю. М. Лотман: «Так… императору Петру начинают приписываться не только исторические качества основоположника и строителя, но и мифологические – покровителя и защитника» [9, с. 360]. Именно аспекты сакрализации царской власти и личности сыграли важную роль в формировании концепции Петербурга в русской культуре, в частности мифологическую.

Как отмечает И. В. Немировский, «в тексте “Медного всадника” имеет место феномен, который можно определить как запрет на прямое называние Петра по имени» [10, с. 3]. Табуирование царского имени в светской культуре, в частности в драматургии, имело место еще в XVIII в. [10, с. 10]. Однако в пушкинской поэме перифрастический стиль имеет и другие, библейские, корни, на что уже указывалось в исследовательской литературе (Н. П. Анциферов [11], А. Е. Тархов [12], И. В. Немировский [10]).

Местоимение «Он» с большой буквы в русской литературной традиции XIX в. неизбежно вызывает теологические коннотации (ср. «Он» как номинация Бога в богослужебных текстах). Однако у А. Пушкина этот прием парадоксален: Петр уподобляется божеству, но не милосердному, а гневному и карающему – «кумиру на бронзовом коне» – языческому. В историческом труде «Заметки по русской истории XVIII века» (1822) А. Пушкин писал о Петре: «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество…» [13].

В сцене прозрения Евгения читаем: «Ужасен он в окрестной мгле...» – здесь «Он» отсылает одновременно к статуе и к историческому деятелю, чья воля воплотилась в камне и металле. Местоимение становится анафорическим мостом между человеком, монументом и стихией. Евгений обращается не к царю, а к образу царя, почти канонизированному культурой и государством.

Композиционно поэма строится на антитезе двух субъектов: «Он» (царь и монумент) и «маленький человек» Евгений, чье имя многократно повторяется. Местоимение здесь не только указывает на персонажа, но и моделирует дистанцию несоизмеримости.

Имя Евгений в литературе приобрело статус дворянского уже с первой трети XVIII в. (Кантемир «Филарет и Евгений»). Намек на славных предков героя, которые «и под Карамзина / В родных преданьях прозвучало…» [14, с. 476], – остается в поэме А. Пушкина лишь намеком, поэт сохраняет смысловую дистанцию, тщательно удалив из чистовика любые допущения и ассоциации, в том числе и со своей родословной и личностью. В итоге мы имеем дело с широким обобщением: Евгений – субъект именованный, конечный, смертный, Петр – субъект безымянный, точнее, нареченный только указательным жестом («Он»), то есть существующий как чистая воля и мощь.

Горизонталь исторического величия в поэме А. Пушкина, представленная монументом Петру I, одновременно воплощающем и новую империю – петербургскую – и личность царя-первопроходца, трагически упирается в мечты и жизнь «маленького человека». Слишком явное неравенство сил не уравновешивается ни многозначительным прошлым Евгения, ни его проступком.

В ряду номинаций, заменивших имя Петра в поэме, помимо «Он», есть еще одна, заслуживающая отдельного внимания. Вопрос о титуловании Петра Евгением «Строителем чудотворным» оставляет широкое поле для размышлений. Не случайно на него в своих замечаниях указал великодержавный цензор – император Николай [15].

К определению «Строитель» вопросы почти не возникают, т. к. данный перифраз был популярен и в художественной, и в исторической литературе, посвященной царю-реформатору. Акцентирование в рамках сюжета поэмы градостроительной функции вполне закономерно вызывало данный титул. Сложности интерпретации вызывает эпитет «чудотворный», который никак не вяжется с сугубо светской политикой царя и его деятельностью. У Д. С. Благого выдвигается предположение, что эти слова могли быть переводом цитаты из стихотворения Адама Мицкевича «Памятник Петру Великому», звучащим как «вершитель чудес» [16, с. 313].

Однако основная сфера семантического бытования эпитета – духовная литература, где он указывает на дар или способность человека (предмета) являть чудо, преображать с божьей помощью, а также предполагает объект сверхчеловеческой природы.

Самым известным христианским святым-чудотворцем был Николай Чудотворец (он же – Угодник), почитаемый на Руси как покровитель сирот, детей, несправедливо приговоренных к казни, моряков и тонущих.

В этом контексте «чудотворный» строитель уже полностью теряет связь как с торжественным, одическим парадным портретом Петра, так и характерными низовой культуре эсхатологическими и инфернальными номинациями. Очевидно, что Медный всадник – уже не Петр-император, а нечто новое, незримо разрушающее все существующие мифы и о Петре-строителе, и об империи, созданной им.

Парадоксально упирающийся в новом звучании (пример Николая Чудотворца) в потомка Петра и наследника его империи, титул в устах безумца Евгения, в данном контексте повторяющего роль христианского юродивого, звучит как разочарование во власти (царе) и развенчание петербургского мифа.

Ожидаемо и в то же время неожиданно в ответ на робкую угрозу «строитель чудотворный» – Медный всадник – срывается с постамента, где по злой иронии остается только Змей, и начинает преследовать безумца (не столь важно, происходит ли преследование в реальности или в бреду Евгения), превращаясь из строителя в разрушителя. Именно эта мысль поразила и довела до бунта Евгения:

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
…
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта? [14, с. 483-484].

Реакция Медного всадника на реплику Евгения не раз вызывала недоумение у исследователей. «Жалкий лепет, случайная раздраженная фраза маленького человечка, в страхе застывшего у подножия кумира, вызывает в ответ действие, поистине потрясающее своей неадекватностью, несоизмеримостью с ничтожностью не только преступника, но и самого его преступления» [17], – замечает Б. М. Сарнов.

Превращение Чудотворного образа в инфернальный, государственной силы – в слабость, творца – в разрушителя – таковы наблюдения Пушкина-историка над петербургской империей, где Медный всадник воплощает не чудо сотворения нового мира «из тьмы лесов, из топей блат», а пролог к царству мертвых, цепко им охраняемому.

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» – это хорошо известный эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, по поводу отношения к творчеству которого до сих пор пушкинисты спорят. Очевидно, что А. Пушкин проявлял живой интерес к опальному писателю, о чем свидетельствует одно из самых загадочных произведений поэта – статья «Александр Радищев».

«Чудище» Радищева – это Цербер, страж царства мертвых, который у автора символизирует петербургскую империю (цитата из «Тилемахиды» В. К. Тредиаковского). Можно предположить, что А. Пушкин в поэме представляет его новое воплощение, не менее ужасающее – Медного всадника.

А. Пушкин создает парадоксальный образ власти, которая одновременно сакральна (почти божественна) и демонична (преследует живого человека). Перифразы фиксируют этот гибридный статус.

Отказ от имени собственного позволяет автору сохранить амбивалентность оценки: апологетика еще присутствует в сознании поэтическом и обывательском, но осуждение преобладает. Именно эта позиция поэта по отношению к государству была отмечена Пушкиным в указанной выше статье о Радищеве как акт поэтической смелости: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!» [18].

В поэме Н. Некрасова «Железная дорога» есть свои «строители чудотворные» – «божии ратники» – строители железной дороги, ведущей из Петербурга в Москву. Есть свой демиург – «он» («и *он* мне сказал»), и есть поэт, дерзнувший выступить «противу общего порядка». Причем последние две роли совмещены в образе поэта.

Грандиозный проект железной дороги из Петербурга в Москву был предметом особенной гордости Николая I, дипломированного военного инженера, и в народе вскоре будет прочно ассоциироваться с императором. Для российского общества, преимущественно аграрного и консервативного, николаевская железная дорога явилась символом технического прогресса, одновременно породив комплекс противоречивых представлений – от мистического страха перед «бесовской машиной» до острого осознания социальной цены технических достижений.

Железная дорога становится новым символом петербургской России, вбирая все ее отрицательные коннотации. «Горизонтально летящий город» (В. Сухово-Кобылин) интеллигенция первоначально приветствовала как символ цивилизации. В. Г. Белинский называл её «широким путем для цивилизации», а С. П. Шевырев в стихах восторженно восклицал: «Совершайся, труд великий!». Если торжественная песня Глинки в своих интонациях вы-

держивает тональность традиционную одическую («И быстрее, шибче воли Поезд мчится в чистом поле», «Православный веселится наш народ»), то в стихотворении Вяземского «Ночью на железной дороге между Прагой и Веной» (1853 г.) подчеркивается инфернальная природа поезда: «Огнедышащая сила / Силам адовым сродни…»

Вяземский сравнивает паровоз с «полночным конем», устремленным к могиле: «Змий – не змий и конь – не конь / Зверь, чудовищно огромный, / Весь он пар, и весь огонь!» Данная метафора снова отсылает к символу петербургской империи – Медному Всаднику: «Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта…» [14, с. 484].

Поэма «Железная дорога» является манифестом некрасовского понимания народа. Вызванные Его волей (демиурга-Поэта) из небытия истинные строители железной дороги – «мужики» – выносят приговор империи, которая уничтожает творцов во имя творения. Те, кто пользуются результатами их труда, не в состоянии оценить меры этого труда и его жертв. Презрение генерала к «божьим ратникам» обнаруживает извечный диссонанс власти и народа, «маленького человека» и большого государства. Поэтому «маленькие люди» – строители дороги – в поэме являются маленькому человеку – ребенку.

«Видел, папаша, я сон удивительный, –
Ваня сказал, – тысяч пять мужиков,
Русских племен и пород представители
Вдруг появились – и *он* мне сказал:
“Вот они – нашей дороги строители!..”» [19].

Сам процесс прозрения Вани подобен озарению Евгения: через ужас контакта со смертью оба героя идут к постижению причин трагедии.

Для казны строительство николаевской железной дороги оказалось чрезвычайно обременительным, поэтому привлекали и частные капиталы. В очерке В. А. Слепцова «Владимирка и Клязьма» предстает картина финансовой нечистоплотности подрядчиков: «Общество и акционеры платят за все страшные деньги, а ими набиваются карманы подрядчиков» [20, с. 594].

Но еще более ужасает статистика смертей, травм, болезней строителей: «…летом из пяти тысяч рабочих было тысяча человек больных. В бараках духота, сырость; харчи плохие, а тут жары пошли – народ накинулся на пойло; тридцать человек тифозною горячкою умерло» [20, с. 601]. У Н. Некрасова:

«Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой…» [19].

В поэме Н. Некрасова образ народных тружеников получает амбивалентную, но глубоко мифологизированную характеристику, выраженную в формуле «божии ратники, мирные дети труда». Данная метафора является ключом к пониманию некрасовской концепции народного подвига и страдания. С одной стороны, автор использует религиозную лексику для сакрализации каторжного труда, с другой – обнажает его антигуманную сущность, создавая тем самым эффект трагического диссонанса.

Исследователи неоднократно отмечали, что Н. Некрасов через этот образ вводит категорию «неоплаченного долга». Строители-ратники совершили подвиг верности долгу (перед царем, перед хлебом), но сам долг оказался фикцией, и их жертва забыта. В уста генерала вложена официальная позиция государства по отношению к простому народу: «Ваш славянин, англосакс и германец / Не создавать – разрушать мастера…» [19].

Перифраз «божьи ратники» позволяет Н. Некрасову решить несколько задач. Первая – этическая: поднять труд раба до уровня трагедии, показать масштаб личности в уничтоженном человеке. Вторая – эстетическая: избегнуть прямой публицистики, апеллируя к архетипическим пластам сознания читателя 1860-х гг., для ко-

торого религиозная метафора была более убедительна, чем марксистские лозунги. И не менее важная – культурная: сформировать новый миф – миф о народе-созидателе, жертве государственного маховика. Последний – воплощенный в образе стремительно летящего по «косточкам русским» паровоза – предстает почти инфернальной сущностью.

Таким образом, образ строителей – «божьих ратников» в поэме «Железная дорога» – сложный синтез религиозного, социального, мифологического начал. Н. Некрасов не столько утверждает божественность крестьянского труда, сколько использует сакральную лексику для обличения того, что современное ему общество превратило в рутину – презрение к жизни «маленького человека», обесценивание его дела. Этот образ остается в русской литературе уникальным прецедентом, когда «ратниками» названы жертвы, а не воины, что ставит под вопрос само понятие героического в индустриальную эпоху. Как и любой миф – миф о народе-строителе существует одновременно в прошлом («Многие – в страшной борьбе, / К жизни воззвав эти дебри бесплодные, / Гроб обрели здесь себе» [19]), настоящем («Не разогнул свою спину горбатую / Он и теперь еще: тупо молчит / И механически ржавой лопатою / Мерзлую землю долбит!» [19]) и будущем («Вынес достаточно русский народ, / Вынес и эту дорогу железную – / Вынесет всё, что господь ни пошлет! / Вынесет всё – и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе» [19])

Заключение

Центральная философская проблема, объединяющая обе поэмы, – это цена исторического прогресса и его человеческое измерение. В «Медном всаднике» конфликт представлен как неразрешимая антиномия: величие петровского дела, прорубившего «окно в Европу», оборачивается гибелью ни в чём не повинного Евгения. Н. Некрасов актуализирует эту проблему в социальном ключе, наполняя её конкретным историческим и экономическим содержанием.

«Медный всадник» – синтетическое произведение. Эпическая, повествовательная сущность поэмы отдельно подчеркивается поэтом красноречивым подзаголовком – «петербургская повесть», сразу устанавливающим жанровую и поэтическую, остро диалогичную позиции по отношению к одическим традициям «петриад» XVIII в. Происходит развенчание публичного мифа и одновременно проводится концептуальная черта, за которой уже нет места идее сакрализации монарха.

Н. Некрасов, сохраняя лироэпическую основу, существенно её модифицирует: вводит элементы очерковой прозы, физиологического этюда, публицистической полемики, а также фольклорно-мифологические мотивы, выставляя акценты на последнем.

Еще одним важным объединяющим два текста моментом является их природа – оба представляют вариацию «петербургского» текста. Если «Медный всадник» А. Пушкина – один из зачинателей его, то некрасовская поэма, посвященная строителям железной дороге из Петербурга в Москву – представляет одно из его ответвлений, но прочно привязанных к базовому тексту и символизирующих его (как, например, тексты, посвященные пригородам Петербурга).

Список литературы

1. Мостовская Н. Н. «Пушкинское» в творчестве Некрасова // Проблемы современного пушкиноведения: межвузовский сборник научных трудов. Псков: Псковский государственный педагогический институт, 1991. С. 177-186.

References

1. Mostovskaya NN. “Pushkin” in Nekrasov's works. *Problems of Modern Pushkin Studies: Inter-University Collection of Scientific Papers*. Pskov: Pskov State Pedagogical Institute, 1991:177-186. (In Russ)

2. Скатов Н. Н. «Пушкинское» стихотворение Некрасова «Элегия» // «Я лиру посвятил народу своему...». М.: Просвещение, 1985. С. 152-160.

3. Краснов Г. В. Некрасов и Пушкин: поэтический диалог // Кара-биха. Историко-литературный сборник. Ярославль: ТОО Лия, 1997. Выпуск 3. С. 59-66.

4. Володина Н. В. Диалог Некрасова с Пушкиным в стихотворении «Поэт и гражданин» // Некрасовский сборник. СПб.: Наука, 2001. Т. 13. С. 4-9.

5. Заборова Р. Б. К изучению поэтических диалогов Некрасова // Некрасовский сборник. СПб.: Наука, 2001. Т. 13. С. 17-25.

6. Филипповский Г. Ю. А. С. Пушкин – Н. А. Некрасов: аспекты диалогической поэтики // Научный диалог. 2021. № 3. С. 276-290

7. Кошелев В. А. Литературные «похищения» в поэме Некрасова «Несчастные» // Некрасовский сборник. СПб.: Наука, 2001. Т. 13. С. 26-39.

8. Вершинина Н. Л. «Онегинские» мотивы в лирике Некрасова // Некрасовский сборник. СПб.: Наука, 2001. Т. 13. С. 10-16.

9. Лотман Ю. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 768 с.

10. Немировский И. В. Библейская тема в «Медном всаднике» // Русская литература. 1990. № 3. С. 3-17.

11. Анциферов И. П. Быль и миф Петербурга. URL: https://imwerden.de/pdf/antsyferov_byl_i_mif_peterburga_1924__ocr.pdf?ysclid=mo3632qbz5169057203 (дата обращения: 10.11.2025)

12. Тархов А. Е. Повесть о петербургском Иове // Наука и религия. 1977. № 2. С. 62-64.

13. Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века. URL: https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v08/d08-0892.htm (дата обращения: 10.11.2025)

14. Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. М.: Правда, 1984. 496 с.

15. Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. Печальну повесть сохранить... М.: Книга, 1985. С. 21-23.

16. Благой Д. Д. Мицкевич и Пушкин // Известия академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. 15. Вып. 4. С. 297-314.

17. Сарнов Б. М. Бывают странные сближения. «Медный всадник». Взгляд из двадцать первого века. URL: https://voplit.ru/article/byvayut-strannye-sblizheniya-mednyj-vsadnik-vzglyad-iz-dvadtsat-pervogo-veka/?ysclid=mo182gdphz100175741 (дата обращения: 10.11.2025)

2. Skatov NN. "Pushkin" poem by Nekrasov “Elegy”. *I dedicated my lyre to my people...* Moscow: Prosveshchenie, 1985:152-160. (In Russ)

3. Krasnov GV. Nekrasov and Pushkin: a poetic dialogue. *Kara-Bikha. Historical And Literary Collection*. Yaroslavl: Liya TOO, 1997(3):59-66. (In Russ)

4. Volodina NV. Nekrasov's dialogue with Pushkin in the poem “Poet and Citizen”. *Nekrasov Collection.* Saint Petersburg: Nauka, 2001;13:4-9. (In Russ)

5. Zaborova RB. On the Study of Nekrasov’s Poetic Dialogues. *Nekrasov Collection.* Saint Petersburg: Nauka, 2001;13:17-25. (In Russ)

6. Filippovsky GYu. A. S. Pushkin – N. A. Nekrasov: aspects of dialogic poetics. *Scientific Dialogue.* 2021(3):276-290. (In Russ)

7. Koshelev VA. Literary “Abductions” in Nekrasov’s Poem “The Unfortunates”. *Nekrasov Collection.* Saint Petersburg: Nauka, 2001;13:26-39. (In Russ)

8. Vershinina NL. “Onegin” Motifs in Nekrasov’s Lyrics. *Nekrasov Collection.* Saint Petersburg: Nauka, 2001;13:10-16. (In Russ)

9. Lotman Yu. History and typology of Russian culture. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2002:768. (In Russ)

10. Nemirovsky IV. Biblical theme in “The Bronze Horseman”. *Russkaya Literatura*. 1990(3):3-17. (In Russ)

11. Antsiferov IP. The reality and myth of Saint Petersburg. URL: https://imwerden.de/pdf/antsyferov_byl_i_mif_peterburga_1924__ocr.pdf?ysclid=mo3632qbz5169057203 (accessed 10.11.2025). (In Russ)

12. Tarkhov AE. The story of Saint Petersburg's Job. *Science and Religion.* 1977(2):62-64. (In Russ)

13. Pushkin AS. Notes on Russian History of the 18th century. URL: https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v08/d08-0892.htm (accessed 10.11.2025). (In Russ)

14. Pushkin AS. Poems. Moscow: Pravda, 1984:496. (In Russ)

15. Ospovat AL, Timenchik RD. To preserve the sad tale... Moscow: Kniga, 1985:21-23. (In Russ)

16. Blagoy DD. Mitskevich and Pushkin. *Journal of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language.* 1956;15(4):297-314. (In Russ)

17. Sarnov BM. Strange approaches do happen. “The Bronze Horseman”. A view from the twenty-first century. URL: https://voplit.ru/article/byvayut-strannye-sblizheniya-mednyj-vsadnik-vzglyad-iz-dvadtsat-pervogo-veka/?ysclid=mo182gdphz

18. Пушкин А. С. Александр Радищев. URL: https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol12/y12-030-.htm (дата обращения: 10.11.2025)

19. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 2. Л.: Наука, 1981. URL: https://ilibrary.ru/text/1029/index.html (дата обращения: 10.11.2025)

20. Русские очерки: в 3 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1956. 692 с.

100175741 (accessed 10.11.2025). (In Russ)

18. Pushkin AS. Alexander Radishchev. URL: https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol12/y12-030-.htm (accessed 10.11.2025). (In Russ)

19. Nekrasov NA. Complete works and letters: in 15 vols. Vol. 2. Leningrad: Nauka, 1981. URL: https://ilibrary.ru/text/1029/index.html (date accessed: 10.11.2025). (In Russ)

20. Russian essays: in 3 vols. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat, 1956:692. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Эмирова Лейла Абдурагимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, leylla.em@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Leyla A. Emirova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, leylla.em@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026
Одобрена после рецензирования 13.05.2026
Принята к публикации 17.06.2026

The article was submitted 14.04.2026
Approved after reviewing 13.05.2026
Accepted for publication 17.06.2026

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 811.11-112:811.161.1
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-49-54
EDN: MJARYG

Стилистическая синтагматика в аспекте этномаркированности лингвокультурной личности

2026**Алипулатова Н. С.**[1, 2]✉, **Сеферов З. Р.**[1]
[1]Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, umudatka07@mail.ru✉, m.karina01@mail.ru
[2]Дагестанский государственный университет
Махачкала, Россия, umudatka07@mail.ru

РЕЗЮМЕ. Цель. Выявить и систематизировать этномаркированные синтагматические модели в русском и английском языках, определить их роль в идентификации лингвокультурной личности инофона. **Методы.** Использованы синтагматический анализ (внутренние и внешние связи языковых единиц), лингвокультурологическая интерпретация, сопоставительный анализ коллокаций и синтаксических конструкций на материале русско-английских параллельных корпусов (Национальный корпус русского языка, British National Corpus, выборка 200 примеров ошибок и устойчивых синтагм). **Результаты.** Установлено, что этномаркированность проявляется в трёх типах синтагматических отклонений: 1) нарушение коллокаций (*make a photo* вместо *take a photo*); 2) калькирование предложного управления (*depend from* вместо *depend on*); 3) использование культурно-специфических синтагм с концептами «*душа*» (рус.) и «*self*» / *privacy* (англ.). Русская речь тяготеет к безличным конструкциям и метафорической экспансии души, английская – к аналитическому порядку слов и хеджированию (*I was wondering if…*). **Выводы.** Синтагматические ошибки инофона закономерно отражают родную лингвокультурную матрицу; этномаркированная синтагматика служит диагностическим инструментом определения культурной принадлежности говорящего. Перспектива – разработка методики коррекции синтагматической интерференции на основе выявленных маркеров.

Ключевые слова: стилистическая синтагматика, этномаркированность, лингвокультурная личность, синтагма, межкультурная коммуникация, интерференция.

Формат цитирования: Алипулатова Н. С., Сеферов З. Р. Стилистическая синтагматика в аспекте этномаркированности лингвокультурной личности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 49-54. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-49-54. EDN: MJARYG

Stylistic Syntagmatics in the Aspect of Ethnomarked Linguistic-Cultural Personality

2026Nadezhda S. Alipulatova[1, 2]✉, Zubair R. Seferov[1]
[1]Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, umudatka07@mail.ru✉, m.karina01@mail.ru
[2]Dagestan State University
Makhachkala, Russia, umudatka07@mail.ru

ABSTRACT. Aim. To identify and systematize ethnomarked syntagmatic patterns in Russian and English and determine their role in identifying the linguocultural personality of a foreign speaker. **Methods**. The research utilized syntagmatic analysis (internal and external connections of linguistic units), linguacultural interpretation and comparative analysis of collocations and syntactic constructions using Russian-English parallel corpora (National Corpus of the Russian Language, British National Corpus, a sample of 200 examples of errors and stable syntagmas). **Results.** It was established that ethnomarkedness is manifested in three types of syntagmatic deviations: 1) violation of collocations (*make a photo* instead of *take a photo*); 2) calque of prepositional control (*depend from* instead of *depend on*); 3) use of culture-specific syntagmas with the concepts of "soul" (Russian) and "*self*"/*privacy* (English). Russian speech gravitates toward impersonal constructions and metaphorical expansion of the soul, while English speech tends toward analytical word order and hedging (*I was wondering if...*). **Conclusions.** Syntagmatic errors in foreign speakers naturally reflect their native linguistic and cultural matrix; ethnically marked syntagmatics serves as a diagnostic tool for determining the speaker's cultural affiliation. Future work includes developing a method for correcting syntagmatic interference based on the identified markers.

Keywords: stylistic syntagmatics, ethnomarkedness, linguacultural personality, syntagma, intercultural communication, interference.

For citation: Alipulatova NS, Seferov ZR. Stylistic Syntagmatics in the Aspect of Ethnomarked Linguistic-Cultural Personality. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):49-54. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-49-54. EDN: MJARYG

Введение

Современное полиэтническое коммуникативное пространство делает востребованными методы идентификации культурной принадлежности говорящего по языковым признакам. Однако существующие исследования сосредоточены преимущественно на лексической и фонетической интерференции [1], тогда как синтагматический уровень – правила линейного соединения единиц в речи – остаётся недостаточно изученным с позиции этномаркированности. Устойчивые синтагматические модели способны выдать носителя определённой лингвокультуры даже при безупречном грамматическом оформлении фразы.

В отличие от названных работ, мы сосредоточиваемся не на лексике и не на грамматической сочетаемости, а на трёх типах этномаркированных синтагматических моделей, верифицируемых корпусными методами и интерпретируемых в рамках концептуального подхода [2].

Фундаментальное различие между синтагматическими и парадигматическими отношениями заложено Ф. де Соссюром [3, с. 123], определившим синтагму как линейное сочетание элементов. Г. И. Скепская уточнила признаки синтагмы: двусоставность, субординация / координация, взаимозависимость компонентов [4, с. 22-23]. В лингвокультурологии В. И. Карасик ввёл понятие языковой личности, чьи речевые стратегии обусловлены национальным менталитетом [5, с. 174]. А. С. Герд рассматривает этнос как семиотическую систему [6, с. 47-48], однако непосредственно синтагматический аспект этномаркированности остаётся малоизученным. Подход А. Вежбицкой [2] к анализу культурных концептов через синтагмати-

ческие паттерны задаёт направление для сопоставительного анализа русских и английских синтагм.

Объект исследования – стилистические синтагмы в русском и английском языках (устойчивые словосочетания, коллокации, управленческие конструкции, предикативные сочетания). Гипотеза: этномаркированность лингвокультурной личности системно проявляется на синтагматическом уровне в виде трёх типов отклонений от нормы языка-реципиента – нарушение коллокационной сочетаемости, калькирование предложного управления, перенос культурно-специфических концептуальных синтагм.

В работе предстоит выявить и систематизировать этномаркированные синтагматические модели в русской и английской речи инофонов, установить связь между типом синтагматических ошибок и родным языком, а также проверить, может ли синтагма выступать надёжным маркером лингвокультурной личности.

Определения ключевых понятий. *Синтагма* – минимальное линейное сочетание двух или более языковых единиц, связанных субординационными или координационными отношениями; *стилистическая синтагматика* – раздел стилистики, изучающий выразительные и идентификационные возможности синтагматических связей; *этномаркированность* – свойство языковой единицы нести информацию об этнокультурной принадлежности говорящего, отличную от нейтральной нормы языка общения.

Материал и методы исследования

Для выявления этномаркированных синтагм был избран метод контрастивного анализа, так как он позволяет сопоставить синтагматические нормы русского и английского языков и зафиксировать зоны интерференции. В отличие от классического синтагматического анализа [4], ограниченного внутриязыковым описанием, введен внешний синтагматический параметр – связь синтагмы с культурным дискурсом (библеизмы, фольклор, литературные аллюзии). Эта адаптация необходима, поскольку этномаркированность не сводима к грамматической правильности и требует учёта экстралингвистических кодов.

Дополнительно применен корпусный метод (сплошная выборка коллокаций и синтаксических конструкций). Выбор корпусных методов обоснован их эффективностью для выявления синтагматической интерференции. Методология сопоставления синтагматических моделей опирается на принципы, интерпретация культурных концептов – на подход А. Вежбицкой [2].

Для выявления типов синтагматических маркеров были предприняты следующие шаги:

1. Отбор 200 единиц из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и British National Corpus (BNC) по ключевым словам: благодарить, зависеть, делать фото, душа, self, privacy и др.;

2. Формирование списка типичных ошибок инофонов-русских в английском языке и инофонов-англичан в русском языке (по данным открытых корпусов ошибок Lang8 и Russian Learner Corpus);

3. Классификация по трём категориям: (а) коллокационные нарушения, (б) предложные ошибки, (в) культурные концептуальные синтагмы;

4. Сопоставление с нормативными синтагмами из толковых и коллокационных словарей (Oxford Collocations Dictionary, «Словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова).

Результаты

В результате анализа выделены три устойчивых типа этномаркированных синтагм.

Тип 1. Нарушение коллокаций (сочетаемости)

Инофон, ориентируясь на правила родного языка, соединяет слова в пары, не являющиеся узуальными в языке-реципиенте.

Родной язык инофона	Ошибочная синтагма	Нормативная синтагма	Примечание
Русский (в англ.)	make a photo	take a photo	Калька с «делать фото»; make означает создание объекта, а не фиксацию изображения
Русский (в англ.)	to solve a problem (в знач.«решать вопрос»)	to resolve an issue / to settle a matter	В русском «решить» покрывает проблему, вопрос, задачу; английские глаголы имеют более узкую сочетаемость
Русский (в англ.)	strong rain	heavy rain	Калька с «сильный дождь»
Русский (в англ.)	do a mistake	make a mistake	Русское «делать ошибку» → *do* вместо *make*
Английский (в рус.)	*держать речь*	*произносить речь*	Калька с *hold a speech*
Английский (в рус.)	*делать роль*	*играть роль*	Калька с make a role (норма – play a role)
Английский (в рус.)	*платить внимание*	*обращать внимание*	Калька с pay attention

Тип 2. Ошибки в управлении (калькирование предлогов)

Возникают при переносе падежно-предложных конструкций родного языка; устойчивы и практически не корректируются на уровне интуитивной грамматики.

Родной язык инофона	Ошибочная синтагма	Нормативная синтагма	Примечание
Русский (в англ.)	to listen music	to listen **to** music	Пограничное явление между коллокацией и управлением
Русский (в англ.)	to enter **to** the room	to enter the room	Калька с «войти в» → лишний предлог
Русский (в англ.)	depend from	depend on	Перенос предлога *from* как аналога русского «от»
Английский (в рус.)	*играть футбол*	*играть* **в** *футбол*	Калька с *play football* (без предлога).
Английский (в рус.)	*ждать за автобус*	*ждать автобус*	*Калька с wait for*

Тип 3. Культурно-специфические синтагмы (концепты)

Этномаркированность кодируется через ключевые концепты национальной картины мира. В русском языке доминирует концепт «душа», порождающий синтагмы *душа нараспашку*, *родство душ*, *душевный разговор*, *душа в пятки ушла*. Эти сочетания грамматически не ошибочны, но их высокая частотность и эмоциональная насыщенность контрастируют с английской нормой. Для английской лингвокультуры характерны синтагмы с концептами *self* (*self-made man*, *self-control*) и *privacy* (*a skeleton in the closet*, *to mind one's own business*). Употребление таких синтагм в межкультурной коммуникации служит надёжным маркером: носитель русской культуры интуитивно апеллирует к «душе», носитель англосаксонской – к *self* или приватности, даже при безупречной грамматике.

Концепт	Русские синтагмы	Английские синтагмы
Внутренний мир	«душа нараспашку», «душевный разговор», «родство душ»; концепт «души» как подвижной, открытой субстанции	«self-made man», «self-control», «privacy matters»; концепт «self» как объекта управления, психологизации, индивидуальной ответственности.
Эмоциональная экспрессия	«благодарю от всего сердца»; длинные, эмоционально насыщенные конструкции	«thank you very much»; стандартные, умеренно насыщенные выражения.
Скрытая тайна	«душа в пятки ушла»; синтагма на концепте «души» как субстанции, реагирующей на страх.	«a skeleton in the closet»; концептуализация приватности через метафоры скрытого пространства.
Судьба	«судьба-злодейка», «удариться в судьбу», «такая уж доля»; судьба как враждебная, ироничная сила	«fate», «destiny», «it was meant to be»; предопределение, нейтральное или позитивное, без персонификации.
Вера в случайную удачу	«надеяться на авось», «авось пронесёт»; фаталистический оптимизм.	«maybe», «hoping for luck»; отсутствует устойчивый культурный концепт

Представленные концепты демонстрируют, что русская синтагматика тяготеет к персонификации, эмоциональной гиперболе и сакрализации бытовых явлений, тогда как английская – к прагматизму, психологизации и сдержанности.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают гипотезу о трёх типах этномаркированных синтагматических отклонений.

Первый тип (коллокационные ошибки) показывает, что инофон бессознательно экстраполирует правила сочетаемости родного языка. Наиболее уязвимы глагольно-именные пары с широкой семантикой в родном языке («делать», «решать»). Обратная интерференция (англичане в русском) встречается реже, что, вероятно, объясняется большей аналитичностью английского языка, предъявляющего жёсткие коллокационные ограничения.

Второй тип (ошибки в управлении) подтверждает, что предлоги и падежные конструкции – наиболее консервативная и резистентная к коррекции зона интерференции. Русскоязычные инофоны систематически переносят предлог «от» как *from* (*depend from*), добавляют избыточный *to* после *enter*. Англоговорящие опускают предлог «в» (*играть футбол*) или заменяют его (*ждать за*). Эти данные согласуются с наблюдениями А. С. Герда [6, с. 48] о жёсткой фиксации пространственно-грамматических отношений в этнической семиотической системе.

Третий тип – культурные концептуальные синтагмы – наиболее интересен для лингвокультурологии. Здесь нет грамматической ошибки, но выбор концептуально нагруженной лексемы («душа», «авось», «судьба-злодейка» или *self*, *privacy*, *fair play*) выдаёт родную картину мира. Русский концепт «душа» пронизывает синтагмы эмоций, страха, межличностных отношений; английский *self* ориентирован на контроль, самооценку, индивидуальные границы. Это соответствует выводам В. И. Карасика [5, с. 174] о русской экстраверсии и британской интроверсии, но наше исследование впервые переводит эти различия на уровень синтагматической модели. Уникальные русские концепты «авось» и персонифицированная «судьба» не имеют эквивалентных синтагматических реализаций в английском, что делает их абсолютными маркерами этномаркированности.

Данное исследование доказывает, что даже на уровне минимальной синтагмы культурная идентичность кодируется надёжно. Практическое применение результатов лежит в области лингводидактики (коррекция синтагматических привычек), судебной лингвистики (определение родного языка по тексту) и теории перевода (выявление культурных лакун).

Заключение

Проведённое исследование подтвердило гипотезу о существовании трёх типов этномаркированных синтагматических отклонений в речи инофонов. Достигнуто следующее: (1) выявлены и систематизированы коллокационные нарушения (*make a photo*, *strong rain*, *do a mistake* и др.); (2) зафиксированы устойчивые ошибки в предложном управлении (*depend from*, *играть футбол*, *ждать за автобус*); (3) впервые в сопоставительном ключе описаны культурно-специфические синтагмы, кодирующие ключевые концепты русской (*душа*, *авось*, *судьба*) и английской (*self*, *privacy*, *fairness*) лингвокультур.

Каждый из трёх типов отклонений закономерно маркирует родную лингвокультуру говорящего даже при формально правильной грамматике. Наиболее значимый вывод: этномаркированность проявляется не только на лексическом, но и на синтагматическом уровне, причём культурные концептуальные синтагмы (третий тип) выступают наиболее надёжным идентификатором, поскольку не воспринимаются носителем как ошибка и не поддаются интуитивной коррекции.

Перспективы дальнейших исследований – расширение типологии на другие языковые пары, а также экспериментальная проверка того, насколько точно носители языка распознают культурную принадлежность говорящего по предложенным синтагматическим маркерам.

Список литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиен-темы. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 532 с.

2. Wierzbicka A. Imprisoned in English: The hazards of English as a default language. Oxford: Oxford University Press, 2018:287.

3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. со 2-го фр. изд. А.М. Сухотина. М.: УРСС, 2004. 271 с.

4. Скепская Г. И. Введение в синтагматику: пособие по теор. грамматике фр. яз. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1979. 135 с.

5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.

6. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправ. СПб: Санкт-Петербургский университет, 2005. 458 с.

References

1. Vereshchagin EM, Kostomarov VG. Language and culture: three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapien-themes. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2014:532. (In Russ)

2. Wierzbicka A. Imprisoned in English: The hazards of English as a default language. Oxford: Oxford University Press, 2018:287.

3. Saussure F. de. Course in general linguistics. Transl. from the 2nd French ed. by A. M. Sukhotin. Moscow: URSS, 2004:271. (In Russ)

4. Skepskaya GI. Introduction to syntagmatics: A handbook of theoretical grammar of the French for Institutes and faculties of foreign languages. Moscow: Vysshaya shkola, 1979:135. (In Russ)

5. Karasik VI. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 2002:476. (In Russ)

6. Gerd AS. Introduction to ethnolinguistics. Lecture course and reader. 2nd ed., revised. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2005:458. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Алипулатова Надежда Синибековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, факультет иностранных языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова; доцент кафедры иностранных языков, экономический факультет, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, umudatka07@mail.ru

Сеферов Зубаир Робертович, магистрант, факультет иностранных языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, m.karina01@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Nadezhda S. Alipulatova, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of English, Faculty of Foreign Languages, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, umudatka07@mail.ru

Zubair R. Seferov, Master's Student, Faculty of Foreign Languages, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, m.karina01@mail.ru

Критерии авторства

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to the paper.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.04.2026
Одобрена после рецензирования 01.06.2026
Принята к публикации 18.06.2026

The article was submitted 23.04.2026
Approved after reviewing 01.06.2026
Accepted for publication 18.06.2026

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 811.351.32
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-55-63
EDN: MXFUQM

Структурно-семантическая характеристика обстоятельственных придаточных предложений в лезгинском языке

© 2026**Бабаев В. А.**✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, nauka_dgpu@mail.ru✉

РЕЗЮМЕ. Целью данной статьи является анализ обстоятельственных придаточных предложений лезгинского языка в структурно-семантическом аспекте. **Методы.** В исследовании использован комплекс методов и приемов, основным из которых является синхронное описание фактического материала. В работе использовались также приемы структурного и системного анализа. **Результаты.** Обстоятельственные конструкции (обстоятельственные придаточные предложения) в современном лезгинском языке имеют собственные формы выражения. **Выводы.** Обстоятельственные придаточные предложения характеризуют целиком главную часть предложения с точки зрения времени, места, образа действия, условия, причины, степени, сравнения, следствия.

Ключевые слова: лезгинский язык, сложноподчиненное предложение, обстоятельственные придаточные предложения, структурно-семантическая характеристика.

Формат цитирования: Бабаев В. А. Структурно-семантическая характеристика обстоятельственных придаточных предложений в лезгинском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 55-63. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-55-63. EDN: MXFUQM

Structural and Semantic Characteristics of Adverbial Subordinate Clauses in the Lezgin Language

© 2026**Vladimir A. Babaev**✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, nauka_dgpu@mail.ru✉

ABSTRACT. The **aim** of the research is to analyze adverbial subordinate clauses in the Lezgin language from a structural and semantic perspective. **Methods.** The research utilized a combination of methods and techniques, the primary one being the synchronic description of factual material. Structural and systemic analysis techniques were also employed. **Results.** Adverbial constructions (adverbial subordinate clauses) in modern Lezgin have their own forms of expression. **Conclusions.** Adverbial clauses characterize the en-

tire main part of a sentence in terms of time, place, manner, condition, cause, degree, comparison and consequence.

Keywords: The Lezgin language, complex sentences, adverbial clauses, structural and semantic characteristics.

For citation: Babaev VA. Structural and Semantic Characteristics of Adverbial Subordinate Clauses in the Lezgin Language. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):55-63. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-55-63. EDN: MXFUQM

Введение

По характеру синтаксической связи между частями сложные предложения делятся на сложносочинённые, сложноподчинённые и бессоюзные. В лезгинском языке представлены все названные виды сложных предложений.

Сложноподчиненное предложение состоит из главного (самостоятельного) и зависимого от него (придаточного) предложений. Связь между ними устанавливается посредством подчинительных союзов, союзных слов и отглагольных форм.

Материалы и методы исследования

Материал исследования извлекался из личных бесед автора с носителями языка, различных словарей, художественной литературы (произведения Е. Эмина, С. Стальского, З. Эфендиева, А. Агаева, Н. Ахмелова и др.) и фольклорных произведений.

В работе в основном использовался синхронно-описательный метод. В ней также применялись методы структурного и системного анализа.

Результаты и их обсуждение

В сложноподчиненном предложении придаточная часть может выражать различные обстоятельственные значения. Подобные зависимые части сложного предложения принято называть обстоятельственными придаточными предложениями.

Как отмечает М. М. Гаджиев: «Между главным и обстоятельственными придаточными предложениями обычно складываются такие же отношения, какие мы имеем между обстоятельственными словами и сказуемым в простом предложении» [1].

Обстоятельственные придаточные предложения характеризуют целиком главную часть предложения с точки зрения времени, места, образа действия, условия, причины, степени, сравнения, следствия. Различаются также сложноподчиненные предложения с придаточными частями уступительными и цели.

Придаточные предложения времени

Придаточные предложения времени соединяются с главной частью сложного целого с помощью различных глагольных форм с суффиксами *-ла (-лахъ, -лахъди), -маз (-мазни, -мазди), -вал (-валди),* выступающих в роли сказуемого придаточной части.

Наибольшей продуктивностью и высокой употребительностью обладают типы придаточных со сказуемым на формы *-ла*, например: *Ибур булахдал фена и зат1ар чуьхуьзвайла, сик1ре садлагьана деведин рик1 т1уьна* «Когда они пошли на родник и стали мыть эти вещи, лиса моментально съела сердце верблюда». Акурла ви чинар къамат, вахъ ийида за гьерекат «Когда вижу твой образ чинара, спешу к тебе». Гададин кьуд йис хьайила, буба кьена «когда мальчику исполнилось четыре года, отец умер». *Лам къекъведайла, адан кьуд к1вачни дуьз са ц1арц1е аваз физва* «Когда идет осел, все его четыре ноги вышагивают на одной линии». Пример на *-лахъди: Агъзур чкани миллион шикил акурлахъдини ац1удач зи вил* «Даже когда увижу тысячу мест и миллион картин, не насытится мой глаз».

Придаточное предложение времени может показать действие, которое совпадает со временем главной части (отношения одновременности) или предшествует ему, или следует за ним (отношения разновременности). Так, например, в предложениях *Са тамун къеняй физвайла, ибурал са къуьр гьалтна* «Когда они шли по лесу, им встретился заяц». *Жерягь къвезвайла, папа са къапуна дулма туна къазидин вилик эцигна* «Когда шел лекарь, жена положила голубцы в посудину и поставила перед судьей» действия сказуемых главных и придаточных частей происходят одновременно.

Приведем примеры, где действие придаточного предложения предшествует действию главной части: *Етим Эмин, чир жеда, кар хьайила* «Етим Эмин, узнаешь, когда дело совершится». *Женжел катайла, Сувар Агьмедаз разивилелди килигна* «Когда шалун убежал, Сувар с благодарностью посмотрела на Ахмеда».

Сказуемое в придаточной части времени может иметь и аффикс *-лди,* который присоединяется к форме будущего времени глагола. Придаточные предложения этого типа показывают время, которое наступает после того, как совершится действие сказуемого главного предложения. Примеры: *Пака юкъуз экв жедалди Ц1иц1али пачагьдин патав фена* «На следующий день, пока не наступил рассвет, Цицали пошел к царю». *Им дуванханадиз хъфидалди, паб хтана саилдин патав акъвазна* «Пока он не ушел в судейскую, женщина вернулась и стала около нищего».

Сказуемое в придаточных предложениях времени может образоваться посредством *-вал (-валди)* и от причастий прошедшего времени. В этих случаях оно обозначает действие, за которым сразу должно совершаться действие сказуемого главного предложения, например: *Директор хтайвалди, чун рекье гьат хъийида* «Как только приедет директор, мы пустимся в путь». *Куьне къапар-т1урар чуьхвена куьтягьдалди, зун фена хуьквенни хъийида* «Пока вы помоете посуду, я поеду и вернусь».

Придаточное предложение времени может быть соединено с главной частью комплексом причастной формы с лексическими единицами *ч1авуз, вахтунда* «во-время», *кьван* «вплоть до, по» и др. Примеры: *Зун акьалтай ч1авуз к1вачел, кьунай куьне зи гъил, дагълар* «Когда я встал на ноги, вы держали мою руку, горы». *Вуч хъсан тир дерени дагъ, зун вал ашукь хьайи ч1авуз* «Как красивы были долины и горы, когда я был влюблен в тебя». *Ахварай ава-тай вахтунда зун югъ ачух жез мукьвал хьанвай* «Когда проснулся я, время приближалось к рассвету». *Гвенар гуьдай ч1авуз вун гьатна к1венк1ве* «Когда жали хлеба, ты встала впереди всех».

Для уточнения временного значения придаточного предложения иногда после деепричастного сказуемого используются послеложные слова *вилик* «перед», *кьулухъ* «после», например: *Чун рагъ ак1идалди вили тамай хтана* «Мы из леса вернулись до того, как зашло солнце». *Агьмед армиядиз фейидалай кьулухъ стхайрин арада дуствал мадни мягькем хьанвай* «После того, как Ахмед ушел в армию, дружба между братьями стала еще крепче».

Для обозначения действия, которое наступает моментально вслед за действием в придаточной части, в главном предложении употребляются деепричастные формы с аффиксами *-маз (-мазни, -мазди)*. Примеры: *Циф акьалтзамазди цавал вегь къуьнерихъ еке кавал* «Как только небо заволакивает тучами, бросай на плечи большой тулуп». *Къазиди дулмадиз к1ас янамазди, жерягь атана акъатна* «Как только кадий (судья) откусил долму, лекарь явился». *Гатун йикъан пакамахъди ахъа жезмаз экуьн ярар ч1улав гьуьмерин к1аникай ачух жезвай кьакьан дагълар* «Как только в раннее летнее утро раскрывались утренние зори, из-под черных туманов обнажались высокие горы».

Придаточные предложения времени интонационно выделяются незначительной паузой. На письме это выделение обычно не отражается постановкой знаков препинания, поскольку отсутствие их не вызывает никакого затруднения в понимании текста, например: *Югъ мич1и хьайила к1вализ агакьай Мурсалова анжах, чин-гъил чуьхвена, чин дасмалдалди михьзавай* «Приехавший домой, когда стемнело, Мурсалов, только что умывшись, вытирал лицо полотенцем». *Са кьадар йикъар алатайла Къурбана раккурай чарчини и кар тестикь ийизвай* «Когда прошло несколько дней, этот факт подтверждало и письмо, посланное Курбаном».

Придаточные предложения места

В лезгинском языке различаются следующие типы придаточных предложений места:

А) роль сказуемого выполняет причастие, при котором имеется определяемое им слово *чка* «место». Примеры: *Перихан гъамлу яз ацукьнавай чкадал агьил хьтин са дишегьлиди адавай хабар кьуна* «Там, где Перихан сидела горестная, пожилая женщина спросила ее». *Балк1ан авачир чкада ламни балк1ан я* «Там, где нет лошади, и осел лошадь». *Чна шаз хуьруьн рат алай чкадал клуб эцигна* «Мы на месте, где в прошлом году находился сельский ток, построили клуб»;

Б) придаточные предложения места с вопросительными наречиями (конструкции с соотносительными местоименными наречиями и формами условного или уступительного наклонений [2, с. 103]), например: *Зун, Муса гьина авам1, гьаниз фида* «Я пойду туда, где находится Муса». *Хвар гьинихъ фейит1а, тайни гьанихъ фида* «Кеда кобыла пойдет, туда и жеребенок пойдет».

Наречия места, используемые в данном случае в качестве союзных слов, по происхождению являются местоименными и как местоимения склоняются по всем падежам. Падежными окончаниями наречий уточняются пространственные отношения между действиями придаточного и главного предложений [1, с. 141]. Примеры: *Агьмед гьиниз физват1а, зунни гьаниз фида* «Я тоже пойду туда, куда идет Ахмед». *Зун, Селим гьинал ацукьайт1а, гьанал ацукьда* «Я сяду там, где сядет Селим»;

В) Придаточные предложения места с отглагольными именными формами в различных падежах, например: *Елкайрин тамув агакьдалди са т1имил чка амай* «До прибытия в еловый лес оставалось немного расстояния».

Придаточные предложения образа действия

Специальным способом выражения данного значения придаточных предложений является использование лексем-синонимов *тегьерда, саягъда* «способом, по способу» с определением-причастием зависимого глагола. Слова эти исполняют роль послелога, устанавливая обстоятельственные отношения между придаточным и главным предложениями. Например: *Наргиза чуькьнач, са жизви регъуьвал ийизвай тегьерда кьил агъузна* «Наргиз не разговаривала, немного стыдясь, голову опустила». *Ученикри муаллимди къалурай тегьерда кхьена* «Ученики написали так, как указал учитель». *Чна к1валах чаз бригадирди лагьай саягъда бегьемарна* «Мы выполнили работу так, как нам сказал бригадир».

Образ действия можно указать и путем сравнения [1, с. 142]. Например: *Гьабуруни к1валер чна эцигай тегьерда эцигна* «Они тоже построили дом так, как мы строили».

Придаточные с суффиксом -вал

Суффикс *-вал* (суффикс существительных с абстрактным значением) в соединении с причастием выполняет функцию средства связи придаточного предложения с главным, устанавливая между ними различные обстоятельственные отношения (цели, следствия, образа действия) в зависимости от содержания главного предложения. Приведем примеры придаточных

предложений образа действия с суффиксом *-вал: Хуьруьн майишатдин крар чна вирида, чара ксар хъуьруьн тийирвал, кьилиз акъудзава* «Сельскохозяйственные дела мы выполняем так, чтобы посторонние не смеялись». *Абуру тазар бригадирди къалурайвал ак1урна* «Они посадили саженцы так, как показал бригадир».

Придаточные образа действия с союзными словами

Как отмечает М. М. Гаджиев: «Вполне развитыми придаточными предложениями являются придаточные части, которые соединяются с главным предложением при помощи союзных слов и выражений» [1, с. 145]. В качестве таких слов и выражений в лезгинском языке употребляются вопросительные и указательные местоименные наречия *ак1* «так», *гьик1…гьак1* «как…так», *акьван* «столько», *гьикьван…гьакьван* «сколько…столько», выражение на *лугьуди* «будто, словно (букв. ты скажешь)», *хьи* «что»).

Сказуемое придаточного предложения, в состав которого входит вопросительное наречие *гьик1* «как» или *гьикьван* «сколько», выражается формой условного наклонения и раскрывает содержание наречий *гьак1* «так», *гьакьван* «столько» в составе главного предложения. Например: *Ада гьик1 лагьанат1, за гьак1 авуна* «Я сделал так, как он сказал». *За, Мусади гьик1 кхьизват1а, гьак1 кхьида* «Я буду писать так, как пишет Муса». *Ада ак1 незвай, на лугьуди ам мукьвара фу акурди тушир* «Он кушал так, будто он давно не видел хлеба». *Ичер акьван дадлу тир хьи, на лугьуди абур ширин шекер тир* «Яблоки были так сладки, как будто это был сладкий сахар».

В подобных сложноподчиненных предложениях образ действия главного предложения указывается при помощи сравнения его с действием придаточного предложения. При этом сравниваемый член главного предложения нередко снабжается союзной частицей с усилительным значением *ни* «и». Например: *Зи ирид сим алай чуьнгуьр эхиримжи сеферда за ягъай юкъуз гьик1 куькда авайт1а, гилани гьак1 куькда хьуй* «Пусть мой семиструнный чунгур будет и ныне так настроен, как он был настроен в день, когда я в последний раз играл на нем».

Придаточные предложения образа действия ставятся как внутри главного предложения, так и перед ним.

Придаточные предложения условия

Условные придаточные предложения показывают условие, от которого зависит реализация или нереализация того, о чем говорится в главном предложении. Условие может быть реальным и нереальным. Придаточная часть с реальным условием соединяется с главной частью при помощи глагольной формы, относящейся к придаточной части и выступающей в ней сказуемым. Значение условности выражается с помощью частицы *-т1а*, которая присоединяется к формам прошедшего, настоящего и будущего времен глагола. Примеры: *Зун бубади ваз тагайт1а, зи т1вар алай суна гъваш, яр* «Если меня отец не выдаст за тебя, то женись, о возлюбленный, на моей тезке». *Куьне заз куьмек авурт1а, адан кар за аквада* «Если вы мне окажете помощь, я справлюсь с ним». *Ваз кич1едат1а, зи чухвадин хилел кьил эцигна ксус* «Если ты боишься, спи, положив голову на рукав моего бешмета». *Вун тахьайт1а, чан куда зи зулалди* «Если ты не будешь моей, то я сгорю до осени». *Каинатдин туп1алдавай къаш ят1а и чил, гьар ст1алди, гьар пешини къалуррай ви чин* «Если эта земля есть драгоценный камень в кольце вселенной, то пусть каждая капля, каждый листик покажет твой лик». *Зун цуьк тирт1а, к1андай хьи заз* «Если бы я был цветком, хотел бы я». *Гзаф яд хъун к1ан тушт1а, на кьел немир* «Если не хочешь много пить воды, не ешь соли». *Ихтилатар ийиз ацукьайт1а, югъ фида* «Если сесть за беседой, то день уйдет». *Кьве кепек пул турт1а гъута, жемятарни гуда маса* «Если положить две копейки на

руку, то продаст все общество». *Эгер за табзават1а, зи гардан ваз ч1арч1елай шуьк1уь хьуй* «Если я лгу, то пусть моя шея будет для тебя тоньше волоса».

Как видно из примеров, придаточная часть сложного предложения стоит перед главной частью. Но в поэтической речи возможен и обратный порядок (инверсия) расположения предикативных единиц, например: *Аквадачир вун вилериз, вяде тирт1а хъуьт1уьн, билбил* «Не стал бы попадаться в глаза, если бы это было время зимы, соловей».

Условие придаточной части выражается посредством употребления сказуемого-глагола с частицей *-т1а* в форме давнопрошедшего и прошедшего несовершенного времени. Например: *Вун зав икьрар хьун хьанайт1а, за ви кефи хачир, гуьзел* «Если бы ты согласилась со мной, я бы не стал обижать тебя, любимая».

В придаточном предложении условия могут находиться союзы *эгер* «если» и *нагагь* «если», заимствованные из персидского языка. Они только усиливают значение обусловленности. Например: *Эгер вун ч1алахъ тушт1а, итимар ракъура* «Если ты не веришь, посылай людей (букв. мужчин)». *Эгер вуна ам жагъурайт1а, икьван къизилар гуда за* «Если ты найдешь его, я дам тебе столько золота». *Эгер вуна ханачирт1а, жедачир зун пашман, диде* «Если бы ты, мать, не родила меня, не стал бы горевать». *Эгер, дуст, вун шаир ят1а, юлдашар ваз гзаф жеда* «Если друг, ты поэт, у тебя будет много друзей». *Нагагь ви кар тахьйу эксик, садни ваз яб гуз амукьич* «Если твое дело будет худо, никто не станет тебя слушаться». *Нагагь кват1а закни тахсир, ая кван успат, гуьзел яр* «Если я виновен, докажи-ка, любимая». *Заз хьунухь тахьайт1а нагагь, мад за фу неч, алагуьзли* «Если ты не станешь моей, не стану есть хлеб, синеглазая».

Значение ослабленного условия с временным оттенком приобретает и деепричастная форма на *-ла* в придаточной части: *Гаф лагьайла, карни хьана к1анда* «Если (когда) даешь слово, за ним должно быть и дело». *Вучда на рик1икай илифдай вири, а рик1ин рак хуьдай вилер тахьайла* «Зачем тебе сердце, где гостят все, если (когда) не имеешь глаз, охраняющих дверь этого сердца». *Вучда на и к1валин девлетдикайни, ви къулан ц1ай хуьдай дустар тахьайла* «Зачем тебе и богатство этого дома, если (когда) нет друзей, которые сберегут огонь в этом доме».

Значение условия имеет также придаточное предложение, сказуемое в котором выражено глаголом в форме императива 3-го лица, например: *Мурад пака татурай, адаз ийидайди за ийида* «Пусть Мурад не придет завтра, я его накажу». *Ада заз пака ктаб тагъурай, мад садрани зун адан патав фидач* «Если он завтра не принесет мне книгу, я больше ни разу к нему не пойду».

Придаточные предложения цели

Придаточное предложение цели указывает на цель или назначение того, о чем говорится в главной части сложноподчиненного предложения. Наиболее распространенным способом соединения придаточной цели с главной частью является постановка союза *лугьуз* «говоря» или *лагьана* «сказав» между этими двумя частями. При этом сказуемое придаточного предложения имеет форму повелительного наклонения глагола. Примеры: *Тарциз як1в яда, тамуз ван хьурай лагьана* «Топором бьют по дереву, чтобы лес услышал». *Ам вичиз балк1ан жагъура лугьуз зи патав атана* «Он пришел ко мне с просьбой, чтобы я достал для него лошадь». *Аялдиз мекьи тахьуй лугьуз, дидеди адал пальто алук1на* «Чтобы ребенок не простыл, мать надела на него пальто». *Саимата, вич марфади кьежир тавурай лагьана, таж къачуна* «Саимат взяла зонтик, чтобы дождь не промочил ее». *Ник1и хъсан бегьер гуй лугьуз, чна аниз гзаф кьук ч1угуна* «Чтобы поле давало хороший урожай, мы навезли туда много навоза».

Придаточное предложение цели соединяется с главной частью посредством суффикса *-вал*. Сказуемое придаточной части при этом выражается определительной формой причастия, например: *Ви буругъдиз къван аватуй, келле чархар элкъуведайвал; ярдин рик1ел чун акьалтуй, бургъ туна хкведайвал* «Пусть упадет в твою буровую скважину камень, чтобы головные колеса поворачивались; пусть возлюбленный вспомнит меня, чтоб вернулся, оставив буровую». *Цуьквер фад экъеч1дайвал, гьар юкъуз яд гана* «Чтобы цветы быстро росли, каждый день поливал». *Киц1 лал жедайвал, вегь са к1ус* «Чтобы собака замолкла, кинь кусок». *Бригадирдиз, нубатсуз лагълагъ ийизвайбурун сивер акьал жедайвал, нафт акъатна к1анзавай* «Бригадир хотел появления нефти, чтобы закрылись рты у людей, болтавших лишнее».

Для соединения придаточного предложения цели с главным нередко используются союзные слова *патал, патахъай* «для, ради». Примеры: *Шиир, вун зи гъиле туна дяведи ви куьмекдал за зи Ватан хуьн патал* «Стих, тебя вручила мне война, чтобы с твоей помощью я свою Родину сберег». *Чирагъ, ада виридаз экв гун патал, кьакьан чкадал эцигун лазим я* «Светильник, чтобы он светил всем, нужно поставить на высокое место». *Хва шегьердиз фин патал зун гзаф алахънай* «Чтобы сын поехал в город, я очень старался». *Гада хуьруьз хтун патал за телеграмма янава* «Чтобы сын вернулся домой, я отправил телеграмму». *Ватан гуьзел хьун патал алахънава халкьарр вири* «Чтобы родина стала красивой, старается весь народ».

Целевое отношение передается также инфинитивом (целевой формой) [2, с. 106]: *Гада нянин т1уьниз герек тир шейъер къачуз экъеч1на* «Юноша вышел, чтобы купить необходимое для ужина». *Пачагьдин хва вичин балк1андиз яд гуз фида вирел* «Сын падишаха идет на озеро, чтобы напоить своего коня».

Придаточные предложения причины

Сложные предложения, одна из предикативных частей которых указывает на причину того, о чем говорится в другой части, называются сложными предложениями с придаточными причины. В качестве союзного средства в предложениях с причинным отношением могут выступать сочетания *вучиз лагьайт1а/куьз лагьайт1а* «потому что». Союз обычно находится в придаточной части. Примеры: *Яргъал ят1ани, динарадиз и сеферда гьа рехъ иер акуна, вучиз лагьайт1а ана инсанрин гьерекат т1имил жеда* «Хоть и дальше, Динара на этот раз эту дорогу предпочла, потому что здесь людей (движения) меньше». *Инал завай квез межлис жедач, вучиз лагьайт1а пачагьдин яхц1ур къаравул авай къеледай чуьнуьхай и касди зи ламни тадач* «Здесь я не могу вам вечеринку устроить, потому что человек, сворovавший из крепости, где сорок царских караульных, не оставит в покое и моего осла». *Са куьнвайни ч1уриз жедач чи садвал, куьз лагьайт1а ви садвал я чи шадвал* «Ничто не может нарушить наше единство, потому что твое единство есть наша радость». *Бирдан Гьезердина вацрал гуьзчивал авун акъвазарна, вучиз лагьайт1а адан фикир маса карди вичел желбна* «Незаметно Гезердин перестал следить за луной, потому что его мысль заняло другое дело». *Чун и йифиз къавал ксана, вучиз лагьайт1а к1вале гзаф чими тир* «В эту ночь мы спали на крыше, так как в комнате было очень жарко».

В роли союза в сложноподчиненных предложениях данной конструкции может выступать также деепричастие глагола *лугьун* «говорить», а зависимый глагол здесь представляется финитной формой [2 с, 104]: *Салманаз райондин вилик авторитет къачуз к1анзава лагьана, завай зи бубадин к1вал гадариз жедач* «Из-за того, что Салман хочет в районе авторитет заслужить, я свой отцовский дом бросить не могу». *За акъваз тавуна к1валахзава лугьуз, ада хейлин куьмекар гузва* «Из-за того, что я беспрестанно работаю, он оказывает

большую помощь». *Кьабулна чи герой лугьуз, залда капун ван гьатна* «От того, что приняли нашего героя, в зале раздались аплодисменты». *Зуьгьре к1вале амай тек са руш я лугьуз, дидедизни бубадиз к1андай* «Так как Зухра была единственной дочерью, которая осталась дома, родители любили ее». *Магьмуд кьунач лугьуз, абуру кавхадизни сеперар гана.* «Из-за того, что не поймали Махмуда, они ругали старосту». *Са шакни авачиз, и Жейран вичиз атуниз мажбур жеда лагьана, ам архайин хьана* «Так как подумал, что Жейран непременно вынуждена будет выйти за него замуж, он успокоился».

Распространенным типом придаточных предложений причины являются предикативные единицы, соединяющиеся с главной частью при помощи одной из деепричастных или причастных форм глагола *акун* «видеть» – *акуна* «увидев», *акурла* «видя, когда увидел», *акурди* «увидевший/увиденный, видя». Сказуемое придаточной части также выражается деепричастной формой прошедшего времени или формой на *-з* [3, с. 326]. Примеры: *Эй, инсан, вун инсан яз акуна, са къуз, кьве къуз за ваз чуькьнач* «Эй, человек, день-два я тебе ничего не говорил, поскольку ты гость». *Мегьамедни, вич галатнаваз акуна, ксана* «И Магомед лег спать, так как был уставшим». *И рушар гуьрчег, акьуллу, камаллубур яз акурла, пачагьди ибур вичин гадайриз къачудайвал хьана* «Так как эти девушки были красивы, умны и совершенны, царь решил их взять в жены для своих сыновей». *Куьчедал халкь к1ват1 хьанваз акуна, зун мягьтел хьана* «Увидев, что на улице собрался народ, я удивился» [4, с. 239]. *Къунши хуьруьн чубандиз вичин гафарикай хуш къвез акурла, Умалата ашкъи кваз ихтилат давамарна.* «Увидев, что чабану из соседнего села его слова нравились, Умалат воодушевленно продолжил разговор». *Вичикай хабарни кьан тийиз акурди, селиман дидедик мадни гзаф къалабулухвал акатна* «Увидев, что на нее не обращают никакого внимания, мать Селима еще больше забеспокоилась».

Как видно из примеров, сложные предложения данного типа начинаются с придаточной предикативной единицы, за которой следует союзное слово, и кончаются главной предикативной единицей.

Придаточное предложение причины соединяется с главной частью и формой исходного падежа имен существительных, образованных посредством суффикса *-вал* от причастий или прилагательных. И в этом случае главная часть стоит в постпозиции по отношению к придаточной. Примеры: *Ц1ару гъвет1гъвет1 хьтин и к1елен язухвиляй, завай а хеб гатун хьана* «Из-за жалости к пестрому ягненку, я вынужден был сечь ту овцу». *Пенжерар кьакьан тирвиляй, вахавай гьызгуьяр хъсандиз михьих хьанач* «Сестра не смогла хорошо почистить стекла, так как окна были высокие». *Гьелбетда, Магьмудани, амай членрини хъсандиз к1валах авурвиляй, чавай кьакьан бегьер къачуз хьана* «Конечно, мы смогли получить высокий урожай из-за того, что и Махмуд, и другие члены работали хорошо». *Йиф мич1и тирвиляй, кими хьайиди-тахьайди чаз чир хьанач* «Мы не узнали недостачу, поскольку ночь была темная» [5, с. 137]. *Ихьтин к1венк1вечи коллективрин жергеяр кьвердавай артух жезвайвиляй хуьруьн майишат мадни вилик тухунин рекьяй республикади къазанмишзавай нетижаярни хъсанбур жезва* «Оттого что с каждым днем увеличиваются ряды передовых коллективов, и результаты республики по дальнейшему развитию сельского хозяйства стали хорошими».

Придаточная часть причины «…в качества средства связи может использовать и форму дательного падежа отпричастных существительных с суффиксом *-вал* или дативной формы масдара в сочетании с союзным словом *килигна* «посмотрев» [2, с. 102]. Например: *К1вале касни тахьуниз килигна, им къулан патав ацукьна* «Ввиду того что дома никого не было, он сел около очага». *Гъуьлер дустар хьуниз килигна, Аран дидени Адаман паб Зайнабни к1еви дустар тир* «Ввиду того что мужья были друзьями, бабка Аран и жена Адама Зай-

наб были крепкими подругами». *Гьаваяр садлагьана гзаф мекьи хьуниз килигна, инсанривай к1валахиз чуьлдиз экъеч1из жезвачир* «Люди не могли выходить в поле работать, поскольку неожиданно похолодало».

Заключение

В сложноподчиненном предложении придаточная часть может выражать различные обстоятельственные значения. Подобные зависимые части сложного предложения принято называть обстоятельственными придаточными предложениями.

Наиболее употребительным видом выражения подчинительной связи являются конструкции с различными причастными, деепричастными и другими отглагольными формами.

Список литературы

1. Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка. Ч. 2. Сложное предложение. Махачкала: Дагучпедгиз, 1963. 200 с.

2. Алексеев М. Е., Шейхов Э. М. Лезгинский язык. М.: Академия, 1997. 136 с.

3. Гайдаров Р. И. Современный лезгинский язык. Махачкала: ИЯЛИ, 2009. 480 с.

4. Гайдаров Р. И., Магомедов Г. И., Эседуллаева Н. Б. Лезгинский язык: Учебник для педучилищ. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. 254 с.

5. Бабаев В. А., Казимагомедова Ф. И., Шахбанова А. Р. Лезги ч1алан практикум. Махачкала: ДГПУ, 2023.

References

1. Gadzhiev MM. Syntax of the Lezgin Language. Part 2. Complex Sentence. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1963:200. (In Russ)

2. Alekseev ME, Sheikhov EM. The Lezgin Language. Moscow: Academy, 1997:136. (In Russ)

3. Gaidarov RI. The Modern Lezgin Language. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Art, 2009:480. (In Russ)

4. Gaidarov RI, Magomedov GI, Esedullaeva NB. The Lezgin Language: Textbook for pedagogical colleges. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1994:254. (In Russ)

5. Babaev VA, Kazimagomedova FI, Shakhbanova AR. Lessons in practical training. Makhachkala: DSPU, 2023. (In Lezg)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Бабаев Владимир Абдурахманович, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, nauka_dgpu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Vladimir A. Babaev, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Dagestan Languages, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, nauka_dgpu@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026
Одобрена после рецензирования 26.05.2026
Принята к публикации 17.06.2026

The article was submitted 12.05.2026
Approved after reviewing 26.05.2026
Accepted for publication 17.06.2026

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 811.351.22
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-64-70
EDN: OHUFWX

Структурно-семантический и функциональный аспекты союзов в даргинском языке

© 2026Габибуллаева П. М.✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, 79patimat79@mail.ru✉

РЕЗЮМЕ. Целью данной работы является характеристика подчинительных союзов современного даргинского языка с точки зрения значения и структурных особенностей. **Методы.** В исследовании главным образом использовался метод синхронного описания. В работе имеют место приемы структурного и системного анализа. **Результаты.** В современном даргинском языке функционирует небольшое количество подчинительных союзов, среди которых имеются и ориентализмы из восточных языков. Представлены в языке как простые (неразложимые), так и составные (разложимые на части) союзы. **Выводы.** Соединяя между собой словоформы и части сложного предложения, союзы в то же время определяют характер их взаимоотношений. Подчинительные союзы в даргинском языке – это в основном сложные лексемы, образованные посредством контаминации.

Ключевые слова: даргинский язык, союзы, подчинительные союзы, структура союзов, значение союзов.

Формат цитирования: Габибуллаева П. М. Структурно-семантическая характеристика подчинительных союзов в даргинском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 64-70. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-64-70. EDN: OHUFWX

Structural-Semantic and Functional Aspects of Conjunctions in the Dargin Language

© 2026Patimat M. Gabibullayeva✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, 79patimat79@mail.ru✉

ABSTRACT. The **aim** of the research is to characterize subordinating conjunctions in the modern Dargin language in terms of their meaning and structural features. **Methods.** The research primarily utilized the synchronic description method. The research also utilizes structural and systemic analysis techniques. **Results.** The modern Dargin language uses a small number of subordinating conjunctions, including orientalisms from Eastern languages. Both simple (indecomposable) and compound (decomposable) conjunctions are present. **Conclusions.** By connecting word forms and parts of a complex sentence, conjunctions also

determine the nature of their relationships. Subordinating conjunctions in Dargin are primarily complex lexemes formed through contamination.

Keywords: The Dargin language, conjunctions, subordinating conjunctions, conjunction structure, conjunction meaning.

For citation: Gabibullayeva PM. Structural-Semantic and Functional Aspects of Conjunctions in the Dargin Language. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):64-70. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-64-70. EDN: OHUFWX

Введение

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена необходимостью детального анализа представленных в современном даргинском языке подчинительных союзов в разных аспектах.

Подчинительные союзы в даргинском языке обнаруживают свои специфические структурные, семантические, а также функциональные признаки. Наиболее ярко специфические особенности, отличающие их от союзов в близкородственных языках, проявляются в структурном плане.

Материалы и методы исследования

Материал исследования извлекался из различных словарей, художественной литературы и фольклорных произведений.

В работе для решения поставленных задач в основном использовался синхронно-описательный метод. В ней также применялись методы структурного и системного анализа.

Результаты и их обсуждение

Союзы – это разряд слов, соединяющих слова и части сложного предложения.

По характеру синтаксических отношений, которые союзы устанавливают между словами и предложениями, они делятся на сочинительные и подчинительные.

В даргинском языке подчинительными являются союзы *сенк1ун, сенах1енну, сенадли* «потому что», *эгер, нагагь, нагагьладан* «если», *х1ятта* «так что», или «что», -ну «а».

К подчинительным союзам З. Г. Абдуллаев перечисляет классные формы возвратного местоимения *сай* (*сари, саби*) с суффиксом *-ра*. По его мнению, «Широко распространенным в даргинском языке выразителем союзного значения является возвратное местоимение *сай (сари, саби)* «сам» (сама, само)» [1, с. 421]. Оно соединяет придаточное определительное с главным предложением, то есть относит придаточное определительное к одному из членов главного предложения как определение к определяемому. При этом непременным условием является следующее: придаточному определительному предшествует тот член главного предложения, к которому оно относится как определение к определяемому.

Следует отметить, что при самостоятельном использовании (без сочетания с суффиксом *-ра*) лексема *сай* (*сари, саби*) не выполняет функцию подчинительного союза. Эту функцию данное возвратное местоимение может выполнять при совместном использовании с суффиксом *-ра*. Слово *сай (сари, саби)* в даргинском языке также изменяется по всем падежным формам, причем во множественном числе имеет супплетивную основу косвенных падежей: *чу*. В союзном значении возвратное местоимение с частицей *-ра* выступает в обоих числах и во всех падежных формах. Это значит, что в данном случае мы имеем не одну какую-либо конкретную форму союза, а целую систему или комплекс форм, выступающих выразителем союзно-определительного значения в сложноподчиненном предложении. Этот комплекс падежных форм возвратного местоимения с частицей *-ра* мы и называем союзом возвратности [1, с. 422; 3, с. 389].

Возвратное местоимение *сай (сари, саби)* с суффиксом *-ра* никак не может быть союзом (подчинительным), так как союз не отвечает ни на какой вопрос и не может быть членом предложения. Возвратное местоимение *сай (сари, саби)* с суффиксом *-ра* является союзным словом.

Классные формы возвратного местоимения *сай (сари, саби)* в даргинском языке изменяются по всем падежным формам: А) *сайра, сарира, сабира* (ном), *суненира* (эрг.), *сунелара* (ген.), *сунесра* (дат.), *сунечилра* (ком.), *сунечилара* (тем.), *сунечиблира* (мед.), *сунечира* (адит.), *сунечибра* (лок.), *сунечибадра* (абл.), *сунечибях1ра* (дест.) (для кратности варианты форм пространственных падежей на *-зи, -у* опускаются);

чунира (эрг.), *чулара* (ген.), *чусра* (дат.), *чучилра* (ком.), *чучилара* (тем.), *чучиблира* (мед.), *чучира* (адит.), *чучибра* (лок.), *чучибадра* (абл.), *чучибях1ра* (дест.) (здесь также опускаются варианты форм на *-зи, -у*).

Приведем фразовые примеры:

Нушазирадли шали – шайчи кадухъи сари халати варачанти, сарира аждагьа кьяйда дургъути «От нас в разные стороны устремились большие потоки, которые свирепствуют словно драконы»; *Илаб леб шизиб башуси халати к1ап1рала бег1 кьар, сунесра виктория или бик1уси* «Там имеется водное растение с большими листьями, которое называется викторией»; *Кордильерла дуцаладикили Амазонкала халал варачан бета1аахъурти* «Воды, катящиеся с гор Кордильер, образовали много рек, которые, слившись, образовали крупный поток Амазонки». *Хъ1рхъли сабаиб иличи ярагъли бег1биубти нукерти, чусра халкь х1явбуц1и или бик1ути* «Быстро добрались до него вооруженные нукеры, которых народ называет шакалами»; *Х1ера, иш мискин юрт, сунезивра ну дила пякьир зизичил х1ериубси* «Вот он, бедный дом, где я прожил со своей несчастной сестрой».

Союз *х1ятта* считается заимствованным из арабского языка. Он употребляется в значении «словно, будто, как будто». В союзном значении *х1ятта* выступает не сам по себе, а в сочетании со сравнительной частицей *ван*, прибавляемой к причастной форме.

С. Н. Абдуллаев отмечает: «В даргинском языке употребляется всего три-четыре союза: *ва, йа(я), амма (аммаки), х1ятта.* Все они заимствованы из арабского и кумыкского языков. Союзы *ва* и *х1ятта* вошли в даргинский язык после Октябрьской революции и употребляются в языке. Союз *х1ятта* «даже» встречается редко» [2, с.391].

В учебнике по синтаксису даргинского языка предложения с союзом *х1ятта* нигде не отмечаются. Союз *х1ятта* здесь не числится ни среди подчинительных, ни среди сочинительных. С. Н. Абдуллаев считал его настолько малоупотребительным, что даже не счел возможным его упоминать. Не упоминается он и в научной грамматике, изданной в 1954 г.

В работах по хюркилинскому, арбукскому и другим диалектам даргинского языка П. К. Услара, Л. И. Жиркова, А. А. Магометова и др. союз *х1ятта* также не упомянут. Все это в какой-то мере подтверждает положение о том, что союз *х1ятта* в даргинском языке встречается редко и только в литературном языке. Однако было бы неверно отрицать наличие его в устной разговорной речи отдельных диалектов даргинского языка: хюркилинского, акушинского, цудахарского, хайдакского и др. В художественной литературе последних лет примеры с союзом *х1ятта* встречаются довольно часто: *Уктемли сай бик1ар гьанна Г1ялибек, х1ятта Чирюртла станция ца сунени т1ашбатурсиван. Иличи жагьдеш чардухъи сари, бик1ар, х1ятта сай дагарх1ели хъайчи кайибсиван. Хьунуйчи пахру бирули вирар, бик1ар, х1ятта царх1илтала хьунри агартиван* «Говорят, что Алибек сейчас горделив так, словно чирюртовскую станцию один он построил. Говорят, что к

нему вернулась молодость, словно женился он вчера-позавчера. Говорят, что он гордится женой, будто у других жен нет».

В приведенном примере представлены три придаточных определительных предложения с союзом *х1ятта*. Во всех приведенных предложениях имеется также причастие со сравнительной частицей *ван: х1ятта… т1ашбатурсиван, х1ятта… хъайчи кайибсиван, х1ятта… агартиван*. Как видно из этих предложений, придаточное определительное с союзом *х1ятта* и сравнительной частицей *ван* определяет характер действия главного предложения в сравнении с характером действия, выраженного самим придаточным определительным. Таким образом, придаточное определительное с союзом *х1ятта*, благодаря частице *ван*, прибавляемой к причастию, получает дополнительный оттенок – сравнение. Это – как бы придаточное сравнительно-определительное.

Противительный союз *сенах1енну* является семантическим эквивалентом *сенк1ун*, в нем можно выделить совмещенные части *сен ах1ен-ну*, где *сен-* «почему» (вопросительное местоимение), *-ахен-* «нет, не является» (отрицательный глагол), *-ну* (союз). Приведем примеры: *Дахъал гъай дирес г1яг1нидешра аги, сенах1енну илдани цали цала гъай агарлира иргъулри* «Не было необходимости и много говорить, так как они друг друга и без слов понимали». *Къистаман ак1убх1ели илини сях1бат барес х1ейуб, сенах1енну ил рурси раркьили неш ребк1ибсири* «Когда родилась Кистаман, он не смог отметить это событие, так как после родов умерла мать»; *Гьалабра илаб адамти т1ашбилзути биъни чебаэслири, сенах1енну шурла бях1 гавли ц1ударбарилри* «Видно было, что люди останавливались там и раньше, так как стена скалы закоптилась от дыма».

Третьим эквивалентом союза *сенк1ун* является *сенадли*. В его основе лежит то же вопросительное местоимение *сен?* «почему?». Вторая часть его *--адли* представляет собой форму 2-го лица условного наклонения от глагола *эс* «сказать». В буквальном переводе на русский язык *сенадли* означает «если почему скажешь». В союзном функционировании *сенадли* выступает в том же значении, в каком употребляются *сенк1ун* и *сенах1енну*.

Союз *эгер (рахли)* «если». Судьба данного союза несколько аналогична с *х1ятта*. Он заимствован из персидского языка. Имеет употребление как в диалектной, так и в письменной художественной литературе, хотя и считается малоупотребительным. С. Н. Абдуллаев лишь упоминает среди подчинительных союзов *эгер* и приводит только один пример: *Эгер нушани кьасбарах1елли, нуша барх1ехълис хъябличи дурадиркех1е* «Если мы решимся, то к вечеру доедем до перевала» [3, с. 210].

Эгер «если» – условный союз, встречается при условных формах глагола, обычно заменяется *кубачинским йахле* «если»: *эгер (йахде)* у вашей *агагле, диццe булгьахъа* «если тебе не удастся уехать, дай мне знать»; *йахлеккиниш-кка баччиле, ицце бугьахъила* «если найду книгу, дам тебе знать».

В учебниках для педагогических училищ можно прочитать: «*Бек1 предложениелизи шарт1ла чебедиб предложение сказуемоли биубси шарт1 наклонениела формали билгьуси саби. Амма цацх1ели шарт1ла чебедиб предложениелизир эгер, нагагь (нагагьладан) рахли ибти союзунира дашар*»: «Придаточное условное предложение соединяется с главным посредством сказуемого, выраженного формой условного наклонения. Но иногда в условном придаточном предложении встречаются союзы *эгер, нагагь (нагагьладан), рахли*. Приведены следующие примеры: *Эгер нушаб млх1ели такси цугх1ебикибси биалри, нуша самолетличи кадирутири* «Если тогда не встретили такси, мы сели бы в самолет». *Рахли ил барх1и х1ушаб самолетличир арцес х1ебикалли, барх1ехъ поездличи дукьеная* «Если в этот день не

удастся поехать самолетом, поезжайте на вечернем поезде».

В литературном даргинском языке и в ряде диалектов арбукскому (кубачинскому йахле) соответствует *рахли*. Это действительно исконно даргинский союз, по своему значению соответствующий заимствованному *эгер*. Но о нем ничего не говорится ни в учебных пособиях, ни в научных трудах.

З. Г. Абдуллаев пишет: «Следует обратить внимание на то обстоятельство, что *рахли* в даргинском языке выполняет две функции: условного союза и частицы. Интонация здесь является основным фактором и может даже заменить саму частицу *рахли*, ср.: *Рахли балахъис х1ези нуни!* «Как-нибудь дам я тебе знать!» – *Балахъис х1ези нуни!* «Дам я тебе знать!» (подчеркивается интонация угрозы) [1, с. 440].

В подобных выражениях частица *рахли* усиливает угрозу, предупреждение, намек. Это не основное значение. В союзном значении *рахли* употребляется только при условных формах глагола: *Сегъуна биалра галга рахли зяг1ипбикалли, илини сунела сих1рула дармунтачил ил бусяг1ят арасагъбиру* «Если заболеет какое-нибудь дерево, он своими волшебными лекарствами вылечит его сразу».

В союзном значении *рахли* встречается редко: как правило, вместо него употребляется союз *эгер*. Придаточное условное с союзом *эгер* позиционно может находиться как после главного, так и перед ним. Оно может оказаться и между членами главного предложения. Например: *Ил галгубачил гъайик1ули чеибти х1якбизурли х1ербик1ар – тамашах1ейыс вирару, эгер галгала кьялуби гьалар мут1иг1ли, харили г1яшдик1алли, шивк1ивдик1али* «Те, кто увидит его разговаривающим с деревьями, удивленно смотрят – можно ли не удивляться, если ветки дерева перед ним покорно, радостно кланяются, щебечут». *Кьяшла дякьличибад, эгер х1уша х1ердизадалли ургуба чебиули саби* «С тропинки, если вы посмотрите, видно поле» и т. д.

Союз *нагагь (нагагьла, нагагьладан)* «если» синонимичен условному союзу *эгер*, ср.: *Нагагь анц11букь муц1урлизиб биалри, г1ежа бег1 гьалаб шайх бетари* «Если бы дело было в бороде, то бы коза первой стала шейхом». *Опыт г1ях1си сек1алри, нагагьладан г1ямру дахъ дебали къант1ти х1едиилри* «Опыт был бы хорошим делом, если бы жизнь была не очень короткой».

Как видно из приведенных примеров, придаточное предложение с союзом *нагагь* может находиться как перед главным предложением, так и после него.

Союз *гу* «но, хотя» в даргинском языке имеет противоречивое толкование. П. К. Услар *-гу* (хюркилинский *гво*) называет то частицей, то союзом: «Вышеозначенные формы весьма часто встречаются в соединении с частицей *гво*, которая в большей части случаев имеет значение «хотя…но…». *Ну дусма хволал сайрагво, чархли вишт1ал сайра* «Я годами хотя старший, но телом мал». *Дурх1ни бишт1ах1или жагвоти сабригво, нах1а ц1ахбили саби* «Дети, когда были маленькими хотя были красивы, но теперь подурнели» [4, с. 74].

Обращает на себя внимание тот факт, что примеры, приводимые П. К. Усларом на значение «хотя…но…» частицы *гво*, как правило, представляют собой уступительные придаточные предложения: *Нам бигули будун иллагво, шанти разилёх1ин* «Хотя я, согласно своему желанию, сделался муллою, но жители не довольны». *Уриъ ну мискин иллигво, нах1а давлашив илла* «В прошлом году я хотя обеднел, но теперь разбогател».

Как было отмечено выше, *гво* П. К. Услар называет то частицей, то союзом. Когда *гво* называет частицей, приводятся примеры ее союзной функции и отмечается, что частица *гво* имеет «и другие значения», когда же *гво* называется союзом, П. К. Услар приводит пример союзного употребления и отмечает, что *гво*, сверх того, встречается в значении «пусть» и мн. др. Во втором случае П. К. Услар более по-

следователен. В первом же случае он пользуется термином «частица», не придавая ему принципиального, дифференцированного в прагматическом отношении, значения.

С. Н. Абдуллаев *гу* характеризует как союз подчинительной связи: «Придаточное предложение, сказуемое которого не является придаточным, присоединяется с помощью особых союзов. Они называются придаточными союзами. Придаточными союзами являются *ну, гу, хьалли, или, сенк1ун (сенах1енну, сенадли)* и др.». В качестве придаточного значения союза *гу* в учебнике приводится такой пример: *Нуни х1у туснакъварес г1яг1нисиригу, х1ед илира даили сари* «Я должен был тебя арестовать, но тебе и так досталось» [3, с. 114].

В то же время С. Н. Абдуллаев считает, что: «Частица *гу* соответствует русскому противительно-сочинительному союзу «но» и образует уступительное предложение, употребляя частицу *гу*. Примеры: *Сяг1ид вак1ибгу, жуз ишаб балх1ебикиб* «хотя Саид и пришел, но книги здесь не оказалось». *Бархl1и бак1ибгу, ванах1ебиуб* «Солнце было, но не потеплело». *Базарличи вякьунрагу, арц аги* «Хотя я на базар и ходил, но денег не было».

В этих примерах частица *гу,* по мнению С. Н. Абдуллаева, соответствует русским подчинительным союзам и союзным словам.

Таким образом, по мнению С. Н. Абдуллаева, союз *гу* «образует уступительное предложение», но признать его подчинительным союзом нельзя. Такое противоречие порождено утверждением автора о том, что в даргинском языке нет подчинительных союзов. Несмотря на категоричность этого утверждения, позднее С. Н. Абдуллаев был вынужден констатировать наличие таких союзов, в том числе и союза *гу*.

В монографии А. А. Магометова «Кубачинский язык» [5, с. 254] *гу* (кубач. *ггво*, по записи Магометова – *кква*) отсутствует среди союзов. Значение *гу* автор характеризует только как значение усилительной частицы «же, ведь»: *Ваши-кква ниссишу* «Иди же к нам». *Дудил ицце гьаад-кква* «Я же сказал тебе». *Кабилч1ин-кква ккинишкка* «Прочитай же книгу».

Между тем, в кубачинском диалекте в союзном значении *гу* употребляется так же, как в литературном языке. Придаточное уступительное с союзом *гу* литературного даргинского языка в кубачинском диалекте имеет полное синтаксическое соответствие с этим же союзом в виде *ггво*. Ср.: литер. *Арц агигу, базарличи вякьунра* – кубач. *ас либаггвеггво, базариже вякьунда* «Хотя и не было денег, ходил на базар». Литер. *Бархl1и бак1ибгу, ванах1ебиуб* – кубач. *Бёгвала бач1ибггво, гьамк1 гьададухе* «Хотя солнце и взошло, тепло не стало» и т. д.

В учебнике «Дарган мез» *гу* характеризуется как союз подчинительной связи: «*Цацадех1 уббурк1ути чедедиб предложениеби бек1 предложениелизи гу ибси союзли дилгьули дирар. Масала: Яни бак1илигу, гьачам илцад – дек1ар бугl1ярли ах1ен. Дярх1ялис дармунти дедлугулрагу, гьачамлис г1ях1деш аги*: «Некоторые уступительные придаточные предложения с главным предложением соединяются с помощью союза *гу*. Например: хотя зима наступила, пока все-таки не холодно; хотя ребенку даю лекарства, пока что пользы нет» [6, с. 253].

Позиционно придаточное уступительное с союзом *гу*, как правило, предшествует главному предложению. Но встречается и другой случай, когда придаточное уступительное следует за главным. Например: *Илдас ц1а абикьес дигутиригу, цализибалра пирхик1 агарли уббухъун* «Они хотели разжечь огонь, но ни у кого спичек не было». *Мар саби или гьанбикибгу, къяна буили саби* «Думал, что правда, но оказалось неправдой». *Мурт лярк1уси х1ела Х1япсат ца вайт1а карц1риублирагу* «Когда придет твоя Хапсат, ведь я очень соскучилась».

Союз *хьалли* «хотя». А. А. Сулейманов *хьалли* считает подчинительным союзом со значением «хотя»: *Ургьулихьалли, дашес г1яг1нили саби* «Хотя дождь идет, но ехать надо» [7, с. 337].

Таким образом, можно заключить, что в описываемом даргинском языке, как и в других генетически близкородственных языках дагестанской группы (в лакском, лезгинском и др.), корпус подчинительных союзов невелик. Среди представленных в нем слов имеются как исконные лексические единицы, так и единичные заимствованные из восточных языков лексемы.

Заключение

Исследование показывает, что союзы в даргинском языке по морфологической структуре делятся на простые (нерасчленимые, первообразные) и составные (сложные). Представлены в языке также и повторяющиеся союзы.

По характеру синтаксических отношений, которые союзы устанавливают между словами и предложениями, они делятся на сочинительные и подчинительные. Подчинительные союзы употребляются только для связи частей сложного предложения. Они не могут соединять ни отдельные слова, ни компоненты словосочетания, ни самостоятельные предложения.

Список литературы

1. Абдуллаев З. Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М.: Наука, 1971. 479 с.
2. Абдуллаев З. Г. Даргинский язык. М.: Наука, 1993. 442 с.
3. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка. Махачкала: Алеф, 2023. 225 с.
4. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. 5. Хюрклинский язык. Тифлис, 1892. 497 с.
5. Магометов А. А. Кубачинский язык. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1963. VIII, 341, VII с.
6. Мусаев М.-С. М., Алиев А. Ш., Бахмудов З. М. Даргинский язык. Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. 303 с.
7. Сулейманов А. А. Морфология даргинского языка. Махачкала, 2003. 284 с.

References

1. Abdullaev ZG. Essays on the syntax of the Dargin Language. Moscow: Nauka, 1971:479. (In Russ)
2. Abdullaev ZG. The Dargin Language. Moscow: Nauka, 1993:442. (In Russ)
3. Abdullaev SN. Grammar of the Dargin Language. Makhachkala: Alef, 2023:225. (In Russ)
4. Uslar PK. Ethnography of the Caucasus. Linguistics. Vol. 5. The Khyurklin Language. Tiflis, 1892:497. (In Russ)
5. Magometov AA. The Kubachi Language. Tbilisi: Academy of Sciences of the Georgian SSR, 1963: VIII, 341, VII p. (In Russ)
6. Musaev MM, Aliev ASh, Bakhmudov ZM. The Dargin language. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1992:303. (In Russ)
7. Suleymanov AA. Morphology of the Dargin language. Makhachkala, 2003:284. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Габибуллаева Патимат Магомедовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, 79patimat79@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Patimat M. Gabibullaeva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Dagestan Languages, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, 79patimat79@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026
Одобрена после рецензирования 19.05.2026
Принята к публикации 26.05.2026

The article was submitted 02.02.2026
Approved after reviewing 19.05.2026
Accepted for publication 26.05.2026

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 81-119:821.161.1
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-71-78
EDN: OVFJGC

Лексическая и текстовая репрезентация концепта *духовная память* в поэме А. А. Ахматовой «Реквием»

© 2026 Злобин А. А.✉
Вятский государственный университет
Киров, Россия, zlobin_andrei@mail.ru✉

РЕЗЮМЕ. Данная статья посвящена анализу смыслового потенциала концепта *духовная память* и способам его репрезентации в индивидуально-авторской концептосфере А. А. Ахматовой. Работа выполнена на материале поэмы «Реквием» в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы. **Цель** исследования – выявление и интерпретация когнитивных признаков, а также особенностей лексической и текстовой экспликации концепта *духовная память* в поэме А. А. Ахматовой «Реквием». Значимыми для осуществления цели исследования явились как общенаучные (индукция, интерпретация, моделирование, классификация), так и специальные методы (лингвистическое наблюдение, лексикографическое описание, элементы компонентного анализа слова, концептуальный метод). **Результаты** исследования: предложена ядерно-периферийная модель концепта *духовная память* с выделением трёх зон (ядро, зона дальней и ближней периферии); выявлены базовые репрезентанты концепта; продемонстрирована связь приядерной зоны с библейским (ветхо- и новозаветным) и литургическим (ирмос канона Великой Субботы) интертекстом; показано взаимодействие концепта *духовная память* со смежным концептом *дом*. **Выводы**. Единицами, формирующими ядро анализируемого концепта, являются как отдельные слова (*молитва*, *памятник*, *реквием*, *поминать* и др.), так и непредикативные словосочетания (*поминальный час*, *погребальный день*). Данные репрезентанты актуализируют духовную связь с теми, кто стал жертвой тоталитарного режима. Зона ближней периферии представлена лексическими единицами, связывающими поэму с ветхозаветными и новозаветными книгами Библии. Символическое значение имеют существительные *река*, *звезда*, *горы*. Сакральный смысл актуализируют лексемы *распятие*, *смерть*, *Мать*. В зону дальней периферии входят слова различной морфологической природы: *страх*, *ужас*, *мёртвые*, *одичалая*, *осатанелая*, *выть* и др. Используя их семантический потенциал, А. А. Ахматова передаёт чувства жертв политических репрессий, атмосферу тоталитарного Ленинграда, всей страны в период большого террора.

Ключевые слова: концепт, А. А. Ахматова, ядерно-периферийная организация, «Реквием», экспликация, духовная память.

Благодарность

Материал подготовлен в рамках реализации Программы развития федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вятский государственный университет» на 2025–2036 годы (стратегическая цель № 3 «Воспитание патриотичной и социально ответственной личности», проект «Мировоззренческий базис личности»).

Формат цитирования: Злобин А. А. Лексическая и текстовая репрезентация концепта *духовная память* в поэме А. А. Ахматовой «Реквием» // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 71-78. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-71-78. EDN: OVFJGC

Lexical and Textual Representation of *Spiritual Memory* Concept in A. A. Akhmatova's Poem “Requiem”

© 2026Andrey A. Zlobin✉
Vyatka State University
Kirov, Russia, zlobin_andrei@mail.ru✉

ABSTRACT. The paper deals with the analysis of the semantic potential of the *spiritual memory* concept and its representation ways in the individual author's concept sphere of A. A. Akhmatova. The work is based on the poem “Requiem” and follows the cognitive-discursive paradigm. The **aim** of the paper is to identify and interpret the cognitive features and lexical and textual explication of the *spiritual memory* concept in A. A. Akhmatova's poem “Requiem”. Both general scientific methods (induction, interpretation, modeling and classification) and special methods (linguistic observation, lexicographic description, elements of word component analysis and the conceptual method) were significant for achieving the research aim. **Results**: a nuclear-peripheral model of the *spiritual memory* concept is proposed, with three zones (nucleus, far and near periphery); the basic representatives of the concept are identified; the connection of the near-nucleus zone with biblical (Old and New Testament) and liturgical (irmos of the Great Saturday Canon) intertext is demonstrated; the interaction of the concept spiritual memory with the related *home* concept is shown. **Conclusions**. The units that form the core of the analyzed concept are both individual words (*prayer*, *monument*, *requiem*, *commemorate*, etc.) and non-predicative phrases (*memorial hour*, *funeral day*). These representatives actualize the spiritual connection with those who fell victim to a totalitarian regime. The near-peripheral zone is represented by lexical units that link the poem to the Old Testament and New Testament books of the Bible. The nouns *river*, *star* and *mountains* have a symbolic meaning. The lexemes *crucifixion*, *death*, and *Mother* have a sacral meaning. The far periphery includes words of various morphological nature: *fear*, *horror*, *dead*, *wild*, *frenzied*, *howling* and others. Using their semantic potential, Anna Akhmatova conveys the feelings of political repression victims and the atmosphere of totalitarian Leningrad and the entire country during the Great Terror.

Keywords: concept, A. A. Akhmatova, nuclear-peripheral organization, “Requiem”, explication, spiritual memory.

Acknowledgments

This material was prepared as part of the Development Program for the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vyatka State University” for 2025-2036 (strategic aim No. 3: “Developing a Patriotic and Socially Responsible Individual”, project: “Ideological Basis of the Individual”).

For citation: Zlobin AA. Lexical and Textual Representation of Spiritual Memory Concept in A. A. Akhmatova's Poem “Requiem”. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):71-78. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-71-78. EDN: OVFJGC

Введение

В концептосфере (термин Д. С. Лихачёва) каждого этноса выделяются концепты, которые более устойчивы и значимы для национальной культуры – ключевые концепты. Данные единицы картины мира важны для языковой личности и для всего лингвокультурного сообщества [1; 2].

По мнению исследователей идиостиля А. А. Ахматовой, *память* является одним из значимых концептов. Их вывод связан, прежде всего, с аспектом частотности употребления лексем, репрезентирующих данный концепт. С. М. Карпенко приводит следующие статистические данные: «В лирике А. А. Ахматовой выявлено бо-

лее 100 лексем эксплицитно репрезентирующих концепт *память*: *память* – 40 словоупотреблений; *помнить*, *вспомнить*, *запомнить*, *припомнить*, *поминать* – 55; *воспоминанье* – 5; *беспамятство* – 3; *прапамять* – 1. Частотны также антонимические лексемы, входящие в приядерную зону концепта: *забыть*, *позабыть*, *забывчивый*, *забвение* – выявлено 17 словоупотреблений» [3, с. 48].

Действительно, даже в названиях стихотворений А. А. Ахматовой лексема *память* употребляется весьма часто. Ср. некоторые из них: «Голос памяти», «Памяти 19 июля 1914», «Из памяти твоей я выну этот день...», «Память о солнце в сердце слабеет...» «Памяти друга», «In memoriam», «Памяти В. С. Срезневской», «Памяти Вали», «Памяти М. А. Булгакова», «Памяти Бориса Пильняка», «Памяти М. М. Зощенко», «Памяти Сергея Есенина» и др.

Память для А. А. Ахматовой – это средоточие эмоциональных состояний, личных переживаний, источник творческого вдохновения. Об этом пишет А. Г. Найман: «Как будто из бездонного мешка, набитого её прошлым, она доставала нужные ей или собеседнику факты, эпизоды, фразы, при надобности снабжаемые академически пунктуальным комментарием дат, мест и обстоятельств, а чаще – без ссылок на происхождение, оторванно во времени, или упоминая о нём приблизительно, или намеренно темно» [4, с. 204].

Актуальность исследования определяется следующим. Во-первых, интерес к концептосфере русской литературы и отдельным идиостилям остаётся одним из магистральных направлений современной филологии. Во-вторых, обращение к поэме «Реквием» – тексту, который является не только художественным, но и историко-документальным свидетельством, отражающим личную и коллективную травму, полученную в один из трагических периодов российской истории, – сохраняет высокую научную и социальную значимость. Особую актуальность работе придаёт не просто анализ концепта *память* (уже достаточно изученного в ахматоведении), а акцент на его *духовной* составляющей, что позволяет по-новому интерпретировать религиозно-философский подтекст поэмы.

Научная новизна работы определяется тем, что концепт *духовная память* (именно в такой двухкомпонентной формулировке, отличной от изученного ранее концепта *память*) впервые становится самостоятельным объектом анализа на материале поэмы «Реквием».

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стал текст поэмы А. А. Ахматовой «Реквием», методологической основой – принцип системности языка и языкового антропоцентризма. В основу положены общенаучные методы исследования: индукция, интерпретация, моделирование, классификация. В ходе исследования использовались такие специальные методы, как лингвистическое наблюдение, лексикографическое описание, элементы компонентного анализа слова, концептуальный метод.

Результаты и их обсуждение

Большая часть стихотворений, вошедших в произведение, создавались А. А. Ахматовой во время большого террора, а именно в период наиболее массовых политических репрессий в СССР 1937-1938 гг: «*В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то* «*опознал*» *меня...*» [5, с. 407].

Анализ языкового материала, извлечённого из текста поэмы, позволяет сделать вывод о ядерно-периферийной организации анализируемого концепта.

Ядро концепта *духовная память* представлено следующими базовыми существительными-репрезентантами: *реквием*, *молитва*, *памятник*. Рассмотрим их семантику подробнее.

Известно, что *реквием* – католическая заупокойная месса. Это начальное слово

текста «*Requiem aeternam dona eis, Domine*», что в переводе с латинского означает «*Покой вечный даруй им, Господи*». В «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина отмечается, что *requiēm* – форма винительного падежа латинского существительного *requiēs*, имеющего значение «*покой, успокоение*» [6, с. 134].

У А. А. Ахматовой *реквием* – не просто поминовение умерших, это особая молитва о безвинных людях, чьи судьбы были сломаны страшными репрессиями: «*…И безвинная корчилась Русь / Под кровавыми сапогами / И под шинами чёрных марусь*» [5, с. 409].

Смысловой потенциал лексемы *реквием* таким образом напрямую соотносится с семантической структурой слова *молитва*. В анализируемом тексте актуализируются два значения данной единицы.

Молитва – поминовение всех убиенных тоталитарным режимом, это живая *духовная память* о людях, чей земной путь завершился. Чтобы она была бессмертной и вечной, в текст «Реквиема» включена метафора поэтического слова: «*Для них соткала я широкий покров / Из бедных, у них же подслушанных слов. / О них вспоминаю всегда и везде, / О них не забуду и в новой беде*» [5, с. 414]. Молитва за близких и далёких, за известных и безымянных является величайшим проявлением любви А. А. Ахматовой к своему страдающему народу: «*Хотелось бы всех поимённо назвать, / Да отняли список и негде узнать*» [5, с. 414].

Молитва – это прочная духовная связь с теми ленинградцами, кто стоял рядом с А. А. Ахматовой в тюремной очереди и разделил с нею участь двух страшных лет: «*И я молюсь не о себе одной, / А обо всех, кто там стоял со мною / И в лютый холод, и в июльский зной / Под красною, ослепшею стеною*» [5, с. 409].

Семантически близким лексеме *молитва* является слово *памятник*: «*А если когда-нибудь в этой стране / Воздвигнуть задумают памятник мне, / Согласье на это даю торжество…*» [5, с. 414]. Данная единица зафиксирована единожды и вместе с лексемой *молитва* употребляется лишь в «Эпилоге» поэмы, где акцентируется внимание не на *памяти* как таковой, а на её сакрально-духовной составляющей. *Памятник* актуализирует тему духовной связи живых и умерших. По мнению А. А. Ахматовой, он должен быть обязательно воздвигнут для того, чтобы передать последующим поколениям *духовную память* о страданиях жён и матерей, мужья и сыновья которых были умерщвлены кровавым режимом.

Памятник – это «материальный» символ духовной памяти, свидетельствующий о великом страдании измученного репрессиями невинного «*стомильонного народа*»: А. А. Ахматова просит поставить его напротив тюрьмы «Кресты» в Ленинграде: «*…Здесь, где стояла я триста часов / И где для меня не открыли засов…*» [5, с. 414]. Её личный памятник должен стать великим монументом миллионам жертв тоталитарного режима.

В ядро анализируемого концепта входят и непредикативные словосочетания «прилагательное + существительное»: (*поминальный час, погребальный день*). Ср. соответственно: «*Опять поминальный приблизился час. / Я вижу, я слышу, я чувствую вас: / И ту, что едва до окна довели, / И ту, что родимой не топчет земли…*» [5, с. 413-414]; «*Пусть также они поминают меня / В канун моего поминального дня...*» [5, с. 414].

Зону ближней периферии концепта *духовная память* формируют репрезентанты-существительные: *река, звезда, горы, распятие, вынос, смерть, горе, крест, Мать, палач*. Ср., например: «*Уводили тебя на рассвете, / За тобой, как на выносе, шла, / В тёмной горнице плакали дети, / У божницы свеча оплыла*» [5, с. 409]; «*Семнадцать месяцев кричу, / Зову тебя домой, / Кидалась в ноги палачу, / Ты сын и ужас*

мой...» [5, с. 413-414]; «*Как они опять глядят / Ястребиным жарким оком, / О твоём кресте высоком, / И о смерти говорят*» [5, с. 410].

На масштаб происходящей в стране трагедии указывают существительные с конкретным значением: *звезда, горы, река*: «*…Звёзды смерти стояли над нами*» [5, с. 414]; «*Перед этим горем гнутся горы, / Не течёт великая река*» [5, с. 414]. Данные фрагменты поэмы отсылают к тексту «Откровение апостола Иоанна Богослова (Апокалипсис)»: «*Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод*» (Откр. 8:10); «*И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих*» (Откр. 6:15) [7].

Апокалиптическим символом, несущим в «Реквиеме» большую смысловую нагрузку, является образ остановившей течение своих вод «*великой реки*». В поэме содержатся номинации таких рек, как Нева, Енисей, Дон. Ср. соответственно: «*И голубь тюремный пусть гулит вдали / И тихо идут по Неве корабли*» [5, с. 414]; «*Мне всё равно теперь. / Клубится Енисей, звезда Полярная сияет. / И синий блеск возлюбленных очей / Последний ужас застилает*» [5, с. 412]; «*Тихо льётся тихий Дон, / Жёлтый месяц входит в дом...*» [5, с. 409].

Однако за ними угадывается и библейский образ – Вавилонской реки, на берегу которой сидит и плачет некогда великий народ, пленённый из-за своего отступления от Бога и тоскующий по своему Отечеству. Семантическое пространство концепта *духовная память* расширяется за счёт соотнесения со смысловыми компонентами другого – важного для идиостиля А. А. Ахматовой – концепта *дом*. Л. А. Базылова в своём исследовании приходит к подобному выводу: «В художественной картине мира Ахматовой поле концепта Дом пересекается с полем концепта Память» [8, с. 207].

Потеря дома, разрыв духовных связей со своей многовековой традицией отсылает нас к тексту 136-го псалма из книги Ветхого Завета «Псалтирь» и актуализирует тему пленения богоизбранного народа: «*При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы*» (Пс. 136:1-2).

Знаками-символами личной трагедии А. А. Ахматовой («*Эта женщина больна, / Эта женщина одна. / Муж в могиле, сын в тюрьме, / Помолитесь обо мне*» [5, с. 409]) и национальной катастрофы («*Там тюремный тополь качается, / И ни звука – а сколько там неповинных жизней кончается*» [5, с. 410]) являются следующие образы:

– образ звезды: «*И прямо мне в глаза глядит / И скорой гибелью грозит / Огромная звезда*» [5, с. 409];

– образ солнца: «*Там встречались, мёртвых бездыханней, / Солнце ниже, и Нева туманней, / А надежда всё поёт вдали...*» [5, с. 408].

Библейский источник данных строк «Реквиема» связан с новозаветным текстом «От Матфея святое благовествование», где содержатся пророчества о последних днях мира: «*И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звёзды спадут с неба, и силы небесные поколеблются*» (Мф. 24:29).

Лексемы *распятие* и *Мать* также связаны с библейским текстом: они актуализируют тему безвинного страдания, великой жертвы Иисуса Христа за человеческий род. Об этом свидетельствует два фрагмента, включённых в главу «Распятие»: в первом предельно сконцентрировано страдание Сына («*Хор ангелов великий час восславил, / И небеса расплавились в огне. / Отцу сказал: «Почто меня оставил?»*»); во втором – горе Матери («*А туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел*») [5, с. 413].

Эпиграфом к 10-й главе являются слова «*Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи*»

[5, с. 412], взятые А. А. Ахматовой из первой части ирмоса 9-й песни «Канона на Великую Субботу»: «*Не рыдай обо Мне, Матерь, видя Меня во гробе – Сына, Которого Ты бессеменно зачала. Ибо я воскресну и прославлюсь и как Бог вознесу со славою тех, кто непрестанно с верой и любовью Тебя величает*» [9, с. 234].

Следующие за эпиграфом сцены «пересказывают» те события, о которых сообщает их непосредственный свидетель – апостол Иоанн Богослов, «*ученик любимый*» Христа [5, с. 413] – в евангельском тексте «От Иоанна святое благовествование»: «*При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с того времени ученик сей взял Её к себе*» (Ин. 19: 25-27).

Об особой роли «вплетения» новозаветного первоисточника в структуру «Реквиема» пишет Н. Л. Лейдерман: «Парафразируя библейские тексты, А. А. Ахматова выстраивает твёрдую аналогию между жизнью Богоматери и своей собственной, подчёркивая силу и глубину материнского переживания. Можно даже говорить о том, что в новой ахматовской трагедии смерть сына влечёт за собой кончину матери» [10, с. 18].

В «Реквиеме» актуализируются события двух величайших дней в истории мира. Страстная Пятница – последний день земной жизни Иисуса Христа, крестных страданий на Голгофе, Его снятия с креста и погребения тайными учениками – праведными Иосифом Аримафейским и Никодимом. Великая Суббота – время пребывания Христа во гробе. В этот день Он сходит во ад, чтобы сокрушить его врата и освободить томящиеся там души праведников. Субботствование – это особое духовное состояние покоя, печали, переходящей в радостное ожидание Воскресения.

Евангельский контекст, включённый А. А. Ахматовой в «Реквием», позволяет понять, что любое земное страдание конечно, что за унижением, клеветой, поруганием, оставленностью и физическим уничтожением человека ожидает торжество Победы над смертью, радость Воскресения и Богообщения.

Целенаправленное использование ветхозаветных параллелей, цитирование гимнографических православных текстов, парафразирование новозаветных сюжетов помогает автору структурировать смысловой объём концепта *духовная память*. Это является важнейшей особенностью идиостиля А. А. Ахматовой.

В зону дальней периферии анализируемого концепта входят следующие единицы:

– имена существительные (*страх, ужас, безумие, тюрьма, бред, мёртвые)*: «*И синий блеск возлюбленных очей / Последний ужас застилает*» [5, с. 412];

– имена прилагательные (*осатанелые, одичалая, тюремные, каторжные, смертный, смертельная*): «*Где теперь невольные подруги / Двух моих осатанелых лет? / Что им чудится в сибирской вьюге, / Что мерещится им в лунном круге? / Им я шлю прощальный мой привет*» [5, с. 408];

– глаголы (*идти, выть*)*:* «*На губах твоих холод иконки, / Смертный пот на челе... Не забыть! / Буду я, как стрелецкие жёнки, / Под кремлёвскими башнями выть!*» [5, с. 409].

Данные лексические единицы, взаимодействуя и переплетаясь друг с другом в художественной ткани «Реквиема», помогают А. А. Ахматовой передать атмосферу страны в период ежовщины: «*Но крепки тюремные затворы, / А за ними «каторжные норы»/ И смертельная тоска*» [5, с. 407]; «*Это было, когда улыбался / Только мёртвый, спокойствию рад, / И ненужным привеском болтался / возле тюрем своих Ленинград. / И когда, обезумев от муки, / Шли уже осуждённых полки, / И короткую*

песню разлуки / паровозные пели гудки...» [5, с. 409].

А. А. Ахматова, воссоздавая события тех страшных лет и снова переживая их, не отделяет себя от народа. Она вместе с теми, кто переживает смерть самых близких людей, утрату семьи, разрыв родственных и дружеских связей, разорение своего дома и потерю духовной родины: «*Нет, и не под чуждым небосводом / И не под защитой чуждых крыл, – / Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью был*» [5, с. 407].

Спустя годы А. А. Ахматова помнит тех, кто стоял рядом с ней в тюремной очереди в Ленинграде. В тексте «Реквиема» фиксируются детали их портретных характеристик, физических и эмоциональных состояний. Женщины у тюрьмы «Кресты» седеют от пережитых страданий («*Как локоны из пепельных и чёрных / Серебряными делаются вдруг*»); застывают от холода («*Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени...*»); цепенеют от ужаса доноса («*...очнулась от свойственного нам всем оцепенения...*»); испытывают страх перед новыми преследованиями и арестами («*…там все говорили шёпотом*»; «*Узнала я, как опадают лица, / Как из-под век выглядывает страх*»); находятся в состоянии предельного душевного кризиса («*И поняла я, что ему / Должна я уступить победу, / Прислушиваясь к своему / Уже как бы чужому бреду*»); становятся неспособными испытывать естественные эмоции («*Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было её лицом*»); воют от горя («*…И выла старуха, как раненый зверь*») [5, с. 407-414].

Заключение

Поэма «Реквием» является результатом многолетнего осмысления А. А. Ахматовой политических событий, происходивших в 1937-1938 гг. в Ленинграде. Пережитая трагическая действительность естественным образом нашла своё отражение в индивидуальной авторской языковой картине мира, одним из значимых компонентов которой, безусловно, является концепт *духовная память*. Его экспликация в знаковом тексте отечественной литературы XX в. связана с актуализацией важнейших смыслов: *духовная память* – важнейшая духовная потребность человека; то, что придаёт жизни подлинный смысл; многовековой религиозный опыт предков; великая национальная традиция; фундаментальная ценность человеческого бытия. *Духовную память* необходимо познавать, взращивать в себе, беречь и уметь передавать последующим поколениям.

Особенности лексической и текстовой репрезентации концепта *духовная память* в поэме А. А. Ахматовой «Реквием» свидетельствуют о том, что он многогранен и вступает во взаимодействие с другими концептами. Выявленные его дифференциальные признаки не только способствуют более глубокому изучению индивидуально-авторской концептосферы выдающегося мастера слова, но и служат источником обогащения смыслового объёма данного концепта в рамках национального самосознания.

Список литературы

1. Ананьев Д. Н. Концепт-образ ГУЛАГ в отражении средствами предикации (по текстам романа «Архипелаг ГУЛАГ» и публицистики А. И. Солженицына): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2026. 20 с.

2. Злобин А. А. Концепт ПУТЬ в языковой картине мира И. С. Шмелёва (на примере повести

References

1. Ananyev DN. The concept-image of the GULAG as reflected by means of predication (based on the texts of the novel “The Gulag Archipelago” and the journalism of A. I. Solzhenitsyn: Author's abstract of Ph.D. (Philology). Moscow, 2026:20. (In Russ)

2. Zlobin AA. The concept of the PATH in the linguistic picture of the world of I. S. Shmelev (using

«Богомолье») // Мир русского слова. 2020. № 3. С. 46-50. DOI: 10.24411/1811-1629-2020-13044

3. Карпенко С. М. Концепт «ПАМЯТЬ» в поэтической картине мира Н. С. Гумилёва и А. А. Ахматовой: сопоставительный аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 9(150). С. 47-53.

4. Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой: из книги «Конец первой половины XX века». М.: Художественная литература, 1989. 302 с.

5. Ахматова А. А. Поэма без героя. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 2011. 640 с.

6. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов: около 25000 слов и словосочетаний. М.: Русский язык, 1998. 846 с.

7. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви. 2016. 1376 с.

8. Базылова Л. А. Концепт Дом в индивидуально-авторской картине мира А. А. Ахматовой // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 6. С. 202-209.

9. Канон на Великую Субботу преподобного Космы Маиумского // Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках / пер. проф. Е. Ловягина. СПб: Синодальная типография, 1875. 242 с.

10. Лейдерман Н. Л. Бремя и величие скорби («Реквием» в контексте творческого пути Анны Ахматовой). Екатеринбург, 1996. 211 с.

the story “Pilgrimage” as an example). *Mir Russkogo Slova*. 2020(3):46-50. (In Russ). DOI: 10.24411/1811-1629-2020-13044

3. Karpenko SM. Concept "Memory" in the poetic worldview of N. S. Gumilyev and A. A. Akhmatova: comparative aspect. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin.* 2014(9(150):47-53. (In Russ)

4. Nayman AG. Stories about Anna Akhmatova: from the book “The End of the First Half of the 20th Century”. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1989:302. (In Russ)

5. Akhmatova AA. Poem without a Hero. Poems. Prose. Moscow, 2011:640. (In Russ)

6. Krysin LP. Explanatory dictionary of foreign words: about 25,000 words and phrases. Moscow: 1998:846. (In Russ)

7. The Bible. The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Moscow: Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church Publ., 2016:1376. (In Russ)

8. Bazylova LA. The concept of Home in A. A. Akhmatova's individual worldview. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta.* 2009(6):202-209. (In Russ)

9. Canon for Holy Saturday of St. Cosmas of Maiuma Liturgical Canons in Greek, Slavic and Russian. Transl. by prof. E. Lovyagin. St. Petersburg: Synodal Publ., 1875:242. (In Russ)

10. Leiderman NL. The Burden and greatness of sorrow (“Requiem” in the context of Anna Akhmatova's creative path). Ekaterinburg, 1996:211. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Злобин Андрей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет, Киров, Россия, zlobin_andrei@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Andrey A. Zlobin, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of the Russian Language, Culture of Speech and Teaching Methods, Vyatka State University, Kirov, Russia, zlobin_andrei@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.06.2026
Одобрена после рецензирования 16.06.2026
Принята к публикации 17.06.2026

The article was submitted 09.06.2026
Approved after reviewing 16.06.2026
Accepted for publication 17.06.2026

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 811.351.22
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-79-84
EDN: PXARRH

Лексические особенности именного словообразования в цураинском говоре даргинского языка

© 2026Ильясов М. В., Адилов А. Г.✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, magomedgadzhi.ilyasov22@list.ru, adilov.ashurali@bk.ru✉

РЕЗЮМЕ. Настоящая статья посвящена исследованию основных лексических и грамматических моделей именного словообразования в цураинском говоре в сопоставлении с литературным даргинским языком. **Цель.** Рассмотреть лексические аспекты именного словообразования цураинского говора. **Методы.** В работе использован метод синхронного сопоставления с литературным даргинским языком. Также в исследовании применяются синхронный и сравнительно-исторический методы. **Результаты.** В статье анализируются лексические характеристики цураинского говора. Исследование выявило, что цураинский говор демонстрирует близость к литературному даргинскому языку по наличию ключевых морфологических категорий и принципам образования существительных. Установлено, что словообразовательные модели в цураинском говоре и литературном даргинском языке в значительной степени совпадают. **Выводы.** Полученные в ходе исследования данные обладают высокой значимостью для развития даргиноведения. Они могут быть востребованы как в образовательном процессе (в школьном курсе родного языка), так и в фундаментальной науке. На их базе возможно совершенствование вузовских и школьных пособий по диалектологии, создание обобщающих трудов по сравнительно-исторической грамматике языков Дагестана, а также формирование словников и статей для диалектных и этимологических словарей.

Ключевые слова: даргинский язык, цураинский говор, диалектология, словообразование, именные части речи, лексика.

Формат цитирования: Ильясов М. В., Адилов А. Г. Лексические особенности именного словообразования в цураинском говоре даргинского языка // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 79-84. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-79-84. EDN: PXARRH

Lexical Features of Noun Formation in the Tsurain Dialect of the Dargin Language

© 2026Magomedgadzhi V. Ilyasov, Ashurali G. Adilov✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, magomedgadzhi.ilyasov22@list.ru, adilov.ashurali@bk.ru✉

ABSTRACT. The paper examines the main lexical and grammatical patterns of nominal word formation in the Tsurain dialect in comparison with the literary Dargin language. **Aim.** To examine the lexical aspects of nominal word formation in the Tsurain dialect. **Methods.** The research utilizes the method of synchronic comparison with the literary Dargin language. Synchronic and comparative-historical methods are also employed. **Results.** The paper analyzes the lexical characteristics of the Tsurain dialect. The research revealed that the Tsurain dialect demonstrates closeness to the literary Dargin language in the presence of key morphological categories and principles of noun formation. It has been established that the word-formation patterns in the Tsurain dialect and the literary Dargin language largely coincide. **Conclusions.** The data obtained during the research are highly significant for the development of Dargin studies. They can be used both in the educational process (in the school course of the native language) and in fundamental science. These resources could be used to improve university and school textbooks on dialectology, create comprehensive works on the comparative-historical grammar of the Dagestan languages and develop vocabularies and entries for dialect and etymological dictionaries.

Keywords: The Dargin language, Tsurain dialect, dialectology, word formation, nominal parts of speech, vocabulary.

For citation: Ilyasov MV, Adilov AG. Lexical Features of Noun Formation in the Tsurain Dialect of the Dargin Language. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):79-84. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-79-84. EDN: PXARRH

Введение

Изучение имени существительного в даргинском языке представляет собой одну из самых трудных задач для лингвистов. Как указывает З. Г. Абдуллаев, такая сложность напрямую связана с уникальностью его морфологической организации, как в плане словообразования, так и словоизменения. Неудивительно, что научные труды, в том числе работа [1, с. 77], уделяют пристальное внимание именно этим аспектам. Несмотря на это, многие проблемы, связанные с морфемной структурой существительного, типологией его строения и функциями отдельных морфем, остаются для даргиноведения открытыми и требуют дальнейшего исследования. Слабо освещённой выглядит ситуация с цураинским говором, сведения о котором по данной теме носят лишь отрывочный характер.

Актуальность исследования бесписьменных языков (говоры даргинского языка) обусловлена необходимостью фиксации языкового многообразия и выявления общих тенденций и специфических черт их грамматического строя. Цураинский говор, распространённый в одном из населённых пунктов Дагестана, обладает рядом фонетических, лексических и грамматических особенностей, отличающих его от литературного даргинского языка. Изучение механизмов образования новых слов в этом говоре позволяет проследить динамику языковых процессов и уточнить классификацию способов деривации в даргинистике. Цель данной работы заключается в выявлении и описании основных моделей словообразования имен существительных в цураинском говоре в сопоставлении с литературным языком, а также в анализе их семантической структуры. Научная новизна исследования состоит в системном анализе словообразовательного потенциала существительных конкретного говора с привлечением полевого материала и теоретических положений ведущих дагестановедов.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили лексические единицы цураинского говора, зафиксированные в ходе полевых наблюдений, а также данные литературного даргинского языка, представленные в трудах З. Г. Абдуллаева, С. Н. Абдуллаева, А. А. Сулейманова и М-С. М. Мусаева [1-

5]. Методологическую основу работы составляют описательный метод, позволяющий систематизировать языковые факты; метод сопоставительного анализа, используемый для выявления различий между говором и литературным языком; элементы компонентного и словообразовательного анализа, направленные на изучение структуры и семантики производных и сложных слов.

Результаты и их обсуждение

Имена существительные в цураинском говоре, как и в литературном даргинском языке, делятся на непроизводные и производные, причем последние образуются при помощи специальных суффиксов. Вопросы словообразования представляют собой одну из наиболее сложных и востребованных тем в грамматике, что справедливо и для даргинского языка. Как подчеркивает З. Г. Абдуллаев, система образования имен существительных привлекает пристальное внимание лингвистов из-за отсутствия унифицированных правил и широкого спектра словообразовательных средств. Всю совокупность этих средств исследователь предлагает делить на два типа: к первому относятся инструменты, лишенные собственной семантики и функций (суффиксация и аблаут), а ко второму – те, что обладают смысловой и функциональной самостоятельностью (например, словосложение) [1, с. 77].

Следовательно, в цураинском говоре функционируют следующие способы образования существительных: префиксальный, суффиксальный, смешанный (префиксально-суффиксальный), аблаут и композиты (словосложение).

Специфической чертой исследуемого говора является продуктивность способа сложения основ и целых слов. В литературном языке, согласно наблюдениям С. Н. Абдуллаева, словообразовательные процессы имеют свою специфику, особенно заметную в парадигмах склонения и формирования множественного числа. Исследователь указывает, что простые, и в особенности односложные существительные литературного языка изобилуют исключениями в области формообразования. Что касается сложных номинативов, созданных путем слияния двух основ, то их склонение подчиняется правилам изменения последнего компонента [2].

А. А. Сулейманов и другие специалисты по даргинскому языку классифицируют словообразовательную систему, выделяя три основных пути: морфологический, морфолого-синтаксический и лексико-семантический [3, с. 68]. Аналогично лексемам литературного стандарта, существительные цураинского говора также аккумулируют два типа значений, что служит основанием для их распределения по двум крупным категориям.

1. *Первая группа.* Объединяет наименования лиц, живых существ и неодушевленных предметов, например:

Цураинский говор	**Литературный язык**	**Перевод**
къвял	*къял*	«корова»
мулгул	*мурул*	«муж»
аба	*неш*	«мать»
квони	*кани*	«живот»
ликка	*лига*	«кость»
мацца	*маза*	«баран»
атта	*ада*	«отец»
квоцца	*газа*	«кобыла»
ккуртта	*гурда*	«лиса»
мусса	*муса*	«место»

2. *Вторая группа.* Анализ языкового материала показывает, что ко второй группе относятся абстрактные имена существительные, мотивированные качественными признаками. Сравнительный анализ цураинского говора и литературного языка выявляет регулярные фонетические и морфологические соответствия, где диалектному формату *-дихь* противостоит литературное окончание *-деш:*

Цураинский говор	Литературный язык	Перевод
ахъдихь	*ахъдеш*	«высота»
чIумадихь	*чIумадеш*	«твердость»
хьанцIдихь	*хьанцIдеш*	«голубизна»
гIаьсидихь	*гIаьсидеш*	«злость»
хъаьрхъдихь	*хъаьрхъдеш*	«быстрота»
гьалакдихь	*гьалакдеш*	«торопливость»
цIакьдихь	*цIакьдеш*	«сила»
мискиндихь	*мискиндеш*	«бедность»
къаршидихь	*къаршидеш*	«препятствие»

В цураинском говоре имена существительные со значением действия (к примеру, *дуц1* «бег», *бяхъ* «удар», *гьак1* «взмах») обладают рядом специфических языковых характеристик. Выполняя номинативную функцию, они пассивны по своей природе, однако в составе аналитических глагольных конструкций их словообразовательная активность возрастает. Включаясь в деривационные процессы и обрастая аффиксами, данные лексемы становятся продуктивным источником для пополнения словарного состава. Наибольшую активность они проявляют как глагольные компоненты, что ведет к существенному расширению глагольной лексики говора. Помимо этого, такие существительные задействованы в образовании композитов с метафорическим переносом значения. Иллюстрацией могут служить следующие метафорические глагольные комплексы, возникшие путем слияния именной основы с глагольной: *дях1лицци бяхъяра* «упрекнуть» (букв. «ударить в лицо»); *сер-рааккор* «бестолковый» (букв. «делом не занимающийся»); *разиваркьара* «осчастливиться» (букв. «радости создавать»).

Изучение формальных и смысловых преобразований в данных сложных единицах представляет несомненный научный интерес. Важно подчеркнуть, что все приведенные составные глаголы включают две самостоятельные лексемы: имя и глагол [4, с. 235]. Эти аспекты играют ключевую роль для комплексного описания морфологии даргинского языка в целом и его цураинского говора в частности, включая историко-сравнительный и типологический анализ. Первостепенная задача – точно установить, какой именно компонент в структуре сложного слова выступает носителем категориальной семантики.

Согласно позиции исследователей даргинского языка, категориальные свойства сложной единицы определяются ее крайним правым элементом. В рассматриваемых примерах это глагольная часть, которая сообщает всей конструкции глагольную категориальность. Таким образом, приведенные единицы правомерно классифицировать как сложные глаголы.

При изучении семантики имени необходимо учитывать, что степень отвлеченности его значения (действие, качество и т. п.) зачастую относительна. Эта особенность и характер абстракции раскрываются через синтагматические связи существительного. Возьмем сочетание бег коня: лексема бег номинирует действие, принадлежащее объекту, что внешне противоречит идее абстрагирования. Однако суть в том, что здесь «бег» мыслится как главенствующее понятие, а «коня» лишь его конкретизирует. Иначе говоря, не действие является атрибутом предмета, а предмет осмысляется как характеристика действия. Сходные закономерности наблюдаются и у существительных с признаковой семантикой (как в примере белизна снега), где абстрагированность признака сохраняется, несмотря на его привязку к носителю.

Имена существительные служат для репрезентации как конкретных реалий, так и отвлеченных категорий. Их категориальная сущность наиболее ярко выражена в форме именительного падежа. А. А. Сулейманов отмечает, что существительные выражают «понятие предмета и абстрактные непредметные понятия», по-

этому в лингвистике их значение трактуется либо как «предметность», либо как «субстанция». Оба подхода релевантны и для анализа цураинского говора. Существительное воспринимается не как единичный признак, а как носитель совокупности признаков, что позволяет определить его значение как «понятие субстанции» [3, с. 14].

Проиллюстрируем это примерами из цураинского диалекта: *даг1* (ветер), *бурям* (ураган), *дуц1* (бег), *бяхъ* (удар), *гьуя* (плачь), *ц1умъала* (стоны), *хъутурала* (возмущения) и другие.

В роли субстанции могут выступать и качества: *ахъри* (возможность), ц1акь (сила), *ччаккодихь* (красота), ц1ахдигь (уродство), *ахъдигь* (высота). Субстанция также способна выражать количественные отношения: *дахъдигь* (множество), *камдихь* (малость), *цакамти* (мало), *дахъил* (много).

В философском понимании «субстанция» противопоставлена «признаку» (качеству, действию, отношению). Это отчетливо видно на цураинских примерах. Признаки, передаваемые через качества: *ч1умал* (мягкий), *барг1ябил* (прохладный).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что словообразовательная система имени существительного в цураинском говоре, сохраняя общедаргинскую основу, демонстрирует ряд специфических черт. К ним относятся активное использование словосложения с унифицированной моделью склонения по второму компоненту и широкое употребление отглагольных существительных в качестве базы для образования метафорических глагольных композитов. Выявленные лексические соответствия (цураин. *аба* – лит. *неш* «мать»; цураин. *ккуртта* – лит. *гурда* «лиса») подтверждают фонетическую и лексическую самостоятельность говора. Семантический анализ существительных через призму категории субстанции позволяет глубже понять их грамматическую природу и синтаксические функции. Перспективы дальнейшего исследования видятся в детальном описании словообразовательных типов других частей речи в цураинском говоре и их сопоставлении с идиомами соседних регионов.

Список литературы

1. Абдуллаев З. Г. Даргинский язык. Т. 2: Морфология. М.: Наука, 1993. 472 с.

2. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954. 216 с.

3. Сулейманов А. А. Морфология даргинского языка. Махачкала, 2003. 284 с.

4. Мусаев М.-С. М., Алиев А. Ш., Бахмудов З. М. Даргинский язык. Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. 303 с.

5. Мусаев М.-С. М. Именное словоизменение даргинского языка (категория числа). Махачкала: Дагучпедгиз, 1980. 110 с.

References

1. Abdullaev ZG. The Dargin language. Vol. 2: Morphology. Moscow: Nauka, 1993:472. (In Russ)

2. Abdullaev SN. Grammar of the Dargin language (phonetics and morphology). Makhachkala, 1954:216. (In Russ)

3. Suleymanov AA. Morphology of the Dargin language. Makhachkala, 2003:284. (In Russ)

4. Musaev MM, Aliev ASh, Bakhmudov ZM. The Dargin language. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1992:303. (In Russ)

5. Musaev MM. Nominal inflection of the Dargin language (category of number). Makhachkala: Daguchpedgiz, 1980:110. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Принадлежность к организации

Ильясов Магомедгаджи Валигаджиевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков, факультет дагестанской филоло-

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Affiliations

Magomedgadzhi V. Ilyasov, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Dagestan Languages, Faculty of Dagestan Philology, Gamzatov

гии, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, magomedgadzhi.ilyasov22@list.ru

Адилов Ашурали Гаджибалаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков, факультет дагестанской филологии, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия. adilov.ashurali@bk.ru

Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, magomedgadzhi.ilyasov22@list.ru

Ashurali G. Adilov, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Dagestan Languages, Faculty of Dagestan Philology, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, adilov.ashurali@bk.ru

Критерии авторства

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to the paper.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026
Одобрена после рецензирования 24.03.2026
Принята к публикации 17.04.2026

The article was submitted 25.02.2026
Approved after reviewing 24.03.2026
Accepted for publication 17.04.2026

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 811.351.31
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-85-90
EDN: SKDDOD

Грамматические формы глагола в агульском языке

© 2026**Исрафилов Н. Р.**✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, nariman-israfilov123@yandex.ru✉

РЕЗЮМЕ. В глагольной системе агульского языка наблюдается значительное разнообразие форм, что позволяет выражать временные категории, модальные оттенки, залоговые значения и аспектуальные характеристики действия. **Цель.** Рассмотреть особенности грамматических форм глагола в агульском языке. **Методы.** В рамках настоящего исследования проведен всесторонний анализ грамматических форм глагола в агульском языке с применением диахронического и синхронического подходов. Диахронический анализ позволяет реконструировать эволюцию грамматических категорий глагола, выявляя исторические тенденции и трансформации, произошедшие на протяжении времени. В свою очередь, синхроническое исследование фокусируется на современном состоянии языка, обеспечивая детализированное описание его грамматических структур и функционирования в настоящее время. **Результаты.** В большинстве случаев обособленная форма слова, сформировавшаяся как новообразование и обретшая статус самостоятельного лексического элемента, сохраняет парадигматические характеристики, присущие ей до обособления. Следует также подчеркнуть, что обособление некоторых форм сопряжено с утратой их способности к морфологическим изменениям. Таким образом, процесс обособления представляет собой комплексный феномен, включающий как сохранение, так и утрату морфологических характеристик, что требует дальнейшего детального изучения в рамках лингвистической теории. **Выводы.** Важно подчеркнуть, что процесс обособления грамматической формы не всегда влечет за собой её трансформацию в другую часть речи. В ряде случаев изолированная форма слова формирует новое лексическое образование, которое сохраняет принадлежность к той же части речи, что и исходное слово. В агульском языке наблюдается ограниченное количество лексем, представляющих собой существительные, которые образованы от глаголов. Эти существительные обладают общей корневой основой с соответствующими глагольными формами, что позволяет установить их этимологическое родство.

Ключевые слова: глагол, агульский язык, грамматическая форма, часть речи, многозначность, обособление.

Формат цитирования: Исрафилов Н. Р. Грамматические формы глагола в агульском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 85-90. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-85-90. EDN: SKDDOD

Grammatical Forms of the Verb in the Agul Language

© 2026**Nariman R. Israfilov**✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, nariman-israfilov123@yandex.ru✉

ABSTRACT. The verb system of the Agul language has a significant variety of forms, which allows for the expression of temporal categories, modal nuances, voice meanings and aspectual characteristics of action. **Aim.** To consider the features of the grammatical forms of the verb in the Agul language. **Methods.** This research provides a comprehensive analysis of the grammatical forms of the verb in the Agul language, using both diachronic and synchronic approaches. The diachronic analysis allows for the reconstruction of the evolution of the verb grammatical categories, revealing historical trends and transformations that have occurred over time. In contrast, the synchronic analysis focuses on the current state of the language, providing a detailed description of its grammatical structures and functioning. **Results.** In most cases, a separate form of a word that has been formed as a new formation and has acquired the status of an independent lexical element retains the paradigmatic characteristics that were present before the separation. It should also be noted that the separation of certain forms is accompanied by the loss of their ability to undergo morphological changes. Therefore, the process of separation is a complex phenomenon that involves both the preservation and loss of morphological characteristics, which requires further detailed study within the framework of linguistic theory. **Conclusions**. It is important to emphasize that the process of isolating a grammatical form does not always result in its transformation into another part of speech. In some cases, an isolated form of a word forms a new lexical unit that retains its affiliation with the same part of speech as the original word. In the Agul language, there is a limited number of lexemes that are nouns derived from verbs. These nouns have a common root with the corresponding verb forms, which makes it possible to establish their etymological relationship.

Keywords: verb, the Agul language, grammatical form, part of speech, polysemy, isolation.

For citation: Israfilov NR. Grammatical Forms of the Verb in the Agul Language. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):85-90. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-85-90. EDN: SKDDOD

Введение

Агульский язык характеризуется наличием большого количества грамматических форм, что является одной из его ключевых особенностей. В именной системе это обусловлено наличием развитой падежной системы склонения, а в глагольной системе – многообразием форм, которые позволяют выразить действие в зависимости от времени, отношения говорящего и взаимосвязи различных действий в контексте или в рамках одного предложения.

Кроме того, агульский язык отличается вариативностью в оформлении грамматических форм. Например, эргативный падеж существительных может быть выражен несколькими различными аффиксами, выбор которых зависит от значения слова, его происхождения и фонетических характеристик, таких как количество слогов, корневые согласные, окончание слова и другие факторы [1].

В агульском языке, наряду с вышеуказанными характеристиками, отмечается высокая степень полисемии одной и той же грамматической формы, а также разнообразие синтаксических функций, выполняемых одной и той же грамматической категорией, например падежной или глагольной формами.

Эти особенности создают условия для автономного использования одной из грамматических форм слова при сохранении другими формами их исходного значения и употребления.

Материал и методы исследования

В рамках настоящего исследования проведен всесторонний анализ грамматических форм глагола в агульском языке, который осуществляется с применением как диахронического, так и синхронического подходов. Диахронический анализ позволяет реконструировать эволюцию грамматических категорий глагола, выявляя исторические тенденции и трансфор-

мации, произошедшие на протяжении времени. В свою очередь, синхроническое исследование фокусируется на современном состоянии языка, обеспечивая детализированное описание его грамматических структур и функционирования в настоящее время.

Результаты и их обсуждение

Самостоятельное использование грамматической формы слова чаще всего наблюдается в случаях лексико-грамматической омонимии, когда одно и то же слово одновременно обладает признаками и функциями, характерными для двух или более частей речи, таких как глагол и существительное, существительное и наречие и т. д.

К данной категории имен существительных относятся, в частности, формы родительного падежа, обладающие признаками имен прилагательных; формы ряда местных падежей и дательного падежа, приобретающие семантические и функциональные характеристики наречий; в системе глагольных форм таковыми являются масдар и причастие, обладающие рядом признаков имен существительных и прилагательных, а также многие другие [2].

Однако следует отметить, что обособление грамматической формы не всегда приводит к переходу данной формы в другую часть речи. В ряде случаев обособленная форма слова формирует новое слово, относящееся к той же части речи, что и исходное слово.

В процессе изоляции и перехода одной из грамматических форм слова в самостоятельное лексическое образование, помимо семантического аспекта, важную роль играет приобретение данной формой новых парадигматических связей, которые не характерны для нее в других значениях. В частности, масдарная форма некоторых глаголов начинает склоняться двояко: по типу, свойственному масдару всех глаголов, и по типу имен существительных. Это приводит к обособлению данной формы и ее переходу в разряд имен существительных.

Рассмотрим, например, глагол *аруцас* в агульском языке, который имеет три основных значения: «ходить, расхаживать», «искать, разыскивать» и «делать поворот, изгиб (о реке, пути)». Во всех трех значениях данный глагол спрягается одинаково, без вариаций в зависимости от конкретного значения. Однако форма масдара, которая, как известно, склоняется в агульском языке, обнаруживает грамматические различия в зависимости от того, какое из отмеченных значений она выражает.

В первых двух значениях, а именно «передвигаться пешком» и «осуществлять поиск», форма масдара принимает стандартные для всех глаголов падежные аффиксы, такие как *-и, -ин, -ис*, -а и другие. Однако в третьем значении, которое можно интерпретировать как «осуществлять поворот или изгиб», форма масдара демонстрирует двойственное склонение: во-первых, она сохраняет стандартные глагольные окончания, как и в других семантических вариантах данного глагола. Во-вторых, в рамках категории многосложных существительных, оканчивающихся на согласный звук, в эргативе используется окончание *-ди*. Это явление можно разделить на две группы: а) *аруцун-и, аруцун-и-н, аруцун-и-с, аруцун-а* и т. д.; б) *аруцун-ди, аруцун-ди-н, аруцун-ди-с, аруцун-да* и т. д. Данное варьирование обусловлено семантическим развитием формы масдара указанного глагола в третьем значении. В результате метафорического переноса значения процесса или действия («делать поворот, изгиб») на место, где протекает это действие, форма приобрела новое значение – «поворот, изгиб (реки, дороги и т. д.)». В этом новом значении масдар, который уже обладал высокой степенью сходства с существительным в плане морфологических характеристик, приобрел дополнительную способность прини-

мать окончания, характерные для существительных, наряду с формантами, свойственными глаголам. В дальнейшем многозначная форма глагола, имеющая парадигматические вариации в зависимости от конкретного значения, послужила основой для полного лексического обособления одного из этих значений с соответствующей парадигмой изменения [3].

Процесс приобретения новых свойств сопровождается также обособлением формы родительного падежа и некоторыми другими случаями.

Однако в большинстве случаев обособленная форма слова, то есть новообразование, ставшее самостоятельным словом, сохраняет парадигматические свойства, которые были характерны ему до обособления. Например, все слова, являющиеся обособленными формами множественного числа других слов, склоняются так же, как и формы множественного числа всех других, не обособленных слов.

Следует также отметить, что обособление некоторых форм связано с утратой ими способности к изменению. Это касается наречий, образованных от форм падежей, и некоторых других слов.

Особенности новообразований, возникающих на основе обособления грамматических форм, обусловлены природой новообразований, возникающих в результате изоляции данной формы. В частности, речь идет о том, является ли новообразованное слово изменяемым или неизменяемым, и если изменяемым, то к какой части речи оно относится [4].

Обособление грамматических форм слова представляет собой распространенный метод пополнения лексического состава агульского языка. Однако наиболее продуктивными способами образования новых слов является обособление следующих грамматических форм, которые будут рассмотрены отдельно:

а) форма множественного числа;

б) форма масдара (именная форма глагола);

в) форма родительного падежа;

г) формы местных и направительных падежей;

д) различные формы причастий и имен прилагательных.

Особенности именной формы глагола в агульском языке

В агульском языке существует глагольная форма, которая, выражая процессуальность действия, одновременно обладает характеристиками, присущими имени существительному, а именно категориями падежа и числа. Эта форма объединяет семантические функции инфинитива и соответствующего отглагольного существительного в русском языке.

Примером такой глагольной формы может служить слово *хурас*, которое имеет следующие значения:

1. Чтение (в процессе действия);
2. Учение (как процесс);
3. Чтение (как результат действия);
4. Учение (как результат).

Однако в агульском языке разграничение этих значений менее выражено по сравнению с русским языком. Все указанные значения воспринимаются как близкие синонимические конструкции. Этому способствует тот факт, что данная глагольная форма изменяется по числам и падежам, не проявляя при этом морфологических различий, обусловленных семантикой.

Таким образом, именная форма глагола в агульском языке представляет собой уникальную морфосинтаксическую категорию, объединяющую признаки глагола и существительного, что делает её важным элементом грамматической системы данного языка.

В ряде случаев рассматриваемая глагольная форма используется не только для обозначения действия как процесса (например, чтение, учение), но и для указания на результат этого действия или конкретные предметы и явления, связан-

ные с данным действием в реальной действительности. В дальнейшем, вследствие ряда факторов, семантические связи между глаголами и предметами или явлениями, на которые перешло значение данного действия, на основе определенных ассоциаций, ослабевают настолько, что в речевой практике говорящие используют эти слова в каждом из указанных значений как самостоятельные языковые единицы. Таким образом, происходит лексическое обособление именной формы глагола в одном из ее значений [4].

В агульском языке существует ограниченное количество лексем, которые представляют собой существительные, образованные от глаголов. Эти существительные характеризуются наличием общей корневой основы с соответствующими глаголами, что позволяет установить их этимологическую связь.

К таким лексемам относятся:

1. *Ифул* – «высокая температура, жар», коррелирует с глаголом *ифул* – «становиться тёплым, нагреваться»;

2. *АтIун* – «граница, межа», коррелирует с глаголом *атIун* – «разделять, отделять, разрезать»;

3. *Гьударкуб* – «изгиб, поворот», коррелирует с глаголом *гьударкуб* – «изгибаться, поворачивать (о реке, дороге)»;

4. *Агъуркьун* – «успех, достижение, награда за труд», коррелирует с глаголом *агъуркьун* – «достигать определённого результата, приходить к чему-либо»;

5. *IутIуб* – «обед, официальный приём пищи», «стол», коррелирует с глаголом *IутIуб* – «принимать пищу»;

6. *Кьешун* – «влага, что-то не высохшее», коррелирует с глаголом *кьешун* – «становиться мокрым, промокнуть» [5].

Изолированные формы причастий в агульском языке

В агульском языке существуют изолированные формы причастий, которые являются самостоятельными лексическими единицами. В результате процесса изоляции причастий формируются существительные и прилагательные, а также в редких случаях – служебные части речи.

Примеры таких образований включают:

мик1 («холод; прохладный ветерок»), соотносимое с причастием прошедшего времени *мик1или* от глагола *мик1ил* («остывать; понижение температуры (о погоде; о человеке)»);

ярх1ун («крутой обрыв, образовавшийся в результате оползня»), соотносимое с причастием прошедшего времени *ярх1уни* от глагола *ярх1ун* («разбиваться; отломаться»);

кIамай («тупой»), соотносимое с причастием прошедшего времени *кIамайи* от глагола *кIамхьун* («не доставать»);

амихьай («пережиток; остаток»), соотносимое с причастием прошедшего времени *амикьай* от глагола *амихьун* («оставаться; сохраняться»).

Характерной особенностью данных новообразований является то, что они принимают аффиксы, свойственные именам существительным, вместо тех, которые характерны для причастий. Например:

к□ама-яр («глупцы») вместо ожидаемой формы *кIамхьу-т-ар* («недостающие (материалы и т. п.)»);

амихьут-ар («пережитки») вместо ожидаемой формы *амихьу-бар* («оставшиеся, остальные (материалы и т. п.)»),

Кроме того, в агульском языке присутствуют и другие подобные лексемы, которые также подверглись процессу изоляции.

Заключение

Следует отметить, что обособление грамматической формы не всегда приводит к её переходу в другую часть речи. В некоторых случаях обособленная форма слова формирует новое слово, относящееся к той же части речи, что и исходное.

В процессе изоляции и перехода одной из грамматических форм слова в самостоятельное лексическое образование важную роль играет приобретение этой формой новых парадигматических связей, которые

не характерны для неё в других значениях. Например, масдарная форма некоторых глаголов может склоняться двояко: по типу, свойственному масдару всех глаголов, и по типу имен существительных. Это приводит к обособлению данной формы и её переходу в разряд имен существительных.

Список литературы

1. Исрафилов Н.Р. Система местных падежей в фитинском говоре агульского языка // Вопросы филологии. 2006. № 5. С. 350-353.
2. Тарланов З. К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 1994. 287 с.
3. Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала: ДНЦ РАН, 1993. 210 с.
4. Гайдаров Р. И. Лексика лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1966. 263 с.
5. Исрафилов Н. Р. Собственно агульская лексика и фразеологизмы в речевой деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2(57). С. 374-376. EDN: VVNZTP

References

1. Israfilov NR. The System of locative cases in the Fitin Dialect of the Agul Language. *Voprosy Filologii*. 2006(5):350-353. (In Russ)
2. Tarlanov ZK. Aguls: their language and history. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 1994:287. (In Russ)
3. Suleimanov ND. A comparative historical study of the Agul dialects. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1993:210. (In Russ)
4. Gaidarov RI. Vocabulary of the Lezgin language. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1966:263. (In Russ)
5. Israfilov NR. Proper Agul vocabulary and phraseological units in speech activity. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*. 2016(2(57):374-376. (In Russ). EDN: VVNZTP

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Исрафилов Нариман Рамазанович, кандидат филологических наук, доцент кафедры дагестанских языков, факультет дагестанской филологии. Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, nariman-israfilov123@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Nariman R. Israfilov, **Ph.D. (Philology),** Associate Professor, Department of Dagestan Languages, Faculty of Dagestan Philology, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, nariman-israfilov123@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.03.2026
Одобрена после рецензирования 01.04.2026
Принята к публикации 17.06.2026

The article was submitted 17.03.2026
Approved after reviewing 01.04.2026
Accepted for publication 17.06.2026

Языкознание / Linguistics
Оригинальная статья / Original Article
УДК: 81-23
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-91-99
EDN: TVVDUE

BE и метаглагол: эмпирическая верификация грамматической модели речевого акта

© 2026**Сахневич С. В.**✉
Институт деловой карьеры
Москва, Россия, crash68@yandex.ru

РЕЗЮМЕ. Цель – эмпирическая проверка гипотезы о корреляции между трехуровневой моделью речевого акта Дж. Остина (локутив – иллокутив – перлокутив) и дихотомией английской глагольной системы (противопоставление глагола BE и метаглаголов). **Методы** – концептуальный и корпусный анализ, экспертная классификация, квантитативная обработка (критерий χ^2, коэффициент Крамера V). **Результаты.** На материале 300 примеров из 21 романа Г. Роббинса показано, что локутивные акты в 76 % случаев выражаются BE-конструкциями без модальной нагрузки; иллокутивная сила в 64 % кодируется метаглаголами речевого действия, в 36 % – модальными компонентами BE; перлокутивный эффект не имеет прямой формы, но конструкции *must be* (убеждение) и *should have been* (упрек) коррелируют с ним (V = 0,51). **Выводы.** Дихотомия BE/метаглагол является статистически значимым, но не абсолютным коррелятом остиновских категорий; модель предлагает инструмент анализа связи грамматики и речевых актов.

Ключевые слова: грамматическая модель, иллокутивная сила, метаглагол, Дж. Остин, связка BE, теория речевых актов, корпусный анализ, дихотомия, перлокутивный эффект, Г. Роббинс.

Формат цитирования: Сахневич С. В. BE и метаглагол: эмпирическая верификация грамматической модели речевого акта // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 1-2. С. 91-99. DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-91-99. EDN: TVVDUE

BE and Meta-verb: an Empirical Verification of the Grammatical Model of the Speech Act

© 2026**Sergey V. Sakhnevich**✉
Institute of Business Career
Moscow, Russia, crash68@yandex.ru

ABSTRACT. Aim – empirical testing of the hypothesis of correlation between J. L. Austin's three-level speech act model (locution – illocution – perlocution) and the dichotomy of the English verb system (opposition of the verb BE and meta-verbs). **Methods** – conceptual and corpus analysis, expert classification, quantitative processing (χ^2 test, Cramer's V). **Results.** Based on 300 examples from 21 novels by H. Robbins, it is shown that locutionary acts in 76 % of cases are expressed by BE constructions without

modal load; illocutionary force is encoded in 64 % by meta-verbs of speech action and in 36 % by modal components of BE; the perlocutionary effect has no direct form, but the constructions *must be* (persuasion) and *should have been* (reproach) correlate with it (V = 0.51). **Conclusions.** The BE/meta-verb dichotomy is a statistically significant but not absolute correlate of Austin's categories; the model offers a tool for analyzing the connection between grammar and speech acts.

Keywords: grammatical model, illocutionary force, meta-verb, J. Austin, copula BE, theory of speech acts, corpus analysis, dichotomy, perlocutionary effect, Harold Robbins.

For citation: Sakhnevich SV. BE and Meta-verb: an Empirical Verification of the Grammatical Model of the Speech Act. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences.* 2026;20(1-2):91-99. (In Russ). DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-91-99. EDN: TVVDUE

Введение

Теория речевых актов, предложенная Джоном Лэнгшо Остином в его гарвардских лекциях, изданных под названием «Как производить действия при помощи слов» (How to Do Things with Words, 1962), совершила фундаментальный поворот в философии языка и лингвистической прагматике. Дж. Остин показал, что произнесение высказывания не ограничивается описанием некоторого положения дел (локутивный акт), но одновременно представляет собой совершение действия (иллокутивный акт) и, как правило, оказывает воздействие на адресата (перлокутивный акт) [1, с. 94-108]. Эта трехуровневая модель стала классической.

Однако сам Остин оставил открытым вопрос о том, каким образом язык кодирует эти уровни. Его классификация иллокутивных глаголов (вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы, экспозитивы) [1, с. 150-163] была построена на интуитивных семантических критериях и подверглась критике, в частности со стороны Дж. Сёрля, который предложил более систематическую, но всё ещё семантическую классификацию [2, с. 170-194]. В пост-остиновской философии языка появились и более радикальные подходы: А. Беррандоннер предложил отказаться от понятия иллокуции [3, с. 15-48], Ж. Деррида подверг деконструкции оппозицию «серьёзного» и «паразитического» употребления языка [4, с. 321-358].

В отечественной лингвистике теория речевых актов получила развитие в работах Н. Д. Арутюновой [5, с. 341], Е. В. Падучевой [6, с. 78-92], Ю. Д. Апресяна [7, с. 112-125], И. М. Кобозевой [8, с. 203-215] и других. Однако, как отмечает В. З. Демьянков [9, с. 28-42], большинство исследований сосредоточены на лексической семантике перформативных глаголов, а не на грамматической онтологии. Фундаментальные обобщения в области прагматики [10, с. 226-278] также не предложили грамматической операционализации теории речевых актов.

Настоящая статья предлагает эмпирическую проверку гипотезы, согласно которой английская глагольная система обнаруживает дихотомию, позволяющую соотнести грамматические формы с типами речевых актов: противопоставление глагола BE (связки, фиксирующей бытие, состояние, положение дел) и метаглаголов (всех остальных глаголов, обозначающих действие). В отличие от предшествующих теоретических работ [11, с. 45-52], в данном исследовании гипотеза проверяется на конкретном корпусе аутентичных текстов – романах американского писателя Гарольда Роббинса.

Выбор материала обусловлен тремя причинами. Во-первых, проза Г. Роббинса насыщена диалогами и внутренними монологами, что даёт богатый материал для анализа речевых актов. Во-вторых, его тексты охватывают широкий спектр ил-

локутивных сил (обещания, приказы, угрозы, советы, предупреждения). В-третьих, романы Г. Роббинса представляют собой массовую литературу, где язык максимально приближен к естественной разговорной речи, что позволяет избежать искажений, связанных с поэтической или научной стилистикой.

Цель работы – на материале 300 аутентичных примеров из романов Г. Роббинса проверить, подчиняется ли распределение грамматических форм (BE vs. метаглаголы, а также модальные и перфектные варианты) по типам речевых актов статистически значимым закономерностям.

Материал и методы исследования

Материал. Корпус исследования составили 300 аутентичных английских высказываний, извлечённых из 21 романа Г. Роббинса, опубликованных в период с 1948 по 2003 г. В число анализируемых произведений вошли: «Never Love a Stranger» (1948), «The Dream Merchants» (1949), «A Stone for Danny Fisher» (1952), «Never Leave Me» (1953), «79 Park Avenue» (1955), «The Carpetbaggers» (1961), «Where Love Has Gone» (1962), «The Adventurers» (1966), «The Betsy» (1971), «The Lonely Lady» (1976), «Dreams Die First» (1977), «Memories of Another Day» (1979), «Goodbye, Janette» (1981), «Spellbinder» (1982), «The Storyteller» (1982), «Descent from Xanadu» (1984), «The Piranhas» (1986), «The Stallion» (1996), «The Predators» (1998), «Never Enough» (2001), «Heat of Passion» (2003). Общий объём проанализированного текстового массива составил около 8 миллионов слов.

Отбор высказываний осуществлялся методом целенаправленной выборки с обеспечением репрезентативности по трём категориям: 100 высказываний с простыми формами BE (am/are/is/was/were), 100 – с модальными BE-конструкциями (must be, should be, may be, might be, could be, would be, will be, shall be), 100 – с метаглаголами (из них 50 перформативных: promise, order, suggest, advise, apologize и др., и 50 неперформативных: go, make, see, eat и др.). Каждое высказывание сопровождалось микроконтекстом (не менее одного предложения до и после) для адекватной интерпретации речевого акта.

Примечание о нумерации страниц: примеры из романов Г. Роббинса приводятся по электронным корпусам (BNC, COCA) и текстовым файлам, полученным из открытых источников, которые не содержат пагинации. Номера страниц в ссылках на художественные тексты не указываются, что соответствует стандартной практике корпусных исследований [12, с. 48; 13, с. 100]. Для теоретических источников номера страниц проставлены по печатным изданиям.

Методы. В исследовании использовались следующие методы:

1. Концептуальный анализ – уточнение ключевых понятий (локутив, иллокутив, перлокутив, BE, метаглагол) на основе работ Дж. Остина и последующих исследователей. Под концептуальным анализом в данной работе понимается процедура выявления существенных признаков понятий, их логических связей и различий, проводимая на основе философских и лингвистических текстов.

2. Корпусный анализ – извлечение примеров из электронных корпусов (BNC, COCA) и текстовых файлов романов с помощью поисковых запросов (например, «must be», «should have been», «I promise») и последующая ручная фильтрация релевантных контекстов. Под корпусным анализом понимается систематическое исследование языковых единиц на основе массивов аутентичных текстов с применением квантитативных методов.

3. Экспертная классификация – отнесение каждого высказывания к одному из трёх типов речевого акта (локутив, иллокутив, перлокутив) тремя независимыми экспертами (автор и два приглашённых лингвиста, кандидаты филологических

наук). Расхождения решались консенсусом. Классификация проводилась на основе контекстуальных критериев, описанных в [2, с. 170-194] и [6, с. 78-92].

4. Квантитативный анализ – подсчёт частотности грамматических форм в каждой категории речевых актов, расчёт процентных соотношений, проверка статистической значимости различий с помощью критерия χI (хи-квадрат) и коэффициента Крамера V:

Расчёт статистических показателей. Для проверки гипотезы о независимости грамматической формы и типа речевого акта строилась таблица сопряжённости 2×3 (для локутив/иллокутив/перлокутив × две группы форм). Ожидаемые частоты вычислялись по стандартной формуле: (итог строки × итог столбца) / общий итог. Критерий χI (хи-квадрат) рассчитывался как сумма по всем ячейкам (наблюдаемая частота − ожидаемая частота) I / ожидаемая частота. Степени свободы для таблицы 2×3 составляют (2–1) × (3–1) = 2. Полученное значение χI = 24,3 (для сравнения BE без модальности vs. все остальные формы по доле локутивных актов) значительно превышает критическое значение 9,21 для α = 0,01 (при df = 2), поэтому нулевая гипотеза об отсутствии связи отвергается; p < 0,01 означает, что вероятность случайного возникновения такого распределения менее 1 %. Аналогично для сравнения доли иллокутивных актов в модальных BE-конструкциях и перформативных метаглаголах получено χI = 15,7 (df = 2, критическое значение 9,21), что также подтверждает статистическую значимость связи. Коэффициент Крамера V, вычисленный как корень квадратный из (χI / (n × min(r−1, c−1))), для перлокутивного эффекта составил 0,51, что интерпретируется как умеренная сила связи (по шкале, где 0,1 – слабая, 0,3 – средняя, 0,5 – умеренно сильная, >0,7 – сильная связь). Все расчёты выполнены с использованием пакета статистической обработки *jamovi* (версия 2.3) с автоматической проверкой на допустимость применения критерия (ни одна ожидаемая частота не была меньше 5).

Инструменты. Для автоматической разметки частей речи использовался инструмент CLAWS5 (Lancaster University), для частотного анализа – программа AntConc (версия 3.5.9). Применение этих инструментов обусловлено необходимостью объективной и воспроизводимой обработки большого объёма текстового материала. Финальная верификация и интерпретация выполнены вручную автором.

Результаты и их обсуждение

1. Грамматическая модель: дихотомия BE и метаглагола

В основании предлагаемой модели лежит различение двух категорий английского глагола. Это различение не является «жёстким» или абсолютным, но предлагается как рабочий инструмент для эмпирического анализа.

1.1. Категория BE

Глагол BE (связка) выполняет функцию соединения субъекта и предикатива, конституируя положение дел, состояние, идентичность или принадлежность к классу. BE не обозначает действия в узком смысле; он фиксирует бытие. В категорию BE входят все формы глагола *be*: презентные (am, are, is), претеритальные (was, were), будущие с will/shall (will be, shall be), модальные сочетания (can be, must be, should be, would be, could be, may be, might be, ought to be), перфектные (have been, has been, had been), а также их комбинации (will have been, should have been, could have been и т.д.) [14, с. 117-119].

Предикатив при BE может быть выражен существительным, прилагательным, герундием, инфинитивом, местоимением, числительным, причастием, наречием, предложной фразой или придаточным предложением. Это разнообразие позво-

ляет BE фиксировать сколь угодно сложные положения дел.

1.2. Категория метаглагола

Метаглагол – любой глагол, не являющийся BE (go, make, see, promise, order и т. д.). Метаглаголы обозначают действие, воздействие на дополнение, на мир, на другой субъект. Если BE конституирует статику, то метаглаголы – динамику. Важно подчеркнуть, что данное различение не является абсолютным: существуют переходные случаи (например, глаголы восприятия), которые могут быть интерпретированы двояко. Однако для целей эмпирического анализа предложенная дихотомия оказывается операциональной.

2. Эмпирическая верификация модели на материале романов Г. Роббинса

2.1. Локутивный акт: BE и констатация положения дел

Локутивный акт по Дж. Остину есть произнесение фразы с определённым смыслом и референцией [1, с. 94-98]. В проанализированном корпусе наиболее чистое выражение локутивного акта обнаруживается в BE-конструкциях, лишённых модальной нагрузки.

Пример 1 (локутив, BE без модальности): «He is a tough man to deal with» (H. Robbins, «The Carpetbaggers»). Здесь BE (is) выполняет исключительно фиксирующую функцию, констатируя свойство субъекта. Никакой иллокутивной силы (обещания, приказа, совета) данное высказывание не несёт.

Пример 2 (локутив, BE без модальности): «It was a dark night» (H. Robbins, «Never Love a Stranger»). Простая констатация погодных условий.

Из 100 проанализированных BE-конструкций без модальной нагрузки 76 были классифицированы как локутивные акты (76 %). Остальные 24 % распределились между иллокутивными (16 %) и перлокутивными (8 %) актами в зависимости от контекста. Это подтверждает, что BE-конструкции без модальности являются сильным, но не абсолютным предиктором локутивного акта ($\chi I = 24{,}3$, $p < 0{,}01$).

2.2. Иллокутивный акт: два способа кодирования

Иллокутивная сила, то есть действие, совершаемое посредством произнесения, реализуется в языке двумя основными способами, оба из которых представлены в текстах Г. Роббинса.

Первый способ – через метаглаголы, лексическое значение которых само является речевым действием (promise, order, warn, suggest, advise, apologize). Употребляя такой метаглагол в первом лице единственного числа настоящего времени, говорящий не описывает действие, а совершает его.

Пример 3 (иллокутив, метаглагол promise): «I promise you, I'll find out who did this» (H. Robbins, «The Betsy»). Перформативное употребление глагола promise создаёт иллокутивный акт обещания.

Пример 4 (иллокутив, метаглагол order): «Get out of here, that's an order» (H. Robbins, «The Lonely Lady»). Метаглагол order в сочетании с императивной конструкцией реализует иллокутивный акт приказа.

Из 50 проанализированных перформативных метаглаголов 48 (96 %) были классифицированы как иллокутивные акты. Это показывает, что данная грамматическая форма является наиболее надёжным коррелятом иллокутивной силы.

Второй способ – через модальные компоненты, присоединяемые к BE. Формы, содержащие модальные глаголы (must be, should be, will be, can be, may be, might be, ought to be), добавляют к фиксируемому положению дел оценку, долженствование, предположение, разрешение.

Пример 5 (иллокутив, модальный BE): «You should be more careful, Jonas» (H. Robbins, «The Adventurers»). Конструкция should be реализует иллокутивный акт совета.

Пример 6 (иллокутив, модальный BE) «You must be at the warehouse by noon to-

morrow» (H. Robbins, «The Predators»). Конструкция must be выражает иллокутивный акт приказа или настоятельного требования.

Пример 7 (иллокутив, модальный BE): «You may be seated now» (H. Robbins, «79 Park Avenue»). Конструкция may be реализует иллокутивный акт разрешения.

Из 100 проанализированных модальных BE-конструкций 59 (59 %) были классифицированы как иллокутивные акты, 25 % – как локутивные (в контекстах, где модальность выражает не действие, а эпистемическую оценку), и 16 % – как перлокутивные. Доля иллокутивов среди модальных BE ниже, чем среди перформативных метаглаголов, но всё же статистически значима ($\chi I = 15,7$, $p < 0,01$).

Общее распределение иллокутивных актов по способам кодирования: 64 % – метаглаголы речевого действия, 36 % – модальные компоненты BE.

2.3. Перлокутивный акт: грамматически заданные инструкции

Перлокутивный акт, то есть воздействие на чувства, мысли или действия слушающего, не имеет прямой грамматической формы. Однако анализ показывает, что определённые грамматические конструкции систематически коррелируют с типичными перлокутивными эффектами.

Пример 8 (перлокутивный эффект убеждения): «You must be joking!» (H. Robbins, «The Carpetbaggers»). Формально это предложение является BE-конструкцией с модальным must be, выражающей предположение. Однако в данном контексте (восклицательная интонация, ситуация недоверия) оно производит перлокутивный эффект настойчивого убеждения адресата в абсурдности его слов.

Пример 9 (перлокутивный эффект упрёка): «It should have been done yesterday» (H. Robbins, «The Stallion»). Конструкция should have been, фиксирующая нарушенную норму в прошлом, систематически производит эффект упрёка или сожаления, будучи нацеленной на изменение отношения адресата к совершённому действию.

Пример 10 (перлокутивный эффект программирования): «You shall be rewarded for this» (H. Robbins, «Descent from Xanadu»). Конструкция shall be с подлежащим you производит эффект внушения или программирования поведения, обещая награду и тем самым побуждая адресата к определённым действиям.

Из 40 высказываний, классифицированных как перлокутивные (13,3 % выборки), 28 (70 %) содержали модальные BE-конструкции (must be, should have been, shall be), 8 (20 %) – метаглаголы в перформативном употреблении (I promise, I warn), и 4 (10 %) – простые BE без модальности в особых контекстах. Коэффициент Крамера V для корреляции между грамматической формой и перлокутивным эффектом составил 0,51, что указывает на умеренную, но статистически значимую связь.

3. Систематизация закономерностей и обсуждение

Обобщение проанализированного материала позволяет выделить следующие закономерности распределения грамматических форм по типам речевых актов в романах Г. Роббинса:

1. Локутивные акты (120 высказываний, 40 % выборки) реализуются преимущественно BE-конструкциями без модальной нагрузки (76 % всех локутивов). Остальные 24 % локутивов приходятся на метаглагольные конструкции в описательной функции (например, «He ran to the door» – описание действия без иллокутивной силы).

2. Иллокутивные акты (140 высказываний, 46,7 % выборки) реализуются двумя классами форм: (а) метаглаголами речевого действия в перформативном употреблении (64 % всех иллокутивов); (б) BE-конструкциями с модальными компонентами (36 % всех иллокутивов). Внутри по-

следней группы наиболее частотны конструкции с must be (приказ, долженствование), should be (совет, рекомендация), may be (разрешение), will be (обещание в определённом контексте).

3. Перлокутивные эффекты (40 высказываний, 13,3 % выборки) систематически возникают при употреблении определённых грамматических форм: must be с восклицательной интонацией (убеждение), should have been (упрек, сожаление), shall be с подлежащим you (внушение, программирование). Однако перлокутивный эффект не гарантирован грамматической формой; он зависит от контекста, социальных отношений между коммуникантами и их психологического состояния.

Важно отметить, что одна и та же грамматическая форма может в разных контекстах реализовать разные типы речевых актов. Например, конструкция «You will be there at five» может быть и локутивным предсказанием, и иллокутивным приказом, и источником перлокутивного эффекта угрозы в зависимости от интонации и ситуации общения. Это указывает на то, что грамматика задаёт не жёсткую детерминацию, а поле возможностей, актуализируемое в конкретных коммуникативных ситуациях.

Полученные результаты позволяют ответить на три проблемы, поставленные во введении.

Проблема классификации получает грамматическое основание: иллокутивные акты могут быть разделены на два типа – метаглагольные (перформативные) и модальные BE-конструкции.

Проблема различения локуции и иллокуции решается через дихотомию BE/метаглагол: в BE-конструкциях без модальности доминируют локутивы, в метаглагольных и модальных BE-конструкциях – иллокутивы.

Проблема перлокуции получает объяснение через понятие грамматических инструкций: грамматическая форма создаёт ожидания, которые при благоприятных контекстуальных условиях реализуются в перлокутивном эффекте.

В отличие от множества современных интерпретаций [15, с. 45-78], мы предлагаем не очередную семантическую классификацию иллокутивных актов, а эмпирически обоснованную грамматическую модель, выводимую из структуры самого языка. Открытость и творческая природа речи при таком подходе не отрицаются, но получают объяснение: бесконечное разнообразие речевых актов есть результат комбинирования и контекстуальной актуализации конечного набора грамматических инструкций.

Заключение

Проведённый эмпирический анализ на материале романов Г. Роббинса позволяет сформулировать следующие выводы.

Дихотомия BE/метаглагол статистически значимо коррелирует с различением локутивных и иллокутивных актов. BE-конструкции без модальной нагрузки в 76 % случаев выражают локутивные акты; модальные BE-конструкции и метаглаголы речевого действия – иллокутивные. Это даёт лингвистически обоснованный критерий для операционализации теории речевых актов.

Иллокутивная сила кодируется двумя грамматическими механизмами: (а) лексически – через метаглаголы речевого действия (64 % всех иллокутивов); (б) грамматически – через модальные компоненты BE (36 % всех иллокутивов). Первый механизм более надёжен, второй – более контекстно зависим.

Перлокутивный эффект не имеет прямой грамматической формы, однако определённые конструкции систематически коррелируют с типичными перлокутивными эффектами (must be – убеждение, should have been – упрёк, shall be – программирование). Коэффициент Крамера V = 0,51 подтверждает умеренную статистическую связь.

Предложенная модель не претендует на завершение «незавершённого проекта» Дж. Остина, а предлагает один из возможных эмпирических инструментов для анализа связи грамматики и речевых актов. Полученные корреляции являются вероятностными и контекстно-зависимыми.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса (до 1000 примеров), включением других языков (русского, немецкого) для проверки универсальности дихотомии BE/метаглагол, а также с применением методов машинного обучения для автоматического распознавания типов речевых актов по грамматическим признакам.

Список литературы

1. Austin JL. How to do things with words. Oxford: Oxford University Press, 1962:174.

2. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 17. С. 170-194. EDN: THRZAL

3. Беррандоннер А. Элементы лингвистической прагматики / пер. с фр. // Лингвистическая прагматика: сб. ст. М.: Прогресс, 1981. С. 15-48.

4. Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Академический проект, 2012. 375 с.

5. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1990. 341 с.

6. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд., перераб. М.: Языки славянской культуры, 2021. 440 с.

7. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 2: Семантика и прагматика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2022. 672 с.

8. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. 5-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2021. 352 с.

9. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика и теория речевых актов: точки соприкосновения // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С. 28-42.

10. Levinson SC. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983:438.

11. Сахневич С. В. Дихотомия глагола BE и метаглаголов в английском языке: опыт грамматической онтологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 12. С. 45-52.

12. Jockers ML. Macroanalysis: Digital Methods and Literary History. Urbana: University of Illinois Press, 2013:192.

13. Moretti F. Distant reading. London: Verso, 2013:244.

14. Quirk R, Greenbaum S, Leech G, Svartvik J. A

References

1. Austin JL. How to do things with words. Oxford: Oxford University Press, 1962:174.

2. Searle JR. Classification of illocutionary acts. *Novoe v Zarubezhnoy Lingvistike*. 1986(17):170-194. (In Russ). EDN: THRZAL

3. Berrandonner A. Elements of linguistic pragmatics. Trans. from French. Linguistic Pragmatics: collection of Papers. Moscow: Progress, 1981:15-48. (In Russ)

4. Derrida J. Fields of Philosophy. Trans. from French by D. Kralechkin. Moscow: Academic project, 2012:375. (In Russ)

5. Arutyunova ND. Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact. Moscow: Nauka, 1990:341. (In Russ)

6. Paducheva EV. Egocentric units of language. 2nd ed., revised. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2021:440. (In Russ)

7. Apresyan YuD. Research on semantics and lexicography. Vol. 2. Semantics and pragmatics. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2022:672. (In Russ)

8. Kobozeva IM. Linguistic semantics. 5th ed. Moscow: LENAND, 2021:352. (In Russ)

9. Demyankov VZ. Cognitive linguistics and the theory of speech acts: points of contact. *Kognitivnye Issledovaniya lazyka.* 2020(4(43):28-42. (In Russ)

10. Levinson SC. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983:438.

11. Sakhnevich SV. Dichotomy of the verb BE and meta-verbs in the English language: experience of grammatical ontology. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki.* 2025(12):45-52. (In Russ)

12. Jockers ML. Macroanalysis: Digital Methods and Literary History. Urbana: University of Illinois Press, 2013:192.

13. Moretti F. Distant reading. London: Verso, 2013:244.

comprehensive grammar of the English Language. London: Longman, 1985:1779.

15. Tsohatzidis SL. Speech act theory: essays and new directions. London: Routledge, 2021:290.

14. Quirk R, Greenbaum S, Leech G, Svartvik J. A comprehensive grammar of the English Language. London: Longman, 1985:1779.

15. Tsohatzidis SL. Speech act theory: essays and new directions. London: Routledge, 2021:290.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Сахневич Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, Институт деловой карьеры, Москва, Россия, crash68@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2068-9250

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Sergey V. Sakhnevich, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics, Institute of Business Career, Moscow, Russia, crash68@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2068-9250

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2026
Одобрена после рецензирования 30.05.2026
Принята к публикации 17.06.2026

The article was submitted 17.04.2026
Approved after reviewing 30.05.2026
Accepted for publication 17.06.2026

ИНФОРМАЦИЯ. ХРОНИКА. ЮБИЛЕИ

Информация. Хроника. Юбилеи / Information. Chronicle. Anniversary
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-100-104
EDN: VGSLGI

В Дагестанском государственном педагогическом университете им. Р. Гамзатова прошла Всероссийская конференция, посвященная Дню единства народов России

© 2026Мугутдинова Н. Ш.✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, mugutdinova.n@mail.ru✉

The All-Russian Conference Dedicated to the Day of Unity of the Peoples in Russia was held at Gamzatov Dagestan State Pedagogical University

© 2026Naida Sh. Mugutdinova✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, mugutdinova.n@mail.ru✉

29 апреля 2026 г. в конференц-зале Дагестанского государственного педагогического университета им. Р. Гамзатова (ДГПУ им. Р. Гамзатова) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Единство народов – залог успеха и процветания». Оргкомитет конференции возглавил Мирзаев З. М. – кандидат юридических наук, декан исторического факультета, Амирханов И. А. – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории ДГПУ им. Р. Гамзатова, Акмурзаева З. М. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова, Мугутдинова Н. Ш. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова. Программный комитет представляли Рамазанова Б. Ш. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей социальной педагогики Дагестанского государственного университета (ДГУ), Сердеров Р. М. – кандидат исторических наук, директор МБОУ СОШ № 10 г. Махачкалы, Султанбеков Р. М. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова, Махадов А. К. – учитель истории и географии МБОУ «Гимназия № 37 им. М. Н. Нурбагандова» г. Махачкалы, Алиева С. Т. – кандидат педагогических наук, учитель истории МБОУ

«Гимназия № 56 им. А. М. Мирзабекова» г. Махачкалы, Акмурзаева З. М. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова, Магомедова Э. М. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова, Нахибашев З. М. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова, Эмирханов И. А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова.

В работе конференции приняли очное участие 80 человек. Пленарное заседание конференции открыла З. М. Акмурзаева. Церемония открытия началась с исполнения государственного гимна Российской Федерации. С приветственными словами к участникам конференции обратились декан исторического факультета З. М. Мирзаев и заведующий кафедрой истории И. А. Эмирханов.

В рамках пленарного заседания прозвучали содержательные глубокие доклады, охватывающие широкий круг тем: исторический опыт становления и развития российского многонационального государства: единство и многообразие; Россия, Беларусь и Дагестан: дружба народов как залог успеха; стратегия национального единения России; патриотический подъём трудящихся Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.; роль молодёжи в укреплении единства многонационального народа России; образование и воспитание как инструменты формирования культуры межнационального взаимодействия России; межнациональное согласие как стратегический ресурс устойчивого развития Российского государства; вклад и единство тружеников тыла в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.; исторические корни единства народов России; роль патриотических и силовых институтов Дагестана в укреплении национального единства и т. д.

В рамках пленарной секции выступила профессор З. М. Акмурзаева с докладом «Исторический опыт становления и развития Российского многонационального государства: единство и многообразие». В своем выступлении она подчеркнула, что 2026 г. по решению Президента РФ Владимира Путина объявлен Годом единства народов России. На протяжении многих веков Россия формировалась как многонациональное и поликонфессиональное государство, объединяя различные территории, народы и культуры. К началу XX в. Россия представляла собой классическую многонациональную империю, национальная политика которой была направлена на сохранение единства государства и учитывала многообразие этнических групп.

Образование СССР (1922 г.) явилось живым олицетворением принципов пролетарского интернационализма, сплотившего многочисленные народы страны в многонациональный коллектив, в котором национальные особенности органически сочетались с общесоветскими чертами и традициями.

Наивысшим выражением единства народов СССР стала Великая Отечественная война 1941-1945 гг., когда дружба народов прошла суровую проверку в условиях войны. Общенациональный подъём и единство народов явились одним из важнейших факторов, обеспечивших победу Советского Союза в Великой Отечественной войне.

В последующие годы национальная политика была направлена на укрепление дружбы между народами Советского Союза. В начале 70-х гг. был сделан вывод о складывании новой исторической общности – советского народа. После распада СССР в 1991 г. Россия стала независимым государством, унаследовав полиэтничный и поликонфессиональный состав населения. Современная Конституция РФ признаёт многонациональную структуру общества, гарантирует право на сохранение языков, культур и традиций народов России.

Вопросы межнационального согласия и единства народов Российской Федерации приобрели особую актуальность с началом специальной военной операции в 2022 г. Проведение года единства народов России призвано содействовать укреплению межнационального согласия, мира, взаимного уважения, а также сохранению культурного и языкового многообразия страны.

Основа национальной политики России – сохранение уникальной самобытности каждого народа, проживающего на её территории. Укрепление взаимного уважения, поддержка культурного разнообразия создаёт благоприятные условия для гармоничного сосуществования всех граждан России. Истинная сила России – в многообразии и сплочённости народов. Уникальной моделью сосуществования различных этносов России выступает Дагестан, где сохраняется этнокультурное и языковое многообразие проживающих здесь народов.

Секционные заседания прошли по следующим темам:

1. Первая мировая война и политика Турции на Кавказе;
2. Вклад дагестанцев в защиту национальных интересов России; Героические страницы специальной военной операции;
3. Межнациональное согласие как фактор стабильности в Дагестане;
4. Роль патриотических и силовых институтов Дагестана в укреплении национального единства;
5. Республика Дагестан как уникальная модель межнационального сосуществования народов России;
6. Место и роль русского языка в национальной школе Дагестана;
7. Дагестанцы – блокадники Ленинграда;
8. Матери героев: тихие героини великих событий;
9. Роль школьного музея как социокультурного института в патриотическом воспитании учащихся;
10. Исторический взгляд на Гюлистанский договор 1813 г.

В работе секционных заседаний выступили с устными докладами студенты и магистратуры исторического факультета ДГПУ им Р. Гамзатова, а также учителя истории.

Целью конференции стало укрепление национального единства, мира и межнационального согласия народов Российской Федерации. Мероприятие было направлено на сохранение культурно-языкового многообразия, развитие патриотизма и утверждение взаимного уважения как основы общероссийской гражданской идентичности.

Конференция по данной теме выполняет несколько важных задач:

1. Общественно-политическую;
2. Образовательную;
3. Патриотическую.

Организаторы конференции выражают искреннюю благодарность учителям, магистрантам, а также политическим и общественным деятелям республики. По итогам конференции планируется издание сборника материалов конференции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Мугутдинова Наида Шамильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, mugutdinova.n@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Affiliation

Naida Sh. Mugutdinova, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, mugutdinova.n@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.05.2026
Принята к публикации 19.05.2026

The article was submitted 11.05.2026
Accepted for publication 19.05.2026

Информация. Хроника. Юбилеи / Information. Chronicle. Anniversary
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-105-114
EDN: WGQOCH

Международная научная конференция «Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России», посвященная Году единства народов России

© 2026**Султанбеков Р. М.**✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, rabadan.sultanbekoff@yandex.ru✉

International Scientific Conference “Current Problems of the History of the Peoples in the Caucasus and Southern Russia”, Dedicated to the Year of Unity of the Peoples in Russia

© 2026**Rabadan M. Sultanbekov**✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, rabadan.sultanbekoff@yandex.ru✉

Рис. 1. **Президиум конференции: проректор по научной работе и цифровизации ДГПУ им. Р. Гамзатова М. А. Сурхаев, д.и.н., профессор М. Р. Гасанов, доцент кафедры истории Р. М. Султанбеков**

14-15 мая 2026 г. в г. Махачкале в Дагестанском государственном педагогическом университете им. Р. Гамзатова состоялась ежегодная Международная научная конференция «Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России». Мероприятие, организованное кафедрой истории и историческим факультетом, было приурочено к Году единства народов России и собрало более 70 исследователей из ведущих научных центров и вузов России, а также из стран ближнего зарубежья – Абхазии, Азербайджана и Южной Осетии.

Конференция, начавшая свою работу 14 мая с пленарного заседания, объединила как признанных ученых-кавказоведов, так и тех, кто только начинает свой путь в науке – аспирантов и магистрантов. Столь широкий состав участников позволил взглянуть на историю и современность региона под разными углами (рис. 1).

Программа конференции охватила внушительный пласт времени: от глубокой древности до наших дней. Дискуссии

развернулись вокруг шести фундаментальных блоков:

– **Методология и источники.** Участники обсудили, как меняется современное кавказоведение, какие новые подходы и архивные материалы позволяют переосмыслить устоявшиеся концепции.

– **Исторические связи.** Особое внимание уделили тому, как складывались отношения народов Дагестана с соседями по Кавказу и Россией на протяжении столетий – от средневековья до эпохи Нового времени.

– **Социальный и экономический срез.** Эксперты проанализировали культурные и экономические трансформации, которые происходили на Юге России в последние века.

– **Геополитический узел.** Отдельная сессия была посвящена сложной «игре интересов» между Россией, Турцией и Ираном в XVII-XIX вв., которая во многом определила судьбу региона.

– **Эпоха потрясений.** Ученые детально разобрали роль народов Кавказа и Дагестана в бурных событиях революционного периода и Гражданской войны.

– **Уроки истории.** Завершающим аккордом стало обсуждение темы Великой Отечественной войны, где лейтмотивом выступило единство народов как решающий фактор, обеспечивший победу Советского Союза.

Торжественное мероприятие началось приветственной речью официальных лиц, представителей науки и образования.

С приветственным словом к собравшимся обратился проректор по научной работе и цифровизации ДГПУ им. Р. Гамзатова Магомед Абдуллаевич Сурхаев (рис. 2).

Рис. 2. **С приветственным словом выступает проректор по научной работе и цифровизации ДГПУ им. Р. Гамзатова М. А. Сурхаев**

Рис. 3. **Приветствие заведующего отделом Института истории и этнологии им. А. А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана Г. Н. Гасанова (онлайн)**

От имени ректора университета Наримана Асваровича Асварова он передал теплые слова приветствия и пожелал участникам конференции плодотворной и творческой работы. Далее в своем выступлении он подчеркнул важность проведения подобных научных форумов для глубокого изучения многовековых взаимоотношений народов Кавказа и России.

Теплые слова приветствия также прозвучали от проректора по учебно-методической работе ДИРО Министерства образования и науки РД Ахмеда Джабраиловича Курбанова, декана исторического факультета Закира Мукаиловича Мирзаева и заведующего отделом Института истории и этнологии им. А. А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана Гаджи Нури оглы Гасанова (рис. 3).

В рамках пленарного заседания было заслушано девять докладов, охватывающих широкий спектр тем отечественной и зарубежной истории. Особый интерес вызвали выступления: д.и.н., профессора ДГПУ им. Р. Гамзатова Магомеда Раджабовича Гасанова – об истории древней Кавказской Албании (рис. 4);

Рис. 4. **С докладом выступает д.и.н., профессор ДГПУ им. Р. Гамзатова М.Р. Гасанов**

Рис. 5. **Выступление д.и.н., профессора, зам. директора Федерального исследовательского центра ЮНЦ РАН Евгения Федоровича Кринко**

д.и.н., профессора, зам. директора Федерального исследовательского центра ЮНЦ РАН (г. Ростов на Дону) Евгения Федоровича Кринко – о проблеме эвакуации населения из западных областей страны на Северный Кавказ в начале войны (рис. 5);

Рис. 6. **С докладом выступает д.и.н., доцент, проректор по учебно-методической и научной работе ГБУ ДПО РД «Дагестанский институт развития образования» А. Д. Курбанов**

проректора по учебно-методической и научной работе ГБУ ДПО РД «Дагестанский институт развития образования», д.и.н., доцента Ахмеда Джабраиловича Курбанова – о подготовке учебников региональной истории для школ республики Дагестан (рис. 6);

профессора, член-корреспондента Северокавказского центра международной академии архитектуры, (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания) Владимира Бутусовича Бесолова – об актуальных проблемах архитектуроведческого аспекта кавказоведения; зав. кафедрой истории Дагестана, д.и.н., профессора ДГУ Абдулкадыра Исаевича Омарова – о проектах и вариантах царской администрации включения Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи в первой половине XIX в.; главных научных сотрудников ИИАЭ ДФИЦ РАН к.и.н. Лейлы Ганиевны Каймаразовой и к.и.н. Юлии Михайловны Лысенко – о характеристике материалов «письма-газеты» «Дагестан своим фронтовикам», издававшейся в Махачкале комиссией по истории Великой Отечественной войны для фронтовиков-дагестанцев в 1943-1945 гг. в контексте отражения единства народов страны и народов многонационального Дагестана (рис. 7);

Рис. 7. **С докладом выступают г.н.с. ИИАЭ ДФИЦ РАН, к.и.н. Л. Г. Каймаразова и к.и.н. Ю. М. Лысенко**

д.и.н., ведущего научного сотрудника Комплексного научно-исследовательского института АН Чеченской Республики, Салмана Мирзакевича Джамирзаева – о цивилизационном аспекте этногенеза чеченцев в контексте кавказоведческого составляющего (рис. 8);

Рис. 8. **С докладом выступает д.и.н., в.н.с. Комплексного научно-исследовательского института АН Чеченской Республики С. М. Джамирзаев**

д.и.н., профессора кафедры отечественной истории Дагестанского государственного университета Иманутдина Хаабибовича Сулаева – о состоянии колхозов и положении колхозников Дагестанской АССР в годы Великой Отечественной войны (рис. 9);

Рис. 9. **С докладом выступает д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Дагестанского государственного университета И. Х. Сулаев**

Рис. 9. **С докладом выступает к.и.н., доцент кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова Р. М. Султанбеков**

к.и.н., доцента кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова Рабадана Магомедовича Султанбекова – об истории возникновения государственно-политической структуры Зирихгеран (рис. 10).

Далее конференция продолжила работу в секционных заседаниях, где участники углубились в актуальные вопросы кавказоведения. Доклады Адиля Бахшали Бахшалиева, д.и.н., профессора Сумгаитского государственного университета, Республика Азербайджан – О создании и деятельности «Комитета по оказанию помощи пострадавшим от шамахинского землетрясения» в г. Баку; Марен Белановны Долгиевой, д.и.н., профессора Ингушского государственного университета – Отражение социального статуса женщины в архаичном женском пантеоне ингушей; Розы Мусаевны Магомедовой, д.и.н., до-

цента кафедры истории ДГПУ им. Р. Гамзатова – Консолидация горских обществ Дагестана как основной фактор разгрома военной машины Надир-Шаха (1735-1745 гг.); Рамиля Юзахмед оглы Нифталиева, ведущего научного сотрудника Института истории и этнологии им. А. Бакиханова НАН Азербайджана – О создании и деятельности «Комитета по оказанию помощи пострадавшим от шамахинского землетрясения» в г. Баку; Мадины Абдурахмановны Маммаевой, к.и.н., доцента, Зои Николаевны Лобачевой, к. филос. наук Дагестанского государственного аграрного университета им. М. М. Джамбулатова – Кавказская Албания в исторической ретроспективе народов Дагестана; Астанда Омаровна Киут, аспирантки Абхазского государственного университета – Трансформация уклада жизни в Абхазии во второй половине XIX в.; Николая Дмитриевича Чекулаева, к.и.н., старшего научного сотрудника Института ИАЭ ДФИЦ РАН – Россия и Дагестан в первой трети XVIII в.; Гусейновой Байзат Магомедовны, к.и.н., доцента кафедры истории Дагестанского государственного университета – К вопросу изучения социальных отношений в федерации союзов Антль-Ратль и др. были посвящены проблеме «Социально-экономической и политической истории народов Кавказа и Юга России в древности, средневековье и новое время». В первой секции всего было заявлено 17 докладов. Участники секции в своих докладах отметили, что на рубеже XVI-XVIII вв. Дагестан являлся зоной столкновения интересов Ирана, Турции и России; занимал важное стратегическое и геополитическое положение, располагаясь на пересечении транзитных торговых путей из Азии в Россию и Европу.

Тема «Социально-экономическое и политическое развитие народов Кавказа и Юга России в XX веке» нашла отражение в научных докладах, заявленных во второй секции. Всего было заявлено 25 докладов. Наибольший интерес вызвали доклады: Фазиля Бахшалиева, д.и.н. проф., Самура Бахшалиева, к.и.н., доцента Бакинского государственного университета – Основные направления и стратегия развития Азербайджанской республики; Ислама Заутдиновича Хатуева, к.и.н., доцента кафедры новой и новейшей истории Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова – Первая мировая война и политика Турции на Кавказе; Зухры Магомедаминовны Акмурзаевой, д.и.н., профессора кафедры истории Дагестанского государственного педагогического университета им. Р. Гамзатова – XX съезд КПСС в истории народов Дагестана: смена эпох, уроки, значение; Айсел Магомед кызы Шамиловой, докторанта Сумгаитского государственного университета – Расширение правовых демократических реформ и их влияние на социально-политическую жизнь Азербайджанской республики (2016-2020 гг.); Фатимы Аскербиевны Токовой, старшего преподавателя, Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева – Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года; Завена Викторовича Акопяна, ассистента, Виктора Завеновича Акопяна, к.и.н., доцента Пятигорского государственного университета – Состояние кинематографии в Пятигорске в первые десятилетия XX века (1901-1929 гг.); Ольги Борисовны Халидовой, к.и.н, научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН – Архивные документы ЦГА РД как источник в контексте интеграции военных священников Дагестанской области в социокультурное пространство Российской империи (XIX – нач. XX в.); Камиля Мирнаги оглу Адыгезалова, аспиранта-преподавателя Губинского филиала Азербайджанского государственного педагогического универси-

тета – К истории аграрной политики Российской империи в Карабахском регионе.

В их докладах нашли освещение такие актуальные проблемы кавказоведения, как Первая мировая война и политика ведущих стран Европы и Востока; основные направления внешней политики стран кавказского региона и России в новейшее время; вопросы культурного развития народов Кавказа и Юга России; аграрная политика России в кавказском регионе в начале XX в.; проблемы межнациональных отношений на постсоветском пространстве; вопросы развития науки и образования в новейшее время.

В третьей секции прозвучали доклады, посвященные героизму и мужеству советских людей на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. Всего было заявлено 17 докладов. Научный и практический интерес вызвали доклады: Магомаева Ваха Хумитовича, главного научного сотрудника АН ЧР, д.и.н., профессора – Промышленность и труженики тыла: вклад в Великую победу; Суздальцевой Ирины Анатольевны, к.и.н., доцента кафедры всеобщей истории ДГПУ им. Р. Гамзатова – Участие рабочей молодежи в организации строительства бронепоезда «Комсомолец Дагестана» в годы Великой Отечественной войны; Алиевой Сурижат Юсуфовны, к.ю.н., доцента кафедры юридических и гуманитарных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в Дербенте – Многонациональное единство народов Советского Союза в годы войны; Сулейманлы Дильшад Курбат кызы, магистрантки Сумгаитского государственного университета – Роль дружбы и солидарности советских народов в достижении Победы в Великой Отечественной войне; Цховребова Николая Таймуразовича, научного сотрудника отдела истории и этнологии Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Н. Ванеева – Детское пространство Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны; Тетеревятниковой Дианы Магомедсултановны, аспирантки Пятигорского государственного университета – Боевой путь Калуцкого Николая Васильевича в годы Великой Отечественной войны; Бикоева Артура Вячеславовича, аспиранта Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова – Роль военных отделов партийных комитетов Северо-Осетинской АССР в оказании помощи семьям фронтовиков; Махадова Ахмадия Камиловича, ст. преподавателя, аспиранта Дагестанского государственного университета – Роль женщины в общественно-политической жизни страны в годы войны.

В ходе обсуждения докладчики выразили единодушное мнение: решающим фактором в достижении Победы в Великой Отечественной войне стало нерушимое единство и дружба народов СССР. В современных условиях, когда предпринимаются попытки фальсификации событий Второй мировой войны, роль научного сообщества возрастает многократно. Наша общая задача – отстаивать историческую правду, противостоять искажению фактов и обеспечивать преемственность поколений, чтобы память о подвиге наших предков оставалась незыблемой.

Научная конференция – это площадка для живого общения и познания, обмена информацией, дискуссий и научных споров. Международная научная конференция «Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России» стала показателем уровня изученности проблемы развития российско-кавказских взаимоотношений с древности до современности.

В рамках конференции была организована выставка научных достижений сотрудников исторического факультета, посещение библиотеки проф. Р. М. Гасанова. Для гостей конференции была организована экскурсия в музей под открытым не-

бом «Дагестанское подворье» на территории ДГПУ им. Р. Гамзатова.

Проведение Международной научной конференции «Актуальные проблемы истории народов Кавказа и Юга России» стало значимым мероприятием в современном кавказоведении и наметило пути дальнейшего развития кавказоведческих исследований. Конференция подтвердила, что интерес к истории Кавказа остается не только высоким, но и крайне востребованным для понимания современных процессов в регионе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Принадлежность к организации

Султанбеков Рабадан Магомедович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, rabadan.sultanbekoff@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Affiliation

Rabadan M. Sultanbekov, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, rabadan.sultanbekoff@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.05.2026
Принята к публикации 29.05.2026

The article was submitted 27.05.2026
Accepted for publication 29.05.2026

Информация. Хроника. Юбилеи / Information. Chronicle. Anniversary
DOI: 10.31161/1995-0667-2026-20-1-2-115-117
EDN: YOUOCV

Рецензия на книгу А. М. Султанмурадова «Фольклор и литература кумыков: исследования, статьи» (Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2025. 273 с.)

© 2026**Шабаева Л. А.**✉
Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Россия, leilatarki@mail.ru✉

Review for A. M. Sultanmuradov's Book "Folklore and literature of the Kumyks: research, papers" (Makhachkala: ILLA DFRS RAS, 2025:273)

© 2026**Leyla A. Shabaeva**✉
Gamzatov Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia, leilatarki@mail.ru✉

Книга А. М. Султанмурадова «Фольклор и литература кумыков: исследования, статьи» посвящена систематическому изучению, сбору и анализу кумыкского устного народного творчества и письменной литературы. Она включает в себя более 30 статей, написанных автором в разное время, на протяжении более чем тридцатилетней деятельности на ниве исследования устного народного творчества и национальной литературы кумыков. В неё вошли статьи, рецензии, отзывы А. М. Султанмурадова, опубликованные на страницах разных журналов, сборников научных статей, а также некоторых художественных книг кумыкских писателей.

Статьи, опубликованные в данной книге, раскрывают важные страницы становления, развития и современного состояния кумыкской художественной словесности. Особое внимание автором уделяется анализу жанров и поэтики народных произведений, изучению взаимосвязей фольклора и литературы.

В работе исследуются основные направления кумыкского фольклора: устные жанры, сказания, песни, басни, а также их связь с письменной литературой и ролью в формировании национальной идентичности. Автор уделяет внимание традициям сбора и публикации кумыкских фольклорных памятников. Об этом свидетельствуют такие статьи, как «Звукоритмическая организация пословиц и поговорок в кумыкском языке», «Фольклорные традиции в творчестве Йырчи Казака», «Фольклорные традиции в поэзии М. Атабаева», «Использование кумыкских пословиц и поговорок в творчестве Магомед-Наби Халилова» (на примере романа «Сали Сулейман»).

Исследователь анализирует процесс становления национальной литературы в историческом контексте от XIX в. до современности.

Ряд статей посвящен анализу творчества, чаще отдельных книг, произведений десятков кумыкских писателей, творив-

ших в разные периоды развития истории национальной литературы кумыков. Среди них можно назвать следующие: «Отображение исторических событий в романе Б. Атаева «Младший сын шамхала», «Проблема сохранения родного языка в творчестве А. Джачаева», «Гражданские мотивы в четверостишиях Ахмеда Джачаева», «О переводах восьмистиший Р. Гамзатова на кумыкский язык», «Судьба кумыкского народа в творчестве Бадрудина», «Структура и идейно-художественное своеобразие книги Бадрутдина Магомедова «Оборванное стремя» и др.

А. М. Султанмурадова интересует также судьба известного кумыкского писателя, просветителя, переводчика, мусульманского богослова Абусуфьяна Акаева. Абусуфьян Акаев (Арсланбеков) из старинного аула Нижнее Казанище Темир-Хан-Шуринского округа Дагестана – выдающийся кумыкский, дагестанский и северокавказский просветитель, общественный деятель и основатель новометодного обучения, один из основателей (совместно с М.-М. Мавраевым) национального книгопечатания в Дагестане, автор десятков книг, представляющих собой первые школьные учебники по грамматике, географии, математике, этике [1, с. 137].

Как пишет М. А. Гусейнов, вклад А. Акаева в кумыкскую литературу и дагестанскую культуру огромен. Весома, в частности, его роль в истории дагестанского национального книгоиздания, в зарождении и формировании кумыкской, дагестанской прессы, публицистики, литературной критики. Впечатляет само количество изданных им книг в дореволюционный период – около пятидесяти. Творческое наследие А. Акаева составляет одну из ярких и значительных страниц национальной словесной культуры [2, с. 322].

Этой замечательной личности А. М. Султанмурадов посвятил такие статьи, как «Зарождение кумыкской публицистики и творчество А. Акаева», «Проблемно-тематическое содержание публицистики А. Акаева периода революции и гражданской войны», «Вопросы основ ислама в книгах религиозного содержания А. Акаева», «О предисловиях к книгам светского содержания А. Акаева», «О религиозно-нравственных взглядах А. Акаева (на основе анализа стихотворения «Наставления детям»), «Абусуфьян Акаев о концепции развития языковой ситуации в Дагестане накануне Октябрьской революции», «Книгоиздательская деятельность Магомед-Эфенди Османова и Абусуфьяна Акаева: проблема преемственности», «Художественное осмысление жизненного и творческого пути А. Акаева в произведениях кумыкских писателей (на основе анализа поэмы «Пламя» Бадрутдина Магомедова), «Новая книга о замечательном дагестанце». В последней статье речь идет о книге «Абусуфьян Акаев: эпоха, жизнь, деятельность», которая открывает серию «Жизнь замечательных дагестанцев» – «на наш взгляд, событие далеко не случайное, ибо человек, вошедший с историю как видный общественный деятель, просветитель, реформатор, гуманист, демократ, талантливый учёный, писатель, переводчик и книгоиздатель, внесший огромный вклад в духовную культуру наших народов, конечно же, достоин оказания ему такой чести, такого внимания» [3, с. 95].

Эта книга, по мнению А. М. Султанмурадова, является событием большой общественной, культурной, духовной значимости и лишь одним из шагов в благородном деле исследования, популяризации духовного наследия А. Акаева и увековечения его светлой памяти. Здесь представлены материалы, освещающие самые разные аспекты многогранной деятельности А. Акаева: общественно-политическую, гуманистическую, просветительскую, реформаторскую, религиозную, педагогическую, литературную, публицистическую, книгоиздательскую, лингвокультурологическую и т. д. Составителем книги являлся Гасан Магомедрасулович Оразаев, работавший старшим научным сотрудником ИАЭ ДНЦ РАН, к сожалению, ныне покойный. А. М. Сул-

танмурадов справедливо отмечает, что книги Г. М. Оразаева всегда отличаются качеством, продуманностью содержания и структуры, логической выдержанностью, тщательностью отбираемого материала. Не стала исключением в этом отношении и последняя книга Г. М. Оразаева [3, с. 98].

Статьи А. М. Султанмурадова, включенные в рецензируемую книгу, отличаются тщательным подходом к источниковедению, вниманием к языковым и стилистическим особенностям текстов, а также глубоким пониманием культурного контекста. Они написаны научным, но доступным языком, что позволяет эффективно использовать их в академической среде и при преподавании. Исследователь подчеркивает значение фольклора как живого культурного наследия и его влияние на современные литературные процессы.

Работа А. М. Султанмурадова «Фольклор и литература кумыков: исследования, статьи» является важным научным вкладом в область кумыкской, всей дагестанской фольклористики и литературоведения, способствующей сохранению и популяризации национальной культуры. Для специалистов по дагестанским народам и общей фольклористике она представляет собой ценный источник для дальнейших исследований и сравнительного анализа.

Исследователь высказывает свои суждения по многим актуальным проблемам кумыкской фольклористики и литературоведения.

В целом научное исследование выполнено на высоком теоретико-методологическом уровне, с использованием богатого, ранее не исследованного материала. Ценность заключается еще и в том, что материалы настоящей работы могут быть использованы при изучении литературы кумыков и других народов Кавказа, особенно тюркских народов.

Таким образом, рецензируемая книга заслуживает положительной оценки за глубокий научный анализ, методическую основу и культурную значимость исследований А. М. Султанмурадова в области устного народного творчества и письменной литературы кумыков.

Список литературы

1. Абдуллатипов А.-К. Ю., Гусейнов М. А., Шабаева Л. А. История кумыкской литературы. Т. 2. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2018. 551 с.

2. Гусейнов М. А. Национальная литература кумыков (вторая половина XIX – начало XX века). Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. 358 с.

3. Султанмурадов А. М. Фольклор и литература кумыков: исследования, статьи. Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2025. 273 с.

References

1. Abdullatipov A-KYu, Guseinov MA, Shabaeva LA. History of Kumyk literature. Vol. 2. Makhachkala: ILLA DSC RAS, 2018:551. (In Russ)

2. Guseynov MA. National literature of the Kumyks (second half of the 19th – early 20th century). Makhachkala: ILLA DFRS RAS, 2012:358. (In Russ)

3. Sultanmuradov AM. Folklore and literature of the Kumyks: research, papers. Makhachkala: ILLA DFRS RAS, 2025:273. (In Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Принадлежность к организации

Шабаева Лейла Абдулкадыровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой дагестанской литературы, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Россия, Махачкала, leilatarki@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Affiliation

Leyla A. Shabaeva, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Dagestan Literature, Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia, leilatarki@mail.ru

Рецензия поступила в редакцию 27.05.2026
Принята к публикации 29.05.2026

The review was submitted 27.05.2026
Accepted for publication 29.05.2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает на рассмотрение научные статьи. Представляемые материалы должны быть оформлены в соответствии с настоящими Правилами и соответствовать тематической направленности журнала «**Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки».**

Верстка журнала осуществляется с электронных копий. Используется компьютерная обработка штриховых и полутоновых (в градациях серого) рисунков. Журнал изготавливается по технологии ризографной печати.

1. Текст статьи набирается в редакторе MS Word (с расширением .doc) шрифтом "Times New Roman" размером 14 через интервал 1,5 в формате А4. Поля текста стандартные. Все страницы должны быть пронумерованы.

2. Перед текстом статьи указываются:

индекс УДК (информацию о классификаторе УДК см. на сайтах http://teacode.com/ online/udc/ или http://www.udcc.org/) (на русском языке);

название статьи (на русском и английском языках);

фамилии и инициалы авторов, название учреждения, город, страна, эл. почта (на русском и английском языках);

резюме статьи объемом 10-15 строк, которое не должно дублировать вводный или заключительный раздел статьи (на русском и английском языках) и должно включать: цель, методы, результаты, выводы;

ключевые слова (5-10) (на русском и английском языках).

3. Изложение материала должно быть ясным и по возможности кратким. Текст и остальной материал следует тщательно выверить. Текст статьи должен быть структурирован, т. е. содержать цель исследования, материал и методы исследования, результаты и их обсуждение, заключение (выводы). Рукописи, направляемые в журнал, являются оригиналом для печати и должны являться материалом, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях.

4. Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к их представлению.

5. Рисунки создаются в формате .jpg, вставляются непосредственно в текст и нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

6. В тексте статьи все формулы набираются в редакторе Microsoft Equation 3.0, таблицы – в формате MS Word. Таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица перед своим появлением должна упоминаться в тексте, например, «... (табл. 1)...».

Сокращения в надписях не допускаются.

Наличие данных, по которым строится график, диаграмма.

В тексте статьи обязательно должны содержаться ссылки на иллюстративные материалы.

7. Ссылка на цитату указывается сразу после нее в квадратных скобках: сначала проставляется номер источника цитаты из пристатейного библиографического списка, затем, после запятой, номер страницы с буквой с. Например, [10, с. 81] или, если цитируемый текст переходит на следующую страницу, [10, с. 81-82]. За достоверность цитат ответственность несет автор!

8. Список литературы формируется в порядке цитирования. В список литературы не включаются неопубликованные работы и учебники. Включать в этот список собственные работы не рекомендуется. В библиографическом описании должны быть представлены все авторы. Выражения типа "и соавт.", "с соавт.", "и др." "et all" не допускаются. Автор несет ответственность за правильность данных, приведенных в пристатейном библиографическом списке.

9. Список литературы (с указанием всех авторов) дается в конце статьи, нумеруется (начиная с первого номера, в порядке цитирования), предваряется словом «Литература» и оформляется согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008 (на русском, английском языках и в транслите).

Перечень использованных источников должен начинаться с фамилии и инициалов автора и включать:

для книг – название, место и год издания, издательство, номер тома, страницы;

для журнальных статей – название журнала, год издания, номер тома (выпуска), страницы;

для газет – название, год, месяц, число.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

10. В конце статьи может быть указана организация (№ гранта), финансировавшая выполнение данной работы.

11. К статье прилагаются сведения об авторах на русском и английском языках:

для работников вузов/учебных организаций: Ф.И.О. полностью, ученое звание, занимаемая должность, место работы (кафедра, факультет, вуз), город, страна; электронный адрес, контактные телефоны;

для аспирантов и соискателей: название кафедры, лаборатории, где проводится исследование, Ф.И.О. научного руководителя и его разрешение к публикации, город, страна; электронный адрес, контактные телефоны.

12. Статья должна быть представлена в электронном виде (в редакционно-издательский отдел ДГПУ или электронной почтой dgpurio@yandex.ru), а также в печатном варианте (в 2-х экземплярах на одной стороне листа формата А4), подписанном всеми авторами, для аспирантов и соискателей – и научным руководителем.

Решение о публикации статьи или материала принимается редколлегией журнала. При наличии замечаний к рукописи она возвращается для доработки. Редакция оставляет за собой право отправить рукописи статей на независимую экспертизу. При публикации статьи авторские права передаются редакции журнала.

Редакция оказывает платные услуги научного и технического редактирования текста статьи, перевода библиографического списка (References), аннотации и ключевых слов на английский язык.

Материалы для публикации присылать по адресу: 367000 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57, ДГПУ, Административный корпус, каб. 405. Редакционно-издательский отдел; e-mail: dgpurio@yandex.ru

ОБЪЯВЛЕНА ПОДПИСКА

на ЖУРНАЛ
«ИЗВЕСТИЯ ДАГЕСТАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ»
ИНДЕКС
51323 – ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ
51392 – ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
31173 – ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПО ОБЪЕДИНЕННОМУ КАТАЛОГУ «ПРЕССА РОССИИ»
ИНДЕКС
38653 – ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ
38657 – ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
38652 – ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Известия Дагестанского государственного педагогического университета
серия «Общественные и гуманитарные науки»
Т. 20. № 1-2. 2026

Главный редактор:	*И. А. Дибиров*
Научный редактор:	*И. А. Дибиров*
Редактор:	*Г. Н. Мирзоева*
Редактор английских текстов:	*Г. Н. Мирзоева*
Компьютерная верстка:	*М. А. Сулейманова*

Оригинал-макет подготовлен на базе
редакционно-издательского отдела ДГПУ

Адрес редакции, издателя: 367000 РД, г. Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, 57.
Редакционно-издательский отдел ДГПУ
Тел.: (8722) 675187; www.dgpu.ru; e-mail: dgpurio@yandex.ru

Формат 60x84 1/8. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 500 экз. Заказ № 2612. Цена 416 руб.

Адрес типографии: 367003 РД, г. Махачкала, ул. Сулеймана Стальского, 50;
тел. +7-988-2000164, типография АЛЕФ (ИП Овчинников М. А.)

ELSEVIER

Scopus

ASEP
Association of Science Editors and Publishers

Elsevier, The Netherlands
Scopus Content Selection Advisory Board (CSAB)
Association of Science Editors and Publishers, Russia
Russian Content Selection Advisory Board (RCSAB)

CERTIFICATE
OF ATTENDANCE

GIVEN OUT TO SCIENTIFIC PERIODICAL

Известия ДГТУ.
Серия "Общественные и гуманитарные науки"

to confirm the attendance and presentation to the joint Scopus CSAB and Russian RCAB meeting.
At this meeting, compliance with international standards and selection criteria of the Scopus database, were discussed by experts of Scopus CSAB and Russian RCAB. This meeting took place during the 5th International Scientific and Practical Conference «World-Class Scientific Publication - 2016: Publishing Ethics, Peer-Review and Content Preparation»
(May 17, 2016 – May 20, 2016)

May 17-20, 2016

RANEPA
Moscow, Russia

Karen Holland
Scopus CSAB Subject Chair

ЗНАК КАЧЕСТВА
АНРИ

Olga V. Kirillova
Russian CSAB Chair, president ASEP

Журнал индексируется в библиометрических базах и размещается на платформах:

ISSN 1995-0667

Том 20 № 1 2026